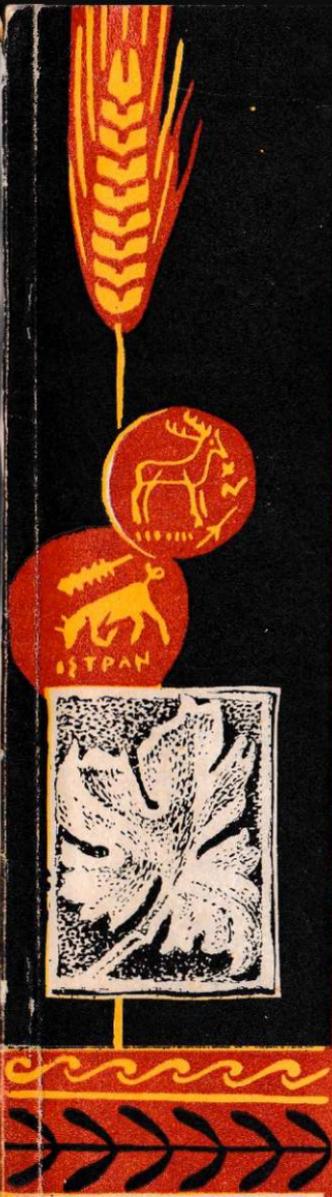

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ КРЫМА

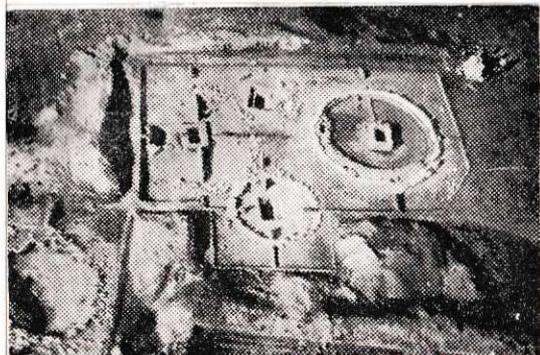
А. ЩЕГЛОВ

ПОЛИС
И
ХОРА

А. ЩЕГЛОВ

ПОЛИС И ХОРА

Издательство „Таврия“
Симферополь — 1976

Почти 150 лет ведутся раскопки Херсонеса Таврического, давно принесшие ему заслуженную славу «Русской Трои». Но лишь сравнительно недавно археологи вышли за пределы крепостных стен древнего города в поисках его сельскохозяйственной территории и подвластных ему городов, укрепленных и неукрепленных поселений. И здесь их ждали интересные открытия.

В книге впервые рассказывается об изучении всего Херсонесского государства эпохи его расцвета, о новых открытиях археологов в окрестностях Севастополя, Евпатории, на берегах Тарханкутского полуострова, о проблемах, стоящих перед современными исследователями.

*Под общей редакцией члена-корреспондента Академии наук УССР,
С. Н. БИБИКОВА.*

Щ 20 904-009 36-76
М216(04)-76

© Издательство «Таврия» · 1976

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи...

А. С. Пушкин

Археология... расширила пространственный горизонт истории почти в той же степени, в какой телескоп расширил поле зрения астрономии.

Г. Чайлд

«Клянусь Зевсом, Геей, Гелиосом, Девой, богами и богинями олимпийскими и героями, владеющими городом [полисом], территорией [хорой] и укрепленными пунктами херсонесцев.

Я буду единомышлен о спасении и свободе государства [полиса] и граждан и не предаю ни Херсонеса, ни Керкинитиды, ни Калос-Лимена [Прекрасной Гавани], ни прочих укрепленных пунктов, ни из остальной территории, которою херсонесцы управляют или управляли, ничего нико-

му, ни эллину, ни варвару, но буду оберегать все это для херсонесского народа...

Я буду врагом замышляющему и предающему или отторгающему Херсонес, или Керкиниту, или Прекрасную Гавань, или укрепленные пункты и территорию херсонесцев...

Хлеб, вывозимый с равнины, я не буду ни продавать, ни вывозить с равнины в какое-либо иное место, но только в Херсонес...»

Слова торжественной клятвы, выдержки из которой приведены*, написаны около 2300 лет назад — в первые десятилетия III в. до н. э. — и вырезаны на плите из белого мрамора. Эта высокая плита с текстом клятвы, получившим современное название «херсонесская присяга», занимает, пожалуй, самое почетное место в первом зале Античного отдела Херсонесского музея. И это не случайно. Перед нами подлинный документ огромной государственной важности — торжественная присяга граждан Херсонеса Таврического, одного из древнейших государств Причерноморья, земли которого располагались когда-то — в пору его расцвета — вдоль западного побережья Крыма. В присяге в сконцентрированном виде содержатся основные законы этого полиса. Говоря современным языком, присяга является программным документом, изданным от лица правящей в городе демократии и обращенным как против внутренней оппозиции, так и против внешних врагов. Основные политические идеи этого документа заключаются в необходимости сохранения и поддержания существующей демократической формы правления и территориальной целостности государства.

Как и всякий законодательный акт, херсонесская

* Перевод С. А. Жебелева.

присяга в своих лаконичных, но емких фразах отражает обширный круг явлений, событий, политических идей, хорошо известных ее современникам. Но нас от создателей херсонесской присяги отделяют два с лишним тысячелетия. Чтобы понять и оценить то, что скрыто за скупыми строками древнего документа, разобраться в сути процессов далекого от нас времени и построить реконструкцию (или, как сейчас говорят, модель), наиболее приближенную к существовавшей некогда реальной действительности, необходимо разыскать, переработать и осмыслить сотни растерянных по векам исторических и археологических фактов. Всякие новые исследования приносят группу новых фактов, заставляющих ученого по-иному взглянуть на строчки древней надписи, увидеть за ними какие-то явления или события, которые оставались дотоле неизвестными.

Не случайно на протяжении более восьмидесяти лет — с той поры, как был найден камень с текстом присяги — ученые вновь и вновь возвращаются к ее изучению и историческому осмыслению, восстанавливая отдельные звенья в «порвавшейся связи времен»^{1*}. На страницах этой книги мы тоже будем не раз обращаться к той или иной «статье» (или, если хотите, «параграфу») херсонесской присяги, ибо всю книгу можно рассматривать как исторический комментарий к тексту торжественной клятвы херсонеситов, комментарий, основанный на результатах исследований античных памятников, разбросанных вдоль западного побережья Крыма. А поэтому вернемся снова к присяге.

Уже в самых первых строках надписи встречаются два слова, вынесенные в заглавие нашей книги: «полис» и «хора». Эти два термина требуют пояснений.

* Ссылки на литературу и источники см. в конце книги.

Слово «полис» имело в греческом языке несколько значений. Основными и общеупотребительными в то время, к которому относится создание присяги, были два. Первое обозначало собственно «город, городское поселение», т. е. ремесленный, торговый, культурный, а также политический или административный центр определенной территории. Однако употреблялось слово «полис» и в более широком смысле, равнозначном нашему понятию «государство» (кстати, современный термин «политика» происходит от слова «полис»; в своем первоначальном значении это искусство управления государством).

В обоих значениях использовано слово и в херсонесской присяге. В самом начале надписи гражданин, принимающий присягу, клянется богами и героями, которые незримо «владеют полисом, хорой и тэйхе» (городом, территорией и укреплениями) херсонесцев. Здесь «полис» — значит «город Херсонес», т. е. — в нашем понимании — столица, главный центр государства. В следующем пункте клятвы говорится о полисе уже как обо всем государстве, в состав которого, кроме самой столицы с ее непосредственной земледельческой округой, входит еще какая-то территория и какие-то укрепления. Гражданин Херсонеса клянется сохранять единство в случае необходимости защиты полиса как политического целого.

Теперь о другом термине присяги — о хоре. Буквальный смысл этого слова — «пространство на поверхности земли». Употреблялось же оно чаще всего в ограничительных значениях — «территория, область, страна, край, земля, земельная округа, сельскохозяйственная территория, земельное владение». В общем понимании хора — это земледельческая территория полиса, его хозяйственная округа, служившая основной эконо-

мической базой города. «История классической древности, — писал К. Маркс, — это история городов, но история городов, основанная на земельной собственности и земледелии»².

Содержание термина «хора» менялось с течением времени, а также в зависимости от места его употребления. В херсонесской присяге хора, обычно переводящаяся как «территория», «область», обозначает не только земли, окружавшие город Херсонес, но всю территорию Херсонесского государства, его владения, «страну» херсонесцев. В некотором смысле хора — «страна, область», — совпадает с полисом в значении «страна, государство». Разница между ними заключается в том, что полис — понятие в основном политическое, а хора — экономико-географическое, связанное с понятием владения (принадлежности). Эту разницу можно хорошо почувствовать, если внимательно сопоставить современные выражения «страна» и «государство». Хотя они и взаимозаменяемы, тонкое смысловое различие между ними очевидно.

Судя по тексту присяги, в самом начале III в. до н. э. в состав хоры Херсонесского государства входили города (Херсонес, Керкинитида, Калос-Лимен, или Прекрасная Гавань), укрепленные пункты, имена и число которых не названы, и еще какая-то «остальная» территория. Где-то в границах хоры Херсонеса была расположена область, называвшаяся равниной («педион»), на которой выращивался хлеб. Еще мы узнаем из присяги, что ко времени ее составления какая-то часть хоры уже не принадлежала Херсонесу. Но херсонесцы по-прежнему считали эти земли «юридически» своими и клялись не предавать ничего никому не только из той территории, которой владеют (или управляют) сейчас, но и из той, которой владели когда-то.

Где же находилось все то, что перечислено в торжественной клятве херсонесских граждан? Руины самого Херсонеса — в Севастополе, между Карантинной бухтой и морем, — известны давно. Почти 150 лет прошло с того времени, когда в 1827 г. здесь были проведены первые раскопки. Благодаря ведущимся много десятилетий археологическим исследованиям мы сейчас знаем об этом городе и его истории пусть далеко не все, но многое. О самом городе Херсонесе написано немало, о Херсонесском же государстве книги еще нет. А что нам вообще известно о нем — об устройстве и истории экономической базы, на которой, собственно, и зиждилось его существование? Кто и как выращивал хлеб на хоре, сажал виноград, разводил скот и ловил рыбу? Ясно, что без изучения земледельческой зоны государства представление об его истории будет не только неполным, но во многих случаях искаженным. Это все равно, если бы мы взялись, скажем, судить обо всей Австралии, основываясь на знакомстве с Канберрой.

Для того чтобы ответить на эти и многие другие вопросы, археологам пришлось выйти за пределы крепостных стен херсонесской «столицы». Об исследовании хоры и ее памятниках, об открытиях и неудачах, гипотезах и доказательствах, короче говоря — о долгом и сложном пути изучения устройства и истории Херсонесского государства, и пойдет дальше речь.

Сейчас на месте древнего города — археологический музей-заповедник, охотно посещаемый туристами и любителями старины и истории и, пожалуй, столь же охотно специалистами — археологами и историками, которые вместе с сотрудниками музея ведут здесь раскопки и изучают древности.

Раскопана уже довольно большая часть городища. По ней можно составить представление о характере планировки и застройки города в различные периоды его двадцативековой

истории. Найдено огромное количество различных предметов — от орудий труда и бытовой утвари до первоклассных произведений искусства. Археологические раскопки позволили восстановить многие страницы истории Херсонеса.

Из малочисленных и отрывочных сведений, сохранившихся в дошедших до наших дней сочинениях античных авторов, а также из найденных при раскопках Херсонеса надписей на камне стало известно, что Херсонес был основан в Таврике (отчего он и получил эпитет «Таврический»)* колонистами из города Гераклеи Понтийской, расположенной на южном берегу Понта—Черного моря. В одном руководстве по географии, составленном во II в. до н. э., кратко говорится о том, что вместе с гераклеяцами в основании нового города приняли какое-то участие и жители острова Делоса, что в Эгейском море³. Но основная партия первых поселенцев все же состояла, видимо, из жителей Гераклеи. Дорический диалект греческого языка**, на котором они говорили, долгое время сохранялся в Херсонесе среди потомков первых колонистов.

Однако если мы знаем, откуда прибыла начальная партия переселенцев для организации нового полиса, то точное время, а также конкретные причины и обстоятельства основания Херсонеса пока не совсем ясны. По этому поводу в науке существуют различные гипотезы, опирающиеся на те или иные (но в каждом случае немногочисленные) факты.

Большинство обломков самой ранней привозной посуды, найденной в нижних слоях херсонесского городища, относится ко вто-

*Таврика — древнее название Крыма. Предгорья, горы и южное побережье Крыма населяли племена тавров, откуда и произошел топоним.

**Дорийцы—греческие племена, заселявшие южную часть материковой Греции, некоторые острова Средиземного и Эгейского морей, а также юго-западное побережье Малой Азии.

рой половине — концу V в. до н. э. Это и дает возможность думать, что тогда же возник и город. Профессор Г. Шнейдервирт, а впоследствии академик А. И. Тюменев, сопоставившие события, происходившие в восточной части Средиземного моря во время Пелопоннесской войны и связанные как с Гераклеей, так и с упоминавшимся уже островом Делос, предположили, что основание Херсонеса относится к 422—421 гг. до н. э.⁴ Вместе с тем в херсонесской почве попадаются изредка единичные вещи и обломки керамики более раннего времени, явно привезенные не из дорических, а из ионийских городов. Среди них есть даже одна монета, выпущенная в середине V в. до н. э. в ионийском полисе Ольвии*, есть и несколько обломков более ранних расписных ваз. Вполне возможно, что еще до основания города дорийцами на этом месте существовало греческое, скорее всего ионийское, поселение. Его жители впоследствии могли войти в состав вновь образовавшейся городской общины.

Выдвигалось и еще одно предположение — о том, что греки основали город на месте туземного таврского поселения. Здесь, однако, доказательств еще меньше. В пользу того, что поселение тавров предшествовало греческому, приводился ряд находок в слоях херсонесского городища: каменные орудия и черепки грубой посуды, вылепленной от руки, с характерным для тавров простейшим геометрическим орнаментом**. Но специальное изучение этих черепков показало, что они принадлежали сосудам, которые делались уже в эпоху существования города — в IV—II вв. до н. э. Что касается каменных орудий, то все они, напротив, относятся к более раннему периоду крымской истории и сделаны за несколько веков до основания Херсонеса. Они могут говорить лишь о том, что земли эти были заселены человеком издавна.

Казалось бы, вопрос о существовании местного поселения до прихода греков не заслуживает большого внимания. Ну был поселок тавров или не был — что из того? Незначительный исторический факт, не более. Однако это не так. Если при раскопках Херсонеса ар-

*Городище Ольвии находится на западном берегу Бугского лимана у села Парутино, в 30 км к югу от Николаева.

**Этот орнамент — процарапанные по сырой глине палочкой или, чаще всего, специальным двузубым штампом линии, образующие несложные узоры в виде треугольников.

хеологам удастся обнаружить следы таврского поселения (пусть даже незначительные) или, наоборот, доказать, что греки пришли на пустующее место, то от этого во многом будет зависеть выяснение конкретных причин и обстоятельств возникновения Херсонеса, взаимоотношений первых греческих поселенцев с аборигенами и даже характера самого города на раннем этапе его развития. А это в свою очередь внесло бы зерно истины в выяснение закономерностей и особенностей того всемирно-исторического феномена, который получил название «Великой греческой колонизации». В ходе колонизации, особенно интенсивной, как известно, в VIII—VI вв. до н. э., греки широко расселились по берегам Средиземного и Черного морей, образовав цепь самостоятельных полисов, которые, по образному выражению Цицерона, представляли собой как бы «кайму, подшитую к бескрайним просторам варварских полей».

О причинах, побудивших гераклеотов основать колонию на крайней юго-западной точке Крыма, высказано несколько догадок и предположений⁵. Согласно одной точке зрения, произошло это в результате социально-экономической и политической борьбы в Гераклее между сторонниками олигархии и демократии. После победы партии олигархов демократы вынуждены были эмигрировать в поисках нового места для поселения. Другие исследователи на первое место выводят торговые интересы Гераклеи в этом районе Причерноморья — стремление получить удобный опорный пункт и рынок сбыта своей продукции. Третьи полагают, что основание Херсонеса вызвано причинами аграрного характера. Так, Я. В. Доманский предположил, что создание Херсонеса — результат вынужденного переселения части разоренных земледельцев в связи с Пелопоннесской войной, когда сельскохозяйственная территория Гераклеи

была опустошена и разграблена военной экспедицией Афин.

Исходя из этих разноречивых предположений, современные ученые по-разному представляют и политический характер раннего Херсонеса. Солидарны они лишь в одном: с момента образования полиса это была рабовладельческая демократическая республика. Но при этом одни считают, что Херсонес с самого начала и долгое время спустя был по преимуществу торговым городом, иные — земледельческим, третьи — и тем и другим одновременно. Нет единства мнений и по вопросу об этническом составе населения: было ли оно в основе своей греческим или смешанным, греко-варварским?

Все это пока только гипотезы, догадки, не имеющие достаточной фактической опоры. В каждой из них, несомненно, содержится частица истины. Время покажет, какая из них верней.

Каковы бы ни были причины основания Херсонеса, ясно одно: поначалу предстояло выбрать место для будущего города. А выбор места всегда диктовался множеством условий, необходимых для обеспечения жизнедеятельности и развития города — от географического местоположения и благоприятных условий природной среды до учета политической обстановки в избираемом для поселения районе.

При определении места для нового города древние авторы (Фуксидид, Ксенофонт, Полибий, Страбон) предусматривают сочетание трех основных факторов: условий безопасности, пригодной для земледелия почвы и наличие гаваней для развития морских коммуникаций и торговли. Местоположение Херсонеса соответствовало всем этим требованиям. Он находился на мысу, образованном нынешней Карантинной бухтой при впадении ее в море, — отсюда город и получил свое название*. Бухта служила удобной, за-

*Херсонес (Херсонесос) — по-гречески «полуостров, мыс».

крытой и спокойной гаванью. Прилегающие к городу земли хотя и каменисты, но плодородны; особенно хороши они для разведения винограда.

Окончательно выбрав место для поселения, колонисты прежде всего должны были определить границы будущего города (исходя из количества семей поселенцев), а затем разбить на участки землю в городе для постройки жилищ и земли за городом на участки под посевы, огороды и виноградники. Надо думать, с первых же дней переселенцам пришлось заниматься сразу всем: и строительством, и земледелием, и рыболовством, и скотоводством, и различными ремеслами, а также торговлей. Можно предполагать, что колонисты прибывали на новое место организованно, с готовой конституцией, с законодательными органами и заранее выбранными должностными лицами. Без всего этого невозможно организовать нормальную жизнь нарождающегося города. Впрочем, это тоже гипотеза.

Итак, первый этап истории Херсонеса вырисовывается пока весьма смутно. Выяснение его — дело будущего. Раскопки ведутся постоянно, и кто знает, что принесут они в ближайшие годы. А мы тем временем перешагнем сразу в более поздний, лучше известный нам город, примерно столетие спустя после его основания.

В ЧЕТВЕРТОМ - ТРЕТЬЕМ ВЕКАХ

До середины IV в. до н. э., а может быть и несколько позже, Херсонес оставался сравнительно небольшим городом. Его общая площадь (учитывая и то, что «съело» за две с лишним тысячи лет море) в пределах крепостных стен вряд ли превышала двадцать гектаров.

Если принять во внимание, что во всех известных нам греческих городах этого времени примерно пятая часть городских земель отводилась под общественные нужды (площади, рынок, храмы и другие общественные постройки), а часть земли занимали улицы, то на оставшихся под жилую застройку участках могло поместиться никак не более пяти сотен домов того обычного типа, который нам известен по раскопкам. Конечно, приведенная цифра далеко не точна, но она все же дает близкое к истине представление о возможном количестве городских хозяйств. Четыреста-пятьсот домов — это столько же семейств, составлявших городское население. По найденным надгробным плитам с надписями установлено, что херсонесская семья в IV и III вв. до н. э. была небольшой и насчитывала в среднем четверть человека. Поэтому можно предполагать, что все население города в первой половине IV в. вряд ли превышало две-три тысячи человек.

И вместе с тем Херсонес был настоящим полисом — городом-государством с общинным самоуправлением, с собственной хорой, в которую входила прилегающая к городу территория на Гераклеюском полуострове. Коренные херсонесцы, свободнорожденные потомки первых колонистов, пользовались всеми гражданскими (политическими и имущественными) правами и составляли демос — «народ херсонеситов», городскую общину. К ним принадлежали и те лица (а также их дети), которые, не будучи уроженцами Херсонеса, получили по решению народного собрания права херсонесского гражданства.

Кроме полноправных граждан в городе, вероятно, жили приезжие — греки и негреки: они оставались лично свободными, но не входили в число «народа», т. е. не были гражданами и не могли соответственно поль-

зоваться правами последних. Вместе с тем среди них могли быть и зажиточные, даже богатые лица. Определенную часть жителей составлял, очевидно, разного рода зависимый и полузависимый, в основном варварский* люд, а также рабы, которые стояли на самой низкой ступени социальной лестницы, были полностью зависимы и лишены почти всех прав.

В 1936 г. Г. Д. Белов открыл на одном из участков городища некрополь, захоронения на котором совершались начиная с конца V, но в основном в IV в. до н. э. Раскопки некрополя продолжались и в последующие годы. Большую часть умерших хоронили на этом кладбище, как и на других греческих некрополях, на спине в вытянутом положении. Но многих умерших (около двух пятых общего количества раскопанных скелетов) клали в могилы на боку в скорченном положении: с подогнутыми к животу ногами и руками, согнутыми в локтях. Обычай хоронить умерших в скорченном положении, уходящий в глубокую древность, сохранился у некоторых причерноморских варваров, в том числе и у тавров Крыма.

По поводу погребений в этом некрополе много и пока безуспешно спорят⁶. Г. Д. Белов и ряд других ученых считают, что вытянутые скелеты принадлежали грекам, а скорченные — таврам (или другим варварам). С. Ф. Стржелецкий пытался доказать, что вытянутые и скорченные погребения все таврские, а В. В. Лапин и В. И. Кадеев, наоборот, — что все они греческие. Последняя точка зрения наименее обоснованна.

Еще больше разногласий вызывает проблема социального положения погребенных. Вот только краткий перечень мнений археологов о том, кем были умершие при жизни: полноправные граждане Херсонеса; свободные, но не граждане; свободные жители города вообще; городская беднота; полузависимое или зависимое городское население; херсонесские рабы, в том числе и рабы-тавры. Полная социальная лестница!

Как бы ни решился этот спор в будущем, погребения в некрополе позволяют предполагать, что население Херсонеса, как и любого другого греческого полиса, было неоднородно в социально-правовом и этническом отношениях.

* Варварами греки называли всех негреков. В этом значении термин «варвары» употребляется и на страницах данной книги.

Как уже говорилось, Херсонес — рабовладельческая демократическая республика. Вся власть в городе принадлежала только гражданам — членам городской общины. Высшим законодательным органом государства было Народное собрание*, на котором избирались правящий орган — Совет, городские магистраты и решались все важные государственные дела. Постановления выносились от имени Совета (по-гречески «буле») и Народа («демос»), утверждались голосованием на Народном собрании, а затем их тексты вырезались на мраморных плитах и устанавливались для всеобщего сведения на видных местах: на площадях, у храмов и алтарей.

В IV в. до н. э. начинается быстрое возвышение Херсонеса на причерноморской экономической и политической арене. Значительно расширяется территория полиса, его хора. Херсонес осваивает весь Гераклеяский полуостров в юго-западном Крыму, подчиняет город Керкинитиду (находилась на месте современной Евпатории) и колонизирует обширную прибрежную полосу в северо-западном Крыму (примерно от Сакского озера на юге и почти до Бакальской косы на севере). На новых землях, вошедших в состав хоры, Херсонес основывает новый городок и порт Калос-Лимен — Прекрасную Гавань (на месте современного поселка Черноморского), создает новые поселения и крепости, строит укрепленные и неукрепленные сельские усадьбы, производит разделы земли.

Таким образом, со второй половины — конца IV в. до н. э. Херсонес превращается в крупное по тем временам причерноморское государство, второе по величине

* Правом участия в Народном собрании, т. е. правом избирать и быть избранным на любую государственную должность, обладали все граждане полиса (мужчины).

не в Крыму после Боспорского царства, которое располагалось по обеим сторонам Керченского пролива*.

Значительное расширение территории Херсонесского государства, в особенности захват и колонизация хоры в северо-западном Крыму, вызвало быстрый и всесторонний расцвет экономики и культуры Херсонеса. Создание на освоенных землях новых земледельческих хозяйств, вовлечение в экономическую орбиту туземного населения, возведение укреплений влекло за собой ускоренное развитие ремесел — каменотесного, гончарного, металлообрабатывающего и других. Продукты сельского хозяйства и промыслов стали не только покрывать внутренние потребности населения, но и образовывать излишки, которые можно было вывозить для продажи за пределы полиса в обмен на те товары, которых Херсонес не производил. Торговый обмен между городом и хорой способствовал развитию внутреннего рынка, возможность же вывозить свои товары — развитию внешнего. С другой стороны, расширение внешних и внутренних торгово-экономических связей, рост объема торговли благоприятствовали увеличению производства товаров.

Кбнечно, это только общая и упрощенная схема взаимосвязей в развитии херсонесской экономики. На деле было все гораздо сложнее. Но факт остается фактом, что начиная со второй половины IV в. до н. э. и в III в. до н. э. все отрасли хозяйства Херсонеса развивались по восходящей линии. Это надежно подтверждается археологическими материалами.

Расцвет экономики Херсонеса наглядно виден при изучении монетного дела и денежного обращения поли-

*Столица Боспора — Пантикапей — находилась на месте Керчи.

са. Деньги — своего рода высокочувствительный прибор, чутко реагирующий на изменения экономической, да и политической, ситуации.

Херсонес начал чеканить собственные монеты — серебряные и медные — в начале IV в. до н. э. На протяжении первой половины столетия выпуск монет был более или менее равномерным. Чеканились в основном мелкие деньги, предназначенные для обращения на внутреннем городском рынке. Во второй половине IV в. выпуск монет становится все более интенсивным; особенно резко он увеличивается к концу столетия. На денежный рынок выбрасывается огромное количество монет. Монетный двор Херсонеса чеканит теперь, главным образом, деньги более крупного достоинства, чем прежде. В обращение поступают целые серии монет с новыми изображениями на лицевой и оборотной сторонах. Обильные выпуски монет продолжаются и в III в. до н. э.

Херсонесские деньги обращаются на всех землях западного Крыма, входящих в состав государства. При всем этом нужно помнить, что Херсонес не имел своих месторождений цветных металлов. Серебро и медь для производства монет (и любых других изделий) он вынужден был покупать и ввозить, скорее всего из рудных районов Малой Азии и Балкан.

Крупные выпуски херсонесских денег начинаются с чеканки очень любопытного нового типа медных монет в третьей четверти IV в. до н. э. На их лицевой стороне изображена победно скачущая во весь опор квадрига — колесница, запряженная четверкой коней. В колеснице стоит главная городская богиня Дева, знакомая нам уже по начальным строчкам присяги. В высоко поднятой руке она, подобно Nike, богине победы, держит пылающий факел. На другой стороне монеты изображен присевший на одно колено бородатый воин с копьем и щитом.

Нумизматы давно уже обратили внимание на то, что, вопервых, эти монеты были отчеканены в огромном количестве (их час-

то находят при раскопках), во-вторых, что они не выпускались на протяжении длительного времени, и, наконец, в-третьих, что изображения на них необычны для Херсонеса и имеют особый, торжественный характер. В древности, как и теперь, в особых случаях, в честь очень крупных событий, чеканились специальные памятные монеты, которые ходили наряду с обычными деньгами. Поэтому еще в 1912 г. известный крымский ученый А. Л. Бертье-Делагард предположил, исходя из сюжета изображений, что эти парадные монеты были выпущены в честь какой-то военной победы херсонесцев. Современный исследователь А. М. Гилевич считает, что монеты с Девой на квадриге и воином могли быть отчеканены в Херсонесе в связи с подчинением Керкинитиды и значительной области в северо-западном Крыму⁷.

Быстрое развитие ремесел, промыслов и торговли неизбежно приводило и к росту городского населения. В основном увеличивалось количество мелких и средних производителей: гончаров, каменщиков, кузнецов, рыбаков, виноделов и т. д., а также моряков, мелких и крупных торговцев, менял, одним словом, самого разнообразного городского люда. Судя по раскопкам городских кварталов, в III в. до н. э. среднее свободное население Херсонеса составляло основную часть его жителей. Многие из них, по-видимому, были уже чистыми горожанами, не связанными с землей. Но многие могли иметь загородный участок земли и мастерскую или лавку в городе. Можно предполагать, что общий экономический подъем вызвал также увеличение числа полузависимых и зависимых категорий жителей, в том числе и рабов. Их труд был необходим и в домашнем хозяйстве, и в мастерских, и, наверняка, на общегородских работах.

Пока неизвестно, какими путями (кроме естественного воспроизводства) шел прирост населения города во второй половине — конце IV в. до н. э. Археологические исследования позволяют сделать вывод, что это был своего рода «демографический взрыв». Колонизаций

новых земель и развитие городских производств требовали новых рук, дополнительного контингента постоянных жителей. Вряд ли они могли появляться в нужном количестве только за счет рождаемости. Не исключено, что население Херсонеса пополнялось и в результате прибытия новых переселенцев из других античных городов западного или южного побережья Черного моря. На возможность этого как будто указывает ряд иноземных личных имен на надгробиях⁸. Кроме того, как раз для этого времени в истории Причерноморья известен факт переселения большой партии жителей из одного места в другое⁹.

Приток населения в город, вероятно, осуществлялся и за счет туземного населения Крыма, в первую очередь зависимых и полузависимых варваров херсонесской хоры, втянутых в сферу влияния херсонесской экономики и политики. На существование особой категории зависимого таврского населения в окрестностях Херсонеса (так называемых «парэков») обратил внимание румынский исследователь Д. Пипиди, анализируя одну из херсонесских надписей конца II в. до н. э., вырезанную на камне¹⁰. Археологическим путем получены факты, позволяющие предполагать, что на всей территории хоры существовали различные категории зависимого и полузависимого туземного земледельческого населения.

Прирост городского населения и развитие экономики привели к расширению границ города и появлению поселков за пределами крепостных стен. В III в. до н. э. Херсонес был уже почти в два раза больше, чем в середине IV в. до н. э., а его население, по приблизительным подсчетам археологов, насчитывало 6—10 тысяч человек.

Общий экономический подъем в немалой степени способствовал всестороннему развитию духовной куль-

Горожанки. Терракота. III в. до н. э. Херсонесский музей.

туры Херсонеса второй половины IV—III в. до н. э. Как и в других греческих полисах, очень большое внимание уделялось архитектурному убранству города, особенно его общественным центрам. Процветали различные художественные ремесла: резьба по камню, ювелирное, производство терракотовых статуэток. В Херсонесе работали прекрасные архитекторы, скульпторы, живописцы.

Херсонесцы принимали участие в общегреческих празднествах, например в афинских священных играх на празднике Анакий. Эти игры сопровождались спортивными состязаниями. Один из херсонесцев оказался в числе победителей и привез домой приз — бронзовую вазу с надписью (найдена при раскопках).

В III в. до н. э. в Херсонесе жил историк Сириск, которого академик В. В. Струве назвал «древнейшим историком СССР». Сириск написал историю взаимоотношений Херсонеса с соседним Боспором, исследовал отношения полиса с другими греческими городами, а также «описал явления Девы», городской богини. Свои произведения он публично прочитал (вероятно, в театре). За все это Совет и Народ специальным декретом постановили наградить Сириска, сына Гераклида, золотым венком, а текст декрета с перечислением его заслуг вырезать на мраморной плите и установить в притворе главного храма города — храма Девы. Этот-то декрет и был найден во время раскопок Херсонеса. Самих произведений Сириска время не сохранило.

В этот же период, судя по всему, все более усугубляется имущественное неравенство среди свободного населения полиса. Интенсивное развитие земледелия, ремесел и торговли способствовало накоплению богатств в руках отдельных лиц: крупных землевладельцев, хозяев больших мастерских, выполнявших крупные заказы, оптовых купцов, ростовщиков. Можно предполагать, что одновременно шел процесс разорения части земледельцев и ремесленников, хотя конкретных его проявлений мы не знаем. Но то, что уже в III в. до н. э. в

Херсонесе существовали, наряду с основной массой семей малого и среднего достатка, отдельные очень богатые семьи, установлено в результате археологических исследований.

Так, например, в северном районе херсонесского городища из десяти раскопанных домов III в. до н. э. девять были небольших размеров — обычные городские усадьбы с маленькими тесными двориками. Десятый же дом занимал целый квартал городской застройки. Ясно, что он мог принадлежать только очень богатому человеку. Такой крупной усадьбы в этом районе города больше не обнаружено. Правда, здесь и сохранность строительных остатков гораздо хуже, чем в других районах, но и по обрывкам стен можно предполагать, что подавляющее большинство домов имело обычные небольшие размеры, характерные для жилищ средних слоев свободного населения.

В III в. до н. э. некий херсонесит Аполлоний, сын Евфрона, одолжил городу Ольвии огромную сумму — три тысячи золотых. За это ольвиополиты наградили его венком и «изображением» (вероятно, поставили у себя в городе его статую). Спустя некоторое время Совет и народ Ольвии постановили воздать всяческие почести уже сыновьям Аполлония — Аполлодору, Аполлонию и Евфрону, видимо, за то, что они согласились отсрочить погашение долга, выданного городу их отцом (или еще как-то распорядились этой суммой, но так, что это вполне удовлетворило Ольвию, находившуюся в затруднительном финансовом положении). Все это стало известно благодаря находке при раскопках центра Ольвии двух кусков мраморной плиты с надписью — текстом почетного декрета ольвиополитов в честь сыновей Аполлония¹¹. Ссудить другому городу такую большую сумму денег мог только очень богатый человек. Очевидно, семейство Аполлония принадлежало к числу самых зажиточных в Херсонесе первой половины — середины III в. до н. э.

Еще один пример. В Херсонесе были найдены два сильно обгоревших куска мрамора, покрытых с обеих сторон остатками надписи. Они оказались обломками декрета III в. до н. э. о продаже земельных участков, расположенных где-то на хоре Херсонесского государства. Судя по разным суммам, в которые оценивались земли, предназначенные к продаже, можно полагать, что, кроме покупателей со скромными возможностями, находились люди, которые могли платить очень большие деньги.

В III в. до н. э. Херсонес продолжал оставаться по-

лисом с демократической формой правления. Однако, как можно понять из текста присяги, уже в пределах первых трех десятилетий III в. произошли какие-то серьезные события, во время которых угрозе подвергся демократический строй полиса¹². Херсонес потерял часть своей хоры и мог, очевидно, утратить контроль над хлебным рынком. Похоже, что в это время в Херсонесском государстве происходила острая политическая борьба, вызванная, скорее всего, рядом внешних и внутренних причин. К последним относится обострение социально-экономических и политических противоречий между различными группами сильно возросшего херсонесского населения. Мы уже говорили об имущественном неравенстве, а также о сословной (да и этнической) несправедливости населения Херсонесского государства. Допустимо предположить, что богатые и влиятельные семьи, подобные семье Аполлония с сыновьями, стремились прибрать власть к рукам (так, кстати, и произошло, но значительно позже — два столетия спустя). Это только одна из возможных причин, а их было, очевидно, много. Не исключено, в частности, что в некоторых подвластных Херсонесу пунктах хоры могли существовать антихерсонесские тенденции (например, в Керкинитиде), стремление обрести политическую и экономическую самостоятельность. К внешним причинам надо отнести, по-видимому, в первую очередь взаимоотношения Херсонесского государства с независимыми варварами Крыма и степного Причерноморья. Однако об этом будет рассказано в последней главе.

Так или иначе, но победа осталась за сторонниками демократии. Какие-то из граждан «отпали» от Херсонеса (возможно, вместе с землей на хоре) и были объявлены врагами народа. Демократы составили текст торжественной клятвы и, видимо, привели херсонесских

граждан к присяге. Один лишь перечень клятв показывает, что политический и экономический кризис в Херсонесском государстве был весьма серьезным.

Победа демократов, по-видимому, на какое-то время стабилизировала политическое положение в полисе. Но вряд ли надолго. Общая социально-экономическая структура государства в начале III в. до н. э. была уже далеко не той, что раньше — на протяжении первого столетия существования полиса; в социально-экономическом плане Херсонес к концу IV в. до н. э. превратился в государство эллинистического типа со всеми присущими ему острыми противоречиями¹³, что мы и стараемся, по мере сил, показать на страницах этой книги.

ПО УЛИЦАМ ГОРОДА

Путник, приближавшийся к Херсонесу по одной из дорог или подплывавший на корабле, уже издали видел крепостные стены и башни города. Сложенные из крупных — до двух метров длины — прекрасно отесанных и самым тщательным образом подогнанных известняковых блоков, они казались неприступными. Даже сейчас остатки этих стен и башен производят неизгладимое впечатление, хотя они и сохранились местами всего на 3—4 м высоты. А в древности опоясывавшая город стена возвышалась метров на восемь; башни же были еще выше.

В город можно было войти через несколько ворот. Хорошо сохранились ворота, которые вели в его портовую часть. Их ширина — 3,87 м — более чем достаточна для проезда любой повозки. Вход преграждала

катаракта — падающая металлическая решетка, которая при необходимости закрывала подступ к расположенным в глубине прохода двойным полотнищам ворот. Между ними и катарактой было подобие закрытого длинного (8,39 м) коридора, образованного двумя мощными каменными пилонами, на верху которых, вероятно, стояла стража, держа под прицелом узкое пространство прохода. Прямо от ворот начинались узкие улицы Херсонеса.

Херсонес III—II вв. до н. э. — типичный эллинистический город со строгими градостроительными и планировочными принципами. Сетка прямых улиц делила всю городскую территорию на небольшие прямоугольные кварталы. Направление улиц диктовалось топографическими условиями местности — приподнятым мысом, на котором начал формироваться Херсонес, а также преобладающими ветрами. Город был вытянут с юго-запада на северо-восток. В том же направлении, примерно на одинаковом расстоянии одна от другой, располагались пять-шесть широких и длинных продольных улиц. Их ширина составляла около пятнадцати локтей (6,5—6,7 м). Продольные улицы пересекались под прямыми углами короткими и узкими — до десяти локтей (4,5 м) — поперечными улицами. Их насчитывалось около тридцати. Если длинные широкие улицы шли вдоль склонов, то короткие поперек: поэтому нередко подъемы и спуски на них были довольно крутыми.

По самой возвышенной части города из конца в конец проходила, пересекая общественный центр Херсонеса, широкая главная улица. Ее протяженность почти 900 м. Улица начиналась от главных городских ворот и заканчивалась небольшой площадью (вероятно, с храмом) на противоположном конце города, на обрывистой оконечности мыса.

В Херсонесе было несколько площадей. Форма и размеры их строго подчинялись регулярной городской планировке; они вписывались в прямоугольную сеть улиц и занимали территорию одного или нескольких кварталов. Площади города, выполнявшие роль общественных центров, являлись важными градобразующими узлами. Это были самые оживленные участки, на которых ки-

пела городская жизнь. На них размещались рынки, стояли храмы, алтари. Посредине одной из раскопанных археологами небольших площадей в северном районе города находился алтарь. Судя по найденным при раскопках обломкам терракотовых статуэток, алтарь этот, очевидно, был посвящен богине земледелия Деметре.

Центр города, который занимали акрополь и главная площадь (агора) — место народных собраний херсонесцев, — выглядел очень торжественно. В районе акрополя и агоры располагались наиболее важные, общественные постройки: монетный двор (раскопан в 1904 г. К. К. Косцюшко-Валюжиничем) и театр, вмещавший до 3000 человек (открыт в 1954 г. О. И. Домбровским; раскопки продолжаются и сейчас), а также другие, не сохранившиеся до наших дней здания. Здесь где-то должны были находиться здания булеверия (Совета) и дикастерия (суда). В ряде надписей на камне говорится о том, что на акрополе стояли алтари богини Девы. Возле них устанавливались вырезанные на мраморных плитах различные декреты и постановления Народного собрания. Городской центр украшала также монументальная скульптура — статуи божеств и видных деятелей. Сами статуи не сохранились, но при раскопках найдено несколько мраморных постаментов с надписями; среди них постамент огромной статуи Афины, которую изваял скульптор Поликрат. На центральной площади возвышалась и стела с текстом херсонесской присяги. Здесь в парадной обстановке при стечении огромной массы горожан две с лишним тысячи лет назад звучали слова торжественной клятвы херсонеситов.

Важное место в городском пейзаже занимали храмы. Ни один из них не дошел до наших дней даже в руинах. Все они были сломаны и разобраны на камень в эпоху средневековья, когда в городе прочно утвердилось христианство. Но мы знаем об архитектурном

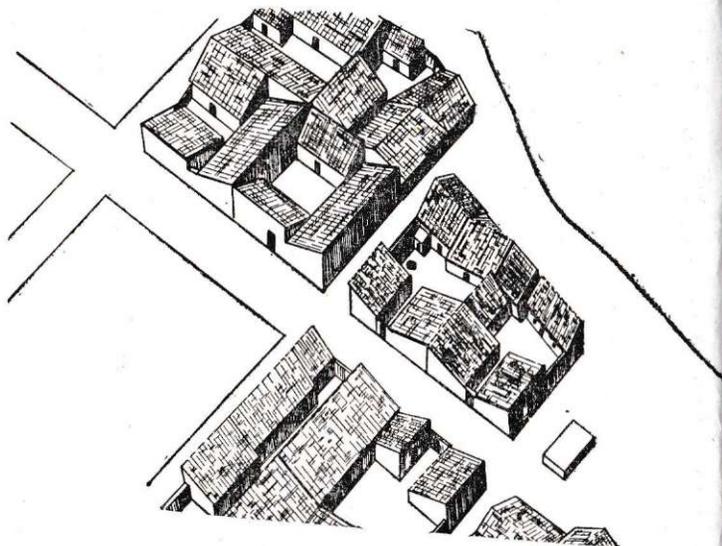
формировании античных храмов Херсонеса (и даже об их величине) по тем обломкам архитектурного декора, которые часто находят во время раскопок. Названия не некоторых из храмов стали известны по надписям и литературным источникам. Главной святыней херсонесцев было святилище Девы (Партенос) с храмом и статуей этого божества. Вероятно, в городе существовали святилища и храмы богов земледелия Диониса и Деметры, а также Геракла.

Геракл — мифический покровитель дорийцев, эпоним метрополии Херсонеса — Гераклеи Понтийской — в это время вообще широко почитался в различных областях Греции. В Херсонесе же в особенности: как в дорийском городе и как в колонии Гераклеи, откуда, собственно, этот культ и был завезен. Изображения Геракла постоянно чеканились на херсонесских монетах IV—III вв. до н. э., высекались в мраморе и известняке, выполнялись в глине. В календаре Херсонеса существовал месяц Гераклий. Горожане часто давали своим детям имена — производные от имени божественного покровителя города: Гераклий, Гераклид, Гераклеодор, Гераклеон.

Оживленные площади, колоннады храмов, портики, театр, статуи — такими обычно представляются центры античных городов. Херсонес в этом отношении не составлял исключения. Но вместе с тем, как и в любом другом греческом городе, жилые кварталы по сравнению с центром представляли разительный контраст. Вдоль совершенно голых, узких и прямых улиц, довольно вошочих от проложенных по ним сточных канав, квартал за кварталом тянулись сплошные одинаковые каменные ограды и такие же глухие стены домов. Лишь изредка — маленькие окошечки да узкие запертые калитки, которые вели во внутреннюю часть дома.

Три-четыре пристроенных вплотную друг к другу небольших дома составляли стандартный блок-квартал длиной 27—29, шириной 22—24 м. Несколько таких квар-

талов раскопано Г. Д. Беловым в северном районе Херсонеса. Отдельные усадьбы располагались на участках земли обычно площадью от 180 до 200—210 кв. м. Разумеется, встречались дома и меньше и крупнее. Но массовая рядовая застройка была довольно стандарт

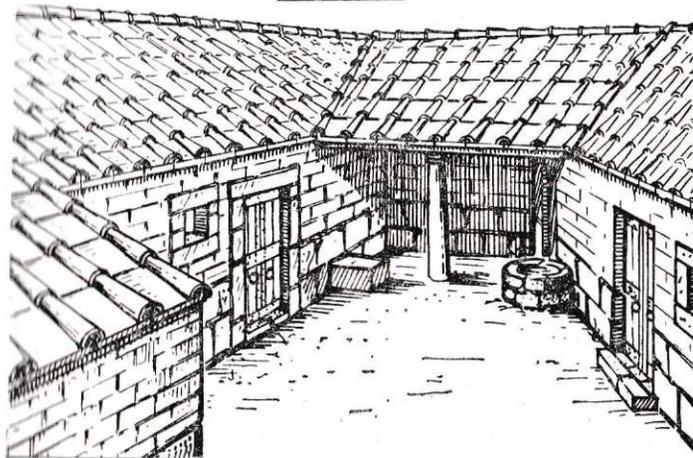
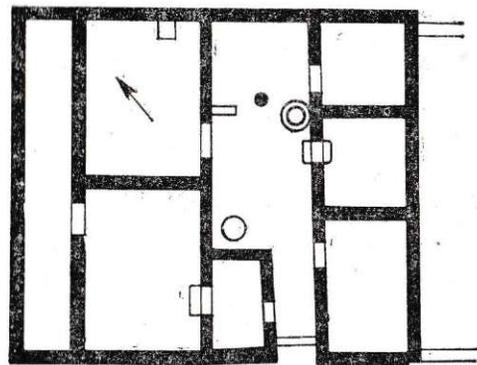

Жилые кварталы в северном районе Херсонеса. Реконструкция автора.

ной и не превышала, как правило, указанных размеров участка. Общая полезная площадь дома, конечно, была еще меньше.

Вот одна из обычных городских усадеб, открытая в XIX квартале в 1953—1954 гг.¹⁴

Дом занимал западную четверть квартала площадью

План херсонесского дома III—II вв. до н. э. По Г. Д. Белову. Реконструкция автора.

200 кв. м. Двумя сторонами он смыкался с соседними домами, а две другие его глухие стены были обращены на продольную и поперечную улицы. Входили в дом только с поперечной улицы через неширокую калитку. Пройдя через узкий крытый проход около трех с половиной метров мимо расположенной слева крохотной привратничкой, попадали на небольшой вытянутый в длину внутренний дворик шириной 4 и длиной 9 м. В глубине на одну треть своей длины дворик был затенен обращенным к югу крытым навесом — портиком, который поддерживался одной поставленной посередине колонной. Слева от входа, в углу дворика, находился вырубленный в скале колодец, а в противоположном углу — у портика — цистерна для сбора дождевой воды, тоже углубленная в скалу. С левой и правой стороны дворика располагались жилые и хозяйственные помещения дома.

Всего в доме было шесть помещений общей площадью 110 кв. м. С юго-восточной стороны находились две небольшие оштукатуренные жилые комнаты по 9 кв. м и одна в 15 кв. м с очагом и полом, вымощенным каменными плитами (кухня). Противоположную сторону занимали две большие (по 27 кв. м), за которыми была расположена узкая и длинная кладовая. Одна из этих — больших — комнат, с очагом в восточном углу, возможно, служила трапезной.

Неизвестно, чем занимались хозяева этого дома, но в соседней усадьбе (ее площадь 175 кв. м) жил коропласт — мастер, изготавливавший фигурки из обожженной глины. При раскопках его дома найдены формы для оттиска терракотовых статуэток. Другим соседом в том же квартале был некий Аполлоний: имя свое он запечатлел (процарапал) на посуде. Но это не тот богач Аполлоний, который ссужал деньги городу Ольвии

У тезки богача дом занимал участок всего в 180 кв. м; судя по находкам каменной гири и разновесов, перед нами скорее всего мелкий торговец. Занятия семьи, жившей в четвертом доме этого квартала, не установлены. Но эта усадьба тоже небогатая — ее общая площадь 156 кв. м.

В таких домах обитали свободные ремесленники, рыбаки, моряки, пекари, мелкие торговцы и т. п. Некоторые из них имели одного-двух подмастерьев, слугу, раба, а многие, по-видимому, могли рассчитывать только на свои руки и помощь членов семьи. Мелких и средних ремесленников в городе было немало. Кроме упомянутой мастерской коропласта (точнее следов ее), еще одна с небольшой обжигательной печью была раскопана в 1888 г. в северо-восточном районе Херсонеса. Через несколько кварталов от коропласта жил гончар, производивший чернолаковую столовую посуду. У него тоже была только одна печь. А в северном районе обнаружена красильная мастерская: сохранились три ванны с остатками краски для тканей. Почти во всех домах женщины пряли пряжу и ткали на вертикальных ткацких станках. Прядища (маховички от веретен) и глиняные грузики для натяжки нитей на рамах станков — обычные находки при раскопках жилых помещений.

За городом, в его ближайших окрестностях, были расположены поселки и мастерские ремесленников. Люди в них селились, так сказать, по производственному профилю. Непосредственно за крепостными стенами, ограждавшими юго-восточную часть Херсонеса, находились мастерские и поселок гончаров. Раскопками 1900 и 1955—1958 гг. открыты четыре крупные мастерские с шестнадцатью большими и малыми печами для обжига глиняных изделий. В процессе раскопок найдено много керамического брака и готовых сосудов, а в одной мастерской — запасы гончарной глины и раздавленная амфора с красной краской, которая употреблялась для росписи кувшинов и мисок.

Крупные мастерские обычно были универсальными — производили самую разнообразную посуду, простую

и расписную, необходимую в повседневном быту, глиняные грузила, черепицу. Одна из исследованных археологами мастерских наряду с прочей продукцией выпускала столовую и парадную посуду, покрывавшуюся специальной глазурью — так называемым черным лаком. Большим спросом пользовались амфоры — высокие остроногие двуручные кувшины, служившие основной тарой для хранения и транспортировки различных жидких и сыпучих продуктов. Производство амфор в Херсонесе было массовым. При этом сосуды, предназначенные для хранения и перевозки вина на продажу, выпускались под государственным контролем: на амфорах ставились клейма с именами специальных чиновников — астиномов, которые удостоверяли соответствие сосудов определенному принятому в государстве стандарту.

Примерно метрах в семистах к юго-востоку от Херсонеса находился поселок виноделов с расположенным возле него кладбищем. На месте поселка и рядом с ним М. И. Скубетов, а позднее С. Ф. Стржелецкий открыл пять виноделен с вырубленными в скале давальными площадками и резервуарами для виноградного сока, а также два винных склада. Здесь, очевидно, перерабатывался виноград, который свозили с окрестных виноградников. Сейчас на месте древнего поселка стоит Севастопольский строительный техникум.

С другой стороны Херсонеса, метрах в трехстах к юго-западу от его стен, по-видимому, существовал еще один ремесленный поселок, в котором обитали каменщики. Место самого поселения давно занято современной застройкой, но недавно удалось открыть его некрополь, протянувшийся вдоль дороги, которая вела от главных городских ворот Херсонеса в юго-западном направлении. При сооружении каменной облицовки мо-

для этого кладбища использована масса отходов каменотесного производства: отесов и сколов известняка, а также бракованных каменных изделий.

От городских ворот Херсонеса мимо расположенного сразу за крепостными стенами некрополя, мимо пригородных ремесленных поселков и их кладбищ расходились по разным направлениям дороги. По ним можно было попасть к земельным участкам и сельским усадьбам, разбросанным по Гераклеяскому полуострову — земледельческой округе города. Одна из этих дорог шла в сторону небольшого городского поселения, получившего название «старого», или Страбонова, Херсонеса.

ДВА ХЕРСОНЕСА

Около 7 г. н. э. знаменитый географ Страбон закончил составление своего многолетнего фундаментального труда — «Географии». Четвертую главу седьмой книги он посвятил описанию Крымского полуострова. Рассказывая о Херсонесе и его окрестностях, автор пишет: «В этом городе есть святилище Девы, какой-то богини, имя которой носит и находящийся перед городом, на расстоянии 100 стадиев*, мыс, называемый Парфением, имеющий храм божества и его статую. Между городом и мысом есть три гавани; затем следует древний Херсонес, лежащий в развалинах...»¹⁵.

Сообщение Страбона о «старом» Херсонесе, который в I в. до н. э. уже был покинут жителями и лежал в руинах, вызвало у современных исследователей много вопросов. Где этот мыс и что со-

*Примерно 16—18 км.

хранилось от храма Девы? Где руины второго Херсонеса? Кто и когда его основал? Почему к концу I в. до н. э. на месте города были уже только развалины и когда покинули его жители? Какова историческая связь между двумя Херсонесами — «старым» и «новым»?

Так краткое сообщение древнего географа породило проблему «Страбонова» Херсонеса. Кроме упоминания в «Географии» о городе этом нет больше никаких сведений.

Поиски «старого» Херсонеса и мыса с остатками храма Девы пошли по нескольким направлениям. Одни искали их в окрестностях Севастополя, руководствуясь скудными указаниями древнего ученого. Другие проверяли текст Страбона в кабинетной тиши, обложившись книгами и картами. Одни исследователи в своих поисках точно придерживались каждого слова в описании Страбона и не сомневались в его абсолютной достоверности. Другие же считали, что при описании окрестностей Херсонеса мог ошибиться сам Страбон или его информаторы, а кроме того, в текст могли вкрась ошибки позднейших переписчиков.

Результаты исследований получались разные, но все они постепенно, сквозь ошибки и предположения, вели к выяснению истины.

Мыс Парфений отождествлялся то с крайней юго-западной точкой Крымского полуострова, носящей современное название Херсонесского мыса, то с расположенным в нескольких километрах от него мысом Федлент. Но ни на том, ни на другом, даже при самых тщательных поисках, не обнаружено следов храма Девы. Крупнейший русский филолог-классик, академик В. В. Латышев, анализируя текст Страбона, пришел к выводу, что ни на каком мысу храма вообще не было, а стояло святилище Девы в городе гераклеотов — «новом Херсонесе на берегу Карантинной бухты. Однако другой ученый — академик С. А. Жебелев возражал проти

такого истолкования античного свидетельства. Поиски древнего храма зашли в тупик.

«Старый» Херсонес, который, по словам Страбона, находился за мысом Парфением (если плыть от Херсонеса — города гераклеотов), между ним и бухтой Симонидов, тоже искали на всем пространстве морского побережья между Херсонесским мысом и Балаклавской бухтой. И даже на морском дне.

Иногда бывает, что страстная увлеченность ученого какой-то идеей уводит его по ложному пути. В конце 1927 г. директор Херсонесского музея профессор К. Э. Гриневич получил письмо от известного исследователя Крыма профессора А. И. Маркевича, в котором тот писал, что по вполне заслуживающему доверия сообщению заведующего Севастопольской гидрографической станцией Г. М. Бао, «на основании его обследованных берегов моря у Херсонеса, у Херсонесского маяка несомненно существуют на дне моря остатки древнего города в виде стен и других сооружений, вызвавшие даже испуг водолазов, когда они их увидели».

Руины на морском дне у Херсонесского мыса могли принадлежать только одному городу — «старому» Херсонесу Страбона. И спустя два года после письма А. И. Маркевича возле Херсонесского маяка начала работать подводная экспедиция¹⁶. Особенно широко ее работы развернулись в 1931 г. Два отряда — водолазный и археологический — обследовали морское дно и проводили раскопки в прибрежной зоне на суше. В экспедиции был и отряд геологов, приглашенных для исследования причин, которые повлекли за собой затопление древнего города.

В течение 42 дней работали водолазы. Свои наблюдения они передавали по телефону археологам и архитекторам, дежурившим в лодках. Те наносили их на

батиметрический план, составленный геологами. Постепенно на плане стали проявляться «развалины стен и башен», улицы и площади «поглощенного морем древнего города».

Сообщения водолазов, обследовавших дно, были весьма туманны: «Точно определить трудно, стена ли, но похоже... Много, много развалин, несомненно развалины, но определить точно трудно... Под нашим баркасом полукруг — наподобие башни... Нашел большую стену...» Чтобы проверить сообщения водолазов, на дно дважды опускался сам К. Э. Гриневич и его коллега — Н. Л. Эрнст. Ничего они не обнаружили. И все же уверенность в том, что остатки подводного города найдены, росла, хотя археологических материалов было найдено ничтожно мало. Уверенность эта подкреплялась официальной сводкой ЭПРОНа*, определенно утверждавшей на основании работ 1930 г., что гряды камня и круглые возвышения на дне суть остатки древних стен и башен.

Открытия, однако, не состоялось. Стены, башни, улицы, заросшие водорослями, — игра природы, обогащенная человеческой фантазией. Никогда здесь до водолазов не ступала нога человека. Камни и глыбы на дне, образующие как бы развалины стен, на самом деле — естественные геологические образования, разрушенные морем пласты известняков. А круглые «башни», обросшие массой ракушек и водорослей, всего-навсего — древние рифовые массивы. Но это поняли позднее.

Не на высоте оказались и геологи, приглашенные на консультацию. Они дали туманное и неопределенное заключение, из которого следовало только, что катастрофического опускания суши здесь не было, но что идет медленное опускание, в результате которого море постепенно надвигается на берег. Впрочем, один из

*ЭПРОН — Экспедиция подводных работ особого назначения.

— В. П. Зенкович и сейчас полагает, что «город мог располагаться в сторону моря от Херсонесского мыса¹⁷». При этом он выделяет на прослеженные археологами признаки относительно погружения берега под уровень моря и на... сообщение того же Страбона. Однако последний нигде не говорил, что «древний» Херсонес поглотило море.

А между тем задолго до того времени, когда К. Э. Гриневич зажегся идеей искать город на морском дне, «старый» Страбон Херсонес был уже найден. И не в дне моря, а на суше — в трех с небольшим километрах к юго-востоку от Херсонесского мыса, от того места, где вела работы подводная экспедиция. Еще в конце прошлого века А. Л. Бертье-Делагард указал исследователю Херсонеса К. К. Косцюшко-Валюжиничу на наиболее вероятное местоположение «старого» Херсонеса. В 1890 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич действительно раскопал здесь две линии крепостных стен с башнями, преграждавших доступ на Маячный полуостров с Херсонесским мысом. Это и были оборонительные стены Страбона Херсонеса, что позднее подтвердилось раскопками Н. М. Печенкина и Р. Х. Лелера. Ошибка К. Э. Гриневича заключалась в том, что он принял крепостные стены древнего города за стены, которые якобы защищали только въезд в земледельческую зону «древнего» Херсонеса. А кроме того, сообщения о затопленном городе звучали убедительно. В любом случае их надо было проверить.

В результате миф о затонувшем городе так и остался заманчивым мифом. Города под водой у Херсонесского мыса не оказалось, да и не могло оказаться, так как он стоял в другом месте — там, где он значится у автора «Географии»,

Сейчас все согласны с тем, что мыс Парфений — это Херсонесский мыс, крайняя южная западная точка Крыма. Такая его локализация согласуется и с описанием Страбона и данными археологических раскопок. Соглашается, но не совсем. По Страбону, если плыть из Херсонеса вдоль берега, то между ним и мысом Парфением встретятся три гавани; затем, минуя мыс, корабль проплывет мимо развалин «старого» Херсонеса. Здесь все совпадает, за исключением числа гаваней. На самом деле их не три, а четыре. Поэтому предполагалось, что в тексте Страбона допущена ошибка: либо в описании пропущена одна гавань (так считал Паллас), либо две сливающиеся в устье бухты Страбон принял за одну (так думал А. Л. Бертъе-Делагард). В действительности же никакой ошибки Страбон не совершил: в древности существовало всего три бухты.

Наблюдения отечественных геоморфологов и археологических исследования прибрежных античных поселений показывают, что уровень Черного моря в древности был значительно ниже современного. Насколько именно, установить пока не удалось. По данным разных исследователей, уровень Черного моря 2500 лет назад был ниже современного в пределах от трех до десяти метров. Исследования, которые проводились в окрестностях Херсонеса, показали, что в IV—III вв. до н. э. уровень моря находился ниже современного не менее, чем на 4 м; примерно таким же он оставался и во времена Страбона.

А одна из четырех нынешних бухт образовалась значительно позже, когда при постепенном поднятии уровня море затопило широкую приморскую ложбину вместе с руинами древних построек и оградами земельных участков античного Херсонеса. На дне этой, самой мелкой бухты (она называется Круглой) археологи от-

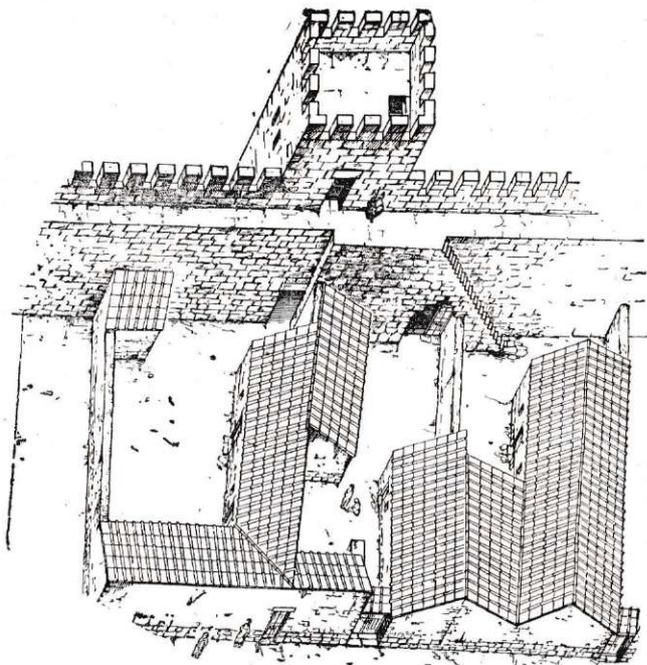
крыли залежи керамики, в том числе обломки глиняной черепицы и кирпичей, — все, что осталось от черняка существовавшей здесь древней постройки, разрушенной и размытой морем.

Море затопило и значительную часть Херсонесского мыса (Парфения) — как минимум, пять гектаров суши. Но напрасно ждали бы мы искать на морском дне остатки храма Девы. При постепенном повышении уровня моря в условиях открытого незащищенного берега, особенно на мысах, волны постепенно подмыывают, дробят и перемалывают скалистые берега, создавая на дне причудливый подводный ландшафт из известняковых глыб, который и был принят за остатки подводного города.

Если пройти от мыса Парфения через весь равнинный Маячный полуостров, занятый в древности земельными участками, то можно выйти непосредственно к гавани, о котором писал Страбон. Местоположение «старого» Херсонеса как нельзя лучше соответствует древнегреческим правилам о выборе места для создания города (о них уже говорилось выше). Город построен так, что крепостные стены, пересекая узкий перешеек в основании Маячного полуострова, полностью закрывают доступ на полуостров, на котором располагались все земельные угодья его жителей. Раскопками К. К. Косцюшко-Валюжинича и Н. М. Печенкина открыты две параллельные линии оборонительных стен — квадратными башнями — наружная, обращенная в сторону материка (ее толщина 2,75 м), и внутренняя, ограждающая город от его хоры. Внутренняя стена в два раза тоньше наружной.

Расстояние между линиями крепостных стен составляло около двухсот метров, а их длина — около девяти сот. В этом промежутке и располагался «древний» Херсонес. С одной его стороны было открытое море, с другой — узкая бухта.

Как показали раскопки Н. М. Печенкина и Р. Х. Ле-

Квартал «старого» Херсонеса. По раскопкам Н. М. Печенкина. Ре-
конструкция автора.

пера, город состоял из трех частей. Западную — наи-
более возвышенную — часть занимал, вероятно, акро-
поль; среднюю — городская застройка, а в понижен-
ном восточном конце, у вершины бухты, находилась
портовая часть. Планировка города была регулярной.
На это указывают раскрытые участки улиц. Одни из
них — широкие продольные — шли параллельно обо-

ронительным стенам; другие, короткие, — пересекали
длинные улицы под прямым углом. Раскопками откры-
ты также несколько тесно пристроенных друг к другу
домов — часть квартала, заключенного между улица-
ми и крепостной стеной.

Во время раскопок в самом городе и вокруг него
найденно много обломков различной глиняной посуды,
керамической тары — амфор и пифосов, кровельной
черепицы, монет, терракотовых статуэток и т. д. Среди
находок есть обломки клейменых амфор и черепиц, при-
везенных из Синопы*, амфор с островов Фасоса и Ро-
доса. Подавляющее же большинство сосудов сделано
в гончарных мастерских Херсонеса (не этого, а у Ка-
рантинной бухты). Монеты тоже все херсонесские.
И все эти находки вместе с другими признаками говорят
о полной экономической и политической зависимости
Херсонеса «старого», страбоновского, от «нового».

Но что самое интересное — при раскопках совер-
шенно не обнаружено никаких вещей середины IV в.
до н. э. Таким образом, оказывается, что «древний»
Херсонес Страбона не только не древнее «нового», а
моложе его примерно на две-три четверти века — не
менее.

Раньше казалось, что оба Херсонеса были основаны
если не в очень близкое время один от другого, то поч-
ти одновременно. Так предполагал и автор этой кни-
ги. Но факты — упрямая вещь. Проверка всех мате-
риалов привела к другим выводам.

Однако если Херсонес на Маячном полуострове мо-
ложе Херсонеса у Карантинной бухты, то почему же
Страбон назвал его «древним» или «старым»? Ошиб-

* Современный турецкий город Синоп на южном берегу Черного
моря.

ки или противоречия нет и здесь. Страбон употребил слово «старый», «древний» в смысле «бывший», т. е. город, существовавший когда-то, а теперь лежащий в развалинах.

Раскопки подтвердили также правильность свидетельства о том, что к концу I в. до н. э. «старый» Херсонес действительно давно был разрушен и покинут жителями. И не только подтвердили, но и уточнили время и причины разрушения. Это произошло в самом конце II в. до н. э., во время войн Херсонеса со скифами, когда скифское войско вторглось на территорию ближайших владений полиса. Во время раскопок внутри одной из башен Страбонова Херсонеса обнаружена кучка метательных камней; ими не успели воспользоваться защитники крепости. А в 1967 г. в портовом районе города выявлены следы дома, погибшего в сильном пожаре, который произошел, очевидно, в последние годы II в. до н. э.

Таким образом, сообщение древнего географа достоверно и не таит загадок. «Старый» Херсонес Страбона существовал реально. Это, по-видимому, был основанный Херсонесом городок, одно из военно-хозяйственных поселений на хоре полиса, имевшее и собственную земледельческую округу на Маячном полуострове

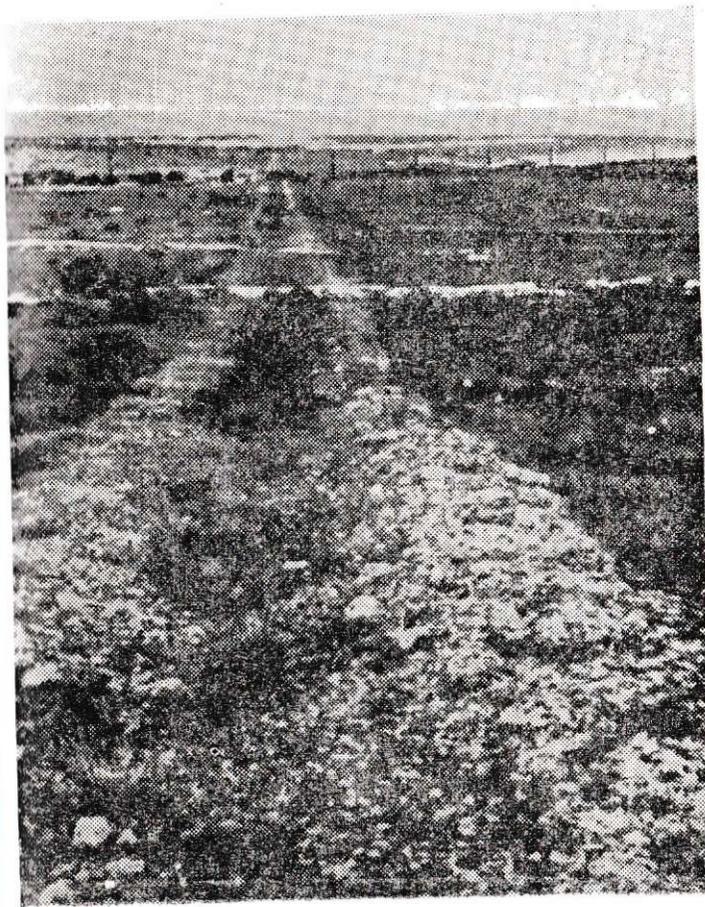
Большой треугольный полуостров, заключенный между Севастополем, Херсонесским мысом и Балаклавой, носит название ГераклеЙского. С двух сторон — северной и юго-западной — его омывает море, а с восточной стороны он отделен от Инкерманской и Балаклавской долин крутыми склонами знаменитой Сапун-горы.

По слабохолмистому, пересеченному балками полуострову пролегает множество невысоких гряд и полос камней, которые, пересекаясь под прямыми углами, тянутся в разные сторо-

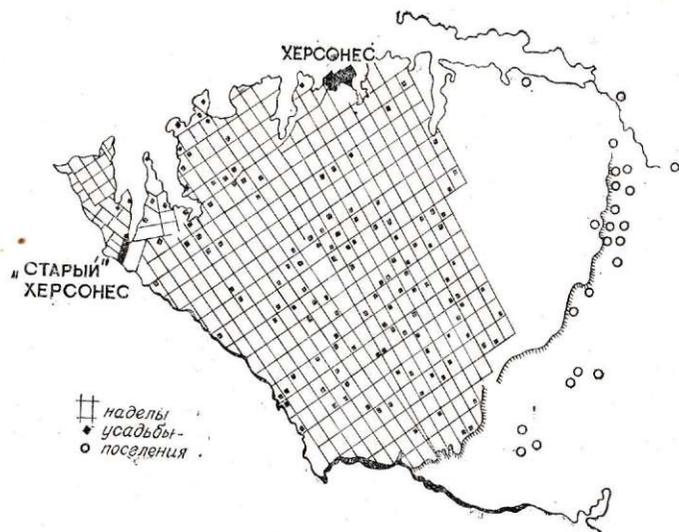
ны насколько хватает глаз. Чувствуется строго продуманная система, но сразу разобраться в ней трудно. В каменных грядах угадываются развалины низких каменных оград, разграничивших какие-то участки величиной от нескольких десятков до нескольких сотен квадратных метров. Большие площади как бы разлинованы рядами параллельных каменных полос примерно метровых ширины, то расположенных густо — через каждые два метра, то более редко — через пять и более метров. На некоторых участках их нет совсем, на других они прослеживаются сквозь траву и кустарники на многие десятки метров. Вдаль уходят огороженные с двух сторон более крупными грядами камня не то заплывшие дороги, не то каналы. Прямые, как стрела, они, не прерываясь, спускаются в балки и вновь взбегают на склоны водоразделов. Местами встречаются следы руин каких-то построек и остатки мощных квадратных башен, сложенных из громадных каменных блоков.

Впечатление от этих следов грандиозной деятельности древних чрезвычайно велико. В каком бы направлении ни пересечь Гераклеийский полуостров — везде все та же, на первый взгляд загадочная, картина.

Если подняться над Гераклеийским полуостровом на вертолете, особенно в утренние или вечерние часы, когда косые солнечные лучи четко выделяют тенями мельчайшие детали рельефа, взору предстанет поистине поразительное зрелище. Немалая территория — около ста квадратных километров! — оказывается расчерченной двойными параллельными линиями на сеть правильных больших прямоугольников. Начинаешь понимать, что это и впрямь гигантская система параллельных дорог, проложенных через весь полуостров. Пересекаясь через одинаковые промежутки, дороги делят всю обширную территорию на почти равные земельные участ-

Гераклеийский полуостров. Дорога между наделами.

Земледельческая округа Херсонеса.

ки. На каждом свободно разместился бы целый поселок.

На ограниченных с четырех сторон дорогами больших участках четко видны следы каменных оград, которые делят их на более мелкие прямоугольники различной величины. А внутри большинства из них — уже знакомые каменные полосы. Теперь мы знаем, что эти ряды камней — все, что осталось от виноградников и садов Херсонеса.

Следы давно заглушенных дорог, каменных оград полей, садов и виноградников как бы просвечивают сквозь более четкий современный ландшафт: рыжеватую поверхность открытых полустепных пространств с выж-

женной летним солнцем травой, тесной застройкой поселков и разбегающимися от них извилистыми лентами грунтовых и шоссейных дорог.

С воздуха хорошо видна вся система херсонесских земельных наделов с остатками сельских усадеб. Но при известной наблюдательности ее можно увидеть и понять, просто нанося на план следы межевых оград и дорог. Именно так и были выявлены, а затем исследованы археологами поля, сады и виноградники, а также загородные усадьбы древних херсонесцев.

Все эти участки, занимавшие большую часть Гераклеяского полуострова, представляли собой земледельческую территорию, городскую хору античного Херсонеса, его первоначальную и основную сельскохозяйственную базу в ближайших окрестностях. Такие же наделы — за ними в современной литературе закрепилось условное название «клеры»* — находились и на Маячном полуострове (в сельской округе Страбонова Херсонеса) и в окрестностях подчиненных полису городов Керкинитиды и Калос-Лимена, а также на остальной части хоры, протянувшейся вдоль северо-западного побережья.

Земельные наделы хоры Херсонеса Таврического известны теперь специалистам всего мира¹⁸. Это уникальные по своей сохранности памятники античного земледелия. Достаточно сказать, что на всей огромной территории вокруг Средиземного и Черного морей, которую занимали древнегреческие государства, аналогичная система полей на такой же большой площади обнаружена еще лишь в одном месте — близ древнего Метапонта (южная

*Клер — дословно по-гречески «жеребий»; в переносном смысле — участок, доставшийся при разделе земли путем жеребьевки. Но земельные наделы в древности носили и другие названия. Как назывались они в Херсонесе, пока неизвестно, поэтому термин «клер» мы не употребляем.

Италия). Земельные участки на хоре Метапонта открыты в 1957 г. Г. Шмидтом и Р. Шевалье при помощи аэрофотосъемки¹⁹. Херсонесские же наделы на Гераклеийском полуострове известны ученым с конца XVIII в., но широкое изучение начато только в наше, советское время. А совсем недавно, немногим более десяти лет назад, подобные земельные участки обнаружены и на Тарханкутском полуострове: у поселка Черноморского (Калос-Лимен), у мыса Ойрат и в других местах.

ПЕРВОИССЛЕДОВАТЕЛИ

Летом 1794 г. в пустынных и еще неизведанных окрестностях недавно построенного Севастополя можно было встретить подвижного, слегка пучеглазого человека с резкими и крупными чертами лица. То пешком, то верхом на коне он без устали сновал по Гераклеийскому полуострову, осматривал древние развалины и выходы геологических пород, собирал растения и черепки древней посуды, что-то обмерял, на ходу набрасывал планы, зарисовывал, записывал свои наблюдения в дорожную тетрадь.

Путешественника звали Петр-Симон Паллас. Действительный член Петербургской Академии наук, археолог, историк, этнограф, географ, геолог, ботаник, зоолог, Паллас принадлежал к блистательной плеяде ученых-энциклопедистов XVIII в. Круг его научных интересов был очень широк. Посланный в Крым Академией наук, Паллас сделал огромный вклад в изучение природы и истории новоприсоединенного края.

Как археолог Паллас оказался пионером — пер-

воисследователем, который вполне оценил, что представляют собой древние руины на Гераклеийском полуострове. Он совершенно правильно определил, что развалины каменных кладок служили оградами древних полей херсонесцев и что между полями были проложены огражденные с двух сторон дороги (длиной до десяти верст)²⁰. До Палласа та же картина воспринималась довольно сумбурно. Так, на одной из первых карт Гераклеийского полуострова, составленной за 8 лет до путешествия Палласа подпоручиком Ананием Строковым, написано: «План развалин древнего Херсонеса с показанием прямых улиц, красной краской нанесенных». Надо сказать, что очень точный план Строкова — неоценимый документ, который лег в основу всех современных исследований херсонесской земледельческой округи. На плане нанесено около двухсот земельных наделов древнего Херсонеса и более двух десятков руин античных сельских усадеб.

Почти через сорок лет после Палласа, в тридцатых годах XIX в., Гераклеийский полуостров детально изучал швейцарский путешественник Фредерик Дюбуа де Монпере. Это тоже был ученый широкого профиля, старательный и дотошный исследователь. Используя выполненную на самом высоком уровне русскую карту этой местности, Дюбуа де Монпере определил общую площадь древнего размежевания земель, сообразил, что на большинстве наделов выращивался виноград, что виноградарство и виноделие играли ведущую роль в экономике города и что развалины построек на Гераклеийском полуострове являлись некогда укрепленными сельскими усадьбами херсонесцев²¹.

Открытие земельных наделов античного Херсонеса в конце XVIII—первой половине XIX в. с полным правом можно назвать крупным научным достижением. Но работы академика Палласа и

Дюбуа де Монпере не были оценены должным образом современниками и более ста лет не находили продолжателей.

Крупные научные открытия нередко опережают свое время. Ни в XVIII, ни в XIX вв. историческая наука еще не задавалась палеоэкономическими проблемами. Археология только зарождалась; приемы и методы археологических исследований не были разработаны; шло первоначальное накопление фактов, поиски, описание и первичная систематизация археологических памятников. Поскольку не был известен характер античных городов Причерноморья (и даже местоположение большинства из них), проблема устройства их земледельческой территории, естественно, не могла и возникнуть.

На протяжении многих десятилетий основным объектом археологического изучения оставалось само херсонесское городище. Раскопки его, проводившиеся в широких масштабах, особенно с того времени, когда во главе их стал в 1888 г. К. К. Косцюшко-Валюжинич*, позволили получить общее представление об этом древнем городе и основных этапах его истории. И лишь многолетние раскопки Херсонеса вплотную подвели археологов к необходимости изучать не только сам город, но и всю территорию Херсонесского полиса.

В 1910—1911 гг. увлеченный археологией артиллерийский офицер Н. М. Печенкин изучил несколько загородных сельских усадеб на Маячном полуострове²². Неожиданно для себя он обнаружил древние надельные пригородной территории Страбонова Херсонеса. Важность этого открытия для изучения аграрной истории древнего мира сразу же высоко оценил крупнейший русский историк М. И. Ростовцев, настаивавший на необходимости продолжения начатых работ. Но Н. М. Печенкин не смог их продолжить за свой счет. А

*Недоучившийся инженер, затем конторщик и банковский служащий, К. К. Косцюшко-Валюжинич, подобно инженеру К. Хуману, раскопавшему Пергам, из археолога-любителя превратился в археолога-профессионала. Почти двадцать лет жизни, до своей смерти в 1907 г., К. К. Косцюшко-Валюжинич отдал исследованию Херсонеса, раскопками которого он заведовал по поручению императорской Археологической комиссии.

вскоре началась и отодвинула эту задачу первая мировая война.

Исследование земледельческой территории Херсонеса как его основной экономической базы осуществилось лишь после революции. В 20—30-х годах большой коллектив советских археологов занялся изучением памятников античного сельского хозяйства на Гераклеяском и Маячном полуостровах. Проведена была большая работа по учету и описанию остатков древних усадеб. К концу 30-х годов исследователи подготовили специальный сборник, в котором особое место занимала статья Н. И. Репникова «Памятники аграрного устройства автономного Херсонеса». Впервые в мировой античной археологии ученый реконструировал основные особенности сельскохозяйственной базы города-государства в IV—II вв. до н. э.

Статья Н. И. Репникова не вышла в свет. Началась Великая Отечественная война. Ленинград, где в Институте истории материальной культуры готовилось издание «Гераклеяского сборника», оказался в кольце блокады. В Крыму, в партизанском отряде, погиб один из исследователей Гераклеяского полуострова, сотрудник Херсонесского музея В. П. Лисин. Но работа Н. И. Репникова не погибла, а его главные достижения уже в послевоенные годы были использованы, развиты и дополнены другим исследователем Херсонеса и его земледельческой округи — С. Ф. Стржелецким, учеником Н. И. Репникова.

Уроженец Севастополя, С. Ф. Стржелецкий со школьных лет приобщился к археологии. В кружке, организованном в 20-х годах крымскими археологами братьями П. П. и В. П. Бабенчиковыми, он принимал самое деятельное участие в поисках древних памятников на Гераклеяском полуострове. Археология Херсонеса стала делом всей его дальнейшей жизни. Особенно много сделал он для изучения городской сельскохозяйственной округи полиса.

В 1950—1960 гг. С. Ф. Стржелецкий провел большие раскопки и разведки на Гераклеяском полуострове. Его исследования не только выявили структуру бли-

жайшей земледельческой округи греческого полиса, но и послужили основой для изучения всей хоры Херсонесского государства в целом. Исследования на Гераклейском полуострове продолжаются и в наши дни, внося существенные коррективы в наши прежние представления об устройстве сельской округи города.

ЗАГАДОЧНЫЕ БАШНИ

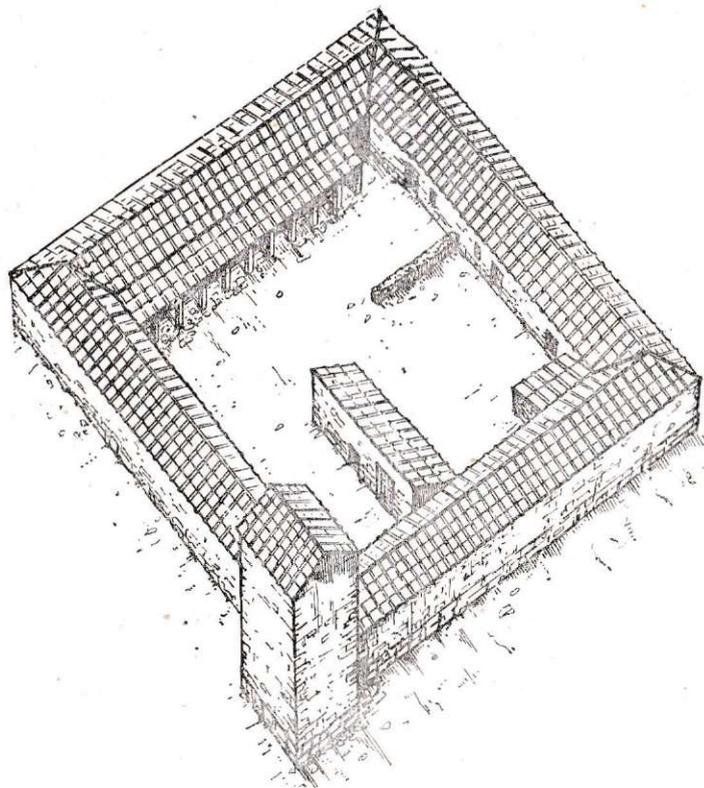
В глубине Гераклейского полуострова, справа от дороги на Балаклаву, еще и сейчас можно местами наткнуться на заросшие развалины каких-то мощных построек. В плане они квадратные (примерно 10×10 м); их толстые (до 2 м) стены иногда поднимаются над поверхностью в рост человека, но чаще всего — на один-два ряда кладки. Даже неспециалисту при внимательном осмотре этих руин становится ясно, что это остатки прямоугольных башен, основания которых погребены в земле. Многие из таких башен, разбросанных по Гераклейскому полуострову, слегка сужаются кверху, имея четко выраженную пирамидальную форму. Сложены они из громадных (до 2 м длиной), аккуратно подогнанных известняковых блоков с довольно грубо обработанной поверхностью.

Если чуть присмотреться, можно заметить, что башни входили в комплексы более крупных построек, прямоугольные очертания которых угадываются в рельефе местности. Кое-где на поверхность выступают остатки стен, примыкающие к башням: между ними попадаются черепки древней посуды и обломки толстой кровельной черепицы.

Загадочные гераклейские башни давно уже привлекают к себе внимание ученых своим необычным видом (особенно пирамидальные), импозантностью и великолепной сохранностью. О их характере и назначении было высказано несколько разных предположений. Теперь мы знаем, что башни принадлежали укрепленным сельским усадьбам херсонесцев. На Гераклейском полуострове археологами зарегистрировано около 150 усадеб. В древности же их было, очевидно, больше; остатки многих либо уже полностью уничтожены, либо еще не разысканы. Несколько усадеб целиком или частично раскопаны. И хотя проведенных раскопок еще недостаточно для окончательных заключений, мы можем представить себе и внешний облик, и внутреннее устройство, и основные черты хозяйства и жизни загородных сельских домов Херсонеса.

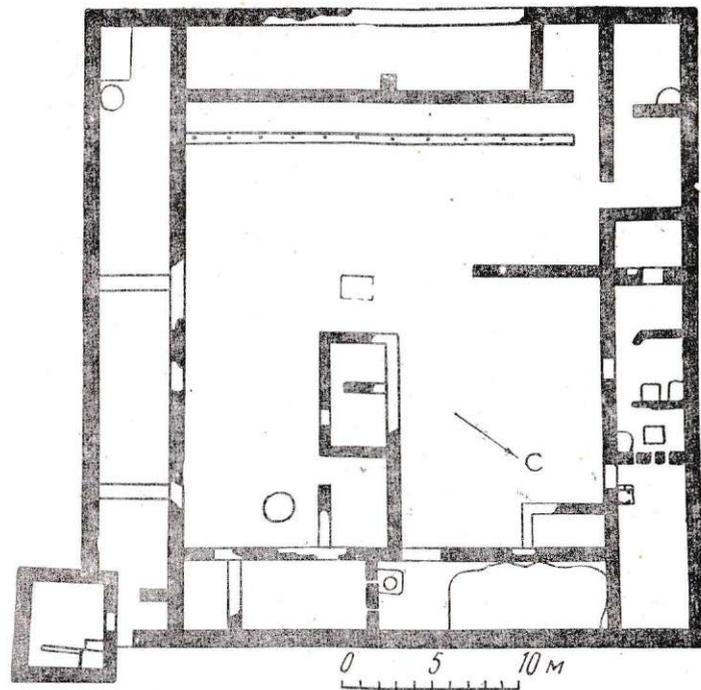
Усадьбы стояли каждая на своем земельном наделе, и потому, подобно хуторам, располагались обычно на значительных расстояниях друг от друга. Но иногда они строились неподалеку одна от другой.

В расположении укрепленных усадеб на Гераклейском полуострове видна вполне понятная закономерность: чем дальше они отстояли от Херсонеса, тем сильнее были укреплены. Особенно мощные башни возвышались в южной части полуострова, на пограничных земельных наделах, а также в прибрежной зоне. Это были настоящие небольшие крепостцы, обитатели которых могли при случае выдержать и осаду. Обычно же усадьба имела только одну угловую башню (вероятно, были усадьбы, состоявшие только из башни и огражденного двора). Как исключение, существовали и двубашенные постройки. Руины одной из них находятся почти на самом берегу Круглой бухты, между пансионатом «Омега» и городским пляжем. Усадьба эта еще не исследовалась археологами. Но в глубине полуострова, на водоразделе между Стрелецкой и Камышовой бухтами, можно увидеть две усадьбы, раскопанные С. Ф. Стржелецким в 1951—1956 гг.

Одна из усадеб находилась посреди прямоугольного земельного надела. — «клера № 25»*. Этот обнесенный со всех сторон каменной оградой земельный участок занимал территорию в 30,5 гектара (длина — 733, ши-

*Нумерация наделов условная.

Усадьба на наделе № 25 План по С. Ф. Стржелецкому.
Реконструкция автора.

рина — 418 м). Около двух третей его площади в древности было отведено под виноградники и сады. На самой высокой точке участка, почти в его центре, стоял дом — большое, приземистое и квадратное, мрачного вида здание, без окон на наружных стенах,

длиной 35 и шириной 34 м. Все помещения его образовывали замкнутое каре вокруг центрального, тоже квадратного в плане двора. Общая площадь усадьбы — 1200 кв. м; при этом на внутренний двор приходилось немногим менее половины — 550 кв. м. На южном углу дома возвышалась прямоугольная башня площадью $6,2 \times 5,75$ м. Сейчас от нее уцелело только основание (на высоту трех-четырех рядов кладки), построенное из прекрасно отесанных и аккуратно подогнанных каменных блоков, а также остатки внутренней лестницы. В древности же башня имела несколько этажей и высота ее составляла, вероятно, 9—12 м. С нее можно было наблюдать за всем, что делалось вокруг, а в случае опасности укрыться за ее стенами.

Рядом с башней находился вход в дом. К нему от ворот во внешней ограде надела вел широкий проезд. Дверь открывалась в небольшую темную переднюю, из которой можно было попасть либо в башню, либо, пройдя через внутренние помещения юго-восточной стороны здания, на внутренний двор усадьбы.

Всего в доме было 21 помещение различного назначения. Все они занимали площадь около 660 кв. м. Основные 17 помещений располагались рядами вдоль всех четырех сторон двора, а 4 — в двух пристройках, также находившихся во дворе. Двери и окна всех помещений, как жилых, так и хозяйственных, выходили только во двор усадьбы.

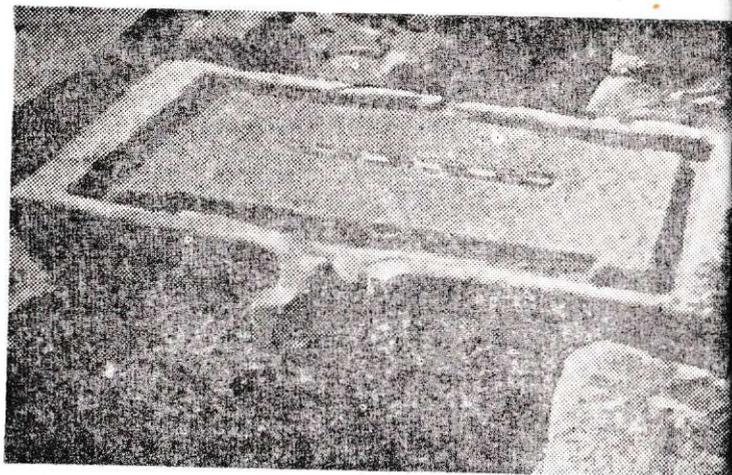
Планировка усадьбы продуманна и логична. Дом поставлен на местности углами по сторонам света с таким расчетом, чтобы в течение дня солнце освещало и обогревало жилые и наиболее важные хозяйственные помещения. Поэтому все жилые комнаты были на северо-западной стороне двора, а склады (в том числе и винный подвал) — на северо-восточной. В противоположной части находились другие подсобные помещения и хлев для скота. Во всю длину юго-западной стороны двора тянулся перед хлевами навес на деревянных столбах. Возможно, что помещения для скота соединялись отдельным проходом с огражденным загонem, расположенным за усадьбой.

Примерно такой же, очевидно, была первоначально усадьба и на соседнем земельном наделе № 26. Она еще полностью не раскопана, но по ряду признаков можно судить о некоторых особенностях этого большого квадратного в плане (около 35×35 м) здания. Устройство то же, что и на «клере № 25»: центральный двор, прямоугольная башня на углу размерами $6,5 \times 6,5$ м и толщиной стен около 0,7 м. В центре двора находилась вырубленная в скале огромная цистерна для хранения воды.

Как установлено раскопками, эта усадьба погибла во время пожара, возможно, еще в III или в начале IV в. до н. э. По-видимому, одновременно с ней, вопреки мнению С. Ф. Стржелецкого, та же участь постигла и рассмотренную выше усадьбу на наделе № 25. Однако если руины последней оказались окончательно заброшенными и постройка не была восстановлена, то на месте разрушенного дома на наделе № 26 какое-то время спустя возвели новую усадьбу, меньшую по площади, но двухэтажную и гораздо более укрепленную — настоящую маленькую крепость.

Особенно мощной была новая башня. Ее возвели на месте старой, однако большей стала площадь — $9,5 \times 9,6$ м, а толщина стен в основании достигла двух с четвертью метров. Сложенные из гигантских — до 2 м длины и 1,5 м ширины — почти необработанных камней, слегка сужающиеся кверху, наружные стены башни придавали ей мрачный и совершенно неприступный вид. Внешние стены дома местами были также укреплены дополнительными поясами каменной кладки и достигали толщины 1,5—1,6 м. И все же и эта усадьба погибла в конце II в. до н. э., в самый напряженный период войн Херсонеса со скифами.

Основное направление хозяйства на усадьбе надела № 26 было винодельческим. На первом этаже дома, на южном углу, раскопками С. Ф. Стржелецкого открыта большая винодельня, занимавшая помещение площадью 29,25 кв. м. Тут стояла вырубленная из цельного кам-

Тарапан на усадьбе надела № 26.

ня площадка, на которой виноград давили босыми ногами. Размеры площадки — $1,28 \times 2,16$ м. Сок стекал по желобку во вкопанный в пол перед площадкой глиняный чан емкостью более двухсот литров. После первого отжима — ногами — оставшуюся массу-мезгу перекладывали на соседнюю площадку для второго отжима — уже при помощи рычажного пресса.

Пресс занимал почти половину помещения. Он состоял из дальной площадки, вырезанной в каменной плите ($2,4 \times 1,25$ м) деревянного рычага длиной около 6 м и каменного груза весом около тонны. Одним концом рычаг крепился к стене, другой его конец, вероятно при помощи ворота, подтягивался к грузу. Сок так же как и в первом случае, стекал по желобку в приемный чан.

Как уже говорилось, в окрестностях Херсонеса встречаются два типа башен, оставшихся от укрепленных сельских усадеб: прямоугольные, сложенные из хоро-

шо отесанных квадратов, и «пирамидальные», кладка которых состоит из огромных необработанных или почти необработанных камней. В пирамидальных башнях некоторые исследователи (В. Д. Блаватский, С. Ф. Стржелецкий) усматривали влияние варварского зодчества тавров, ближайших соседей херсонесцев²³. Однако убедительных доказательств в пользу этих догадок не нашлось. Вместе с тем надо иметь в виду, что «домашние пирамиды», близкие по облику башням херсонесских усадеб, строились в IV в. до н. э. в Греции — в Арголлиде²⁴. Хотя арголлидские постройки не являются прямой аналогией башням наших усадеб, появление и тех, и других вызвано, вероятно, сходными причинами — опасной в военном отношении обстановкой.

В 1963 г. О. Д. Дашевская и автор этих строк начали раскапывать башню одного из укреплений в северной части херсонесской хоры — на Тарханкуте. Оказалось, что она первоначально имела вертикальные стены, а позднее была укреплена в основании дополнительным поясом из крупных грубо обработанных блоков. Наклонные стены этого пояса некогда поднимались на высоту около пяти метров и придавали основанию башни «пирамидальный» вид. Последующая проверка показала, что и башни Гераклеийского полуострова были пирамидальными только в основании и что их «пирамидальность» — результат дополнительного укрепления нижней части башни. Такова, например, монументальная башня усадьбы надела № 31. Она высятся в самом верховье Камышовой бухты, недалеко от берега. Недавно проложенное здесь шоссе почти-тельно огибает величественные руины.

Назначение подобных утолщений стало ясным — это дополнительные противотаранные пояса. Ведь каждая усадьба, стоявшая на своем земельном участке на до-

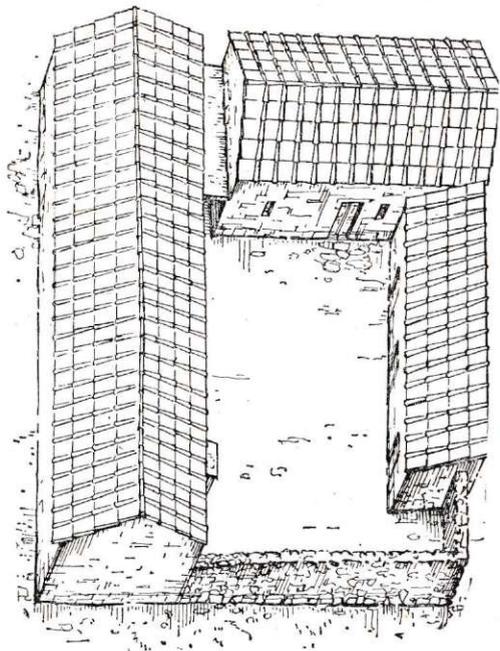
Башня усадьбы на наделе № 31.

нольно значительном расстоянии от соседних, по существу, представляла собой дом-крепость. Башня же — последний оплот и убежище для обитателей усадьбы в случае ее осады врагом.

Появление в конце III—II в. до н. э. противотаранских поясов на башнях гераклейских усадеб — это следствие все учащавшихся набегов вражеских (скифских) отрядов на территорию ближайшей сельскохозяйственной округи Херсонеса. Такой признак тревожного времени мог быть выявлен только археологическим путем. Что же касается грубой обработки камней, из которых сложены пояса, то это не таврская традиция, а скорее результат спешки: угрожавшие существованию усадеб события развивались, судя по всему, катастрофически быстро. Надо было срочно укреплять башни сельских домов; тщательность кладки отступала при этом на задний план.

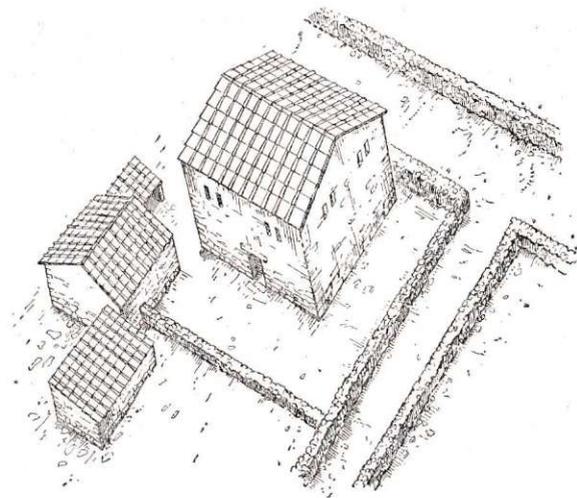
В отличие от разбросанных далеко одна от другой значительных по размерам и укрепленных усадеб «нового» Херсонеса мелкие сельские усадьбы Страбона на Херсонесе не были укреплены. Такой нужды здесь не существовало, так как всю сельскохозяйственную территорию этого маленького городка, т. е. Маячный полуостров, надежно защищали стены, преграждавшие доступ на него.

Рассмотрим одну из усадеб, раскопанную Н. М. Меченкиным в 1910—1911 гг. («дом № 3»). Площадь ее — всего лишь 360 кв. м (20,5×17,6 м). Она имела обычные прямоугольные очертания, углы были обращены к сторонам света. Через единственный длинный и узкий проход на северо-западной стороне попадали на внутренний двор, куда выходили и двери всех помещений, расположенных по его трем сторонам. Северную часть усадьбы занимал собственно дом, Г-об-

разный в плане, состоявший из двух больших комнат и служебной пристройки с тремя помещениями, одна из которых, возможно (по предположению М. И. Ростовцева), служило баней*. Пол в этой комнате был мозаичный, набранный из однотонной морской гальки.

*Мысль С. Ф. Стржелецкого, что это была винодельня, не подтверждается (см. ниже, стр. 93).

Загородные усадьбы «старого» Херсонеса.
Реконструкция автора.

Юго-западной стороны двора стоял большой, очень вместительный сарай, вероятно, для хранения припасов, садового и виноградного инвентаря.

Открытый Н. М. Печенкиным сельский дом принадлежал, видимо, зажиточной семье. При раскопках в нем найдено много обломков терракотовых статуэток. Среди них особенно замечательны фрагменты крупной уникальной статуи покровительницы Херсонеса богини Девы.

Другая раскопанная Н. М. Печенкиным усадьба грабонова Херсонеса (дом № 1) стояла в углу земельного надела у пересечения двух дорог. В отличие от тех усадеб, с которыми мы уже познакомились,

она состояла из двух отдельных строений: жилого дома и хозяйственной постройки. Жилой дом представлял собой двухэтажную, почти квадратную в плане башню (8,8 × 9,8 м), в каждом этаже которой было по четыре помещения. Подобные дома-башни — характернейшая особенность сельского пейзажа многих районов античной Греции. Они так и назывались: «пирги», что означает — «башни». Их руины до сих пор сохранились в разных местах островной и материковой Греции.

ВИНОГРАДНИКИ И САДЫ

Чтобы получить представление о сельском хозяйстве херсонесцев, необходимо исследовать не только сами усадьбы, но и землю, которая принадлежала каждой из них. Иными словами, надо установить размеры надела, узнать, что и в каких количествах на нем выращивалось, каковы были агротехнические приемы и методы обработки почвы и получения урожая, какое количество рабочих рук требовалось для ухода за землей и посадками. Задача эта не из легких. Участки древних полей сохраняются в неповрежденном виде только в исключительных случаях, когда на их местах в течение столетий, а то и тысячелетий, не производилось никакой распашки. К таким счастливым исключениям относятся земельные наделы на хоре эллинистического Херсонеса.

Особенно хорошо сохранились античные земельные наделы на Гераклеяском полуострове. Несколько таких хозяйств — между верховьями Стрелецкой и Камышовой бухт — детально изучены С. Ф. Стрелецки

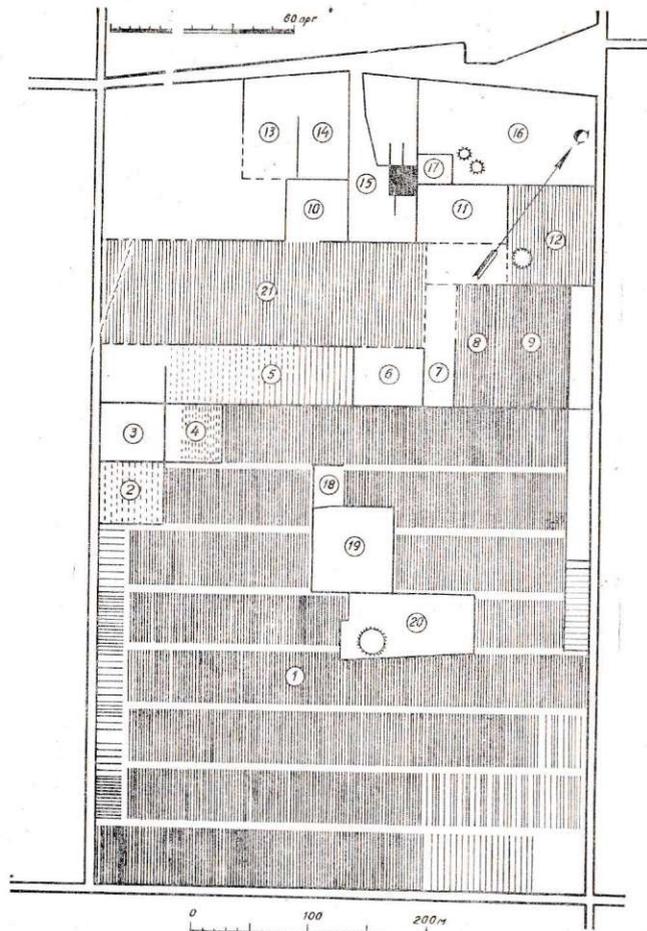
Как уникальные памятники древнего земледелия, имеющие мировое значение, они объявлены заповедной территорией, подведомственной Херсонесскому музею.

Если посмотреть с птичьего полета на знакомый уже читателю надел № 26, то мы увидим огражденный каменной оградой большой прямоугольный участок земли длиной 686 и шириной 420 м. Надел занимал территорию, равную 29 гектарам. Короткой северной стороной он выходил на дорогу из Херсонеса в Страбонев Херсонес. Вдоль трех остальных его сторон проходили магистральные дороги, отделявшие этот надел от соседних. Укрепленная усадьба находилась в северной части участка, неподалеку от дороги на Херсонес. Здесь в ограде надела были устроены ворота, от которых к дому вел широкий проезд. Вокруг усадьбы размещались огороженные загоны для скота и хозяйственные дворы.

Усадьба вместе с внешними дворами и загонами занимала площадь, равную примерно трем четвертым гектара. Вся остальная земля надела была размежевана невысокими каменными оградами на 22 прямоугольных участка различной величины. Самый крупный из них составлял более половины всего владения.

Сейчас степь на территории древнего надела кажется полосатой. Такое впечатление создается потому, что почти на всей его территории прекрасно видны в выгоревшей от солнца траве бесчисленные ряды параллельных каменных полос, в которых легко угадываются следы каменных «стен», едва поднимающихся над поверхностью почвы. Два крупных шага — и под ногами остатки стены толщиной около метра; еще два шага — снова стена, за ней следующая и так далее. Все то же на участке более тысячи четырехсот таких полос.

Еще Дюбуа де Монпере и Н. М. Печенкин опреде-

План надела № 26. По С. Ф. Стржелецкому.
Каждая линия соответствует стене виноградного плантажа. Черный квадрат вверху — здание усадьбы. Цифры в кружках — условные номера полей.

или, что следы параллельных стенок, занимающие большие площади на херсонесских наделах, являются остатками древнего виноградного плантажа. Раскопки С. Ф. Стржелецкого на нескольких участках не только полностью подтвердили это, но позволили с большой достоверностью восстановить устройство виноградников античного Херсонеса*.

Плантажные стены сооружались при подготовке земли под виноградник. Создание системы параллельных стен диктовалось необходимостью повысить плодородие почвы, перекопать и очистить поле от камня, предохранить почвенный слой от эрозии. Служили они также своеобразными конденсаторами влаги — херсонесские виноградники были неполивными.

Кусты винограда высаживались между стенами с таким расчетом, чтобы расстояние между кустами в ряду и между рядами оставалось одинаковым — около 1,4 м. При таком методе посадки на одном гектаре выращивалось около пяти тысяч кустов винограда. Раскопками удалось выявить на участках лунки, которые предназначались для посадки виноградных кустов.

Установлено, что посадку винограда херсонесцы производили двумя способами: саженцами и черенками, т. е. так же, как и сейчас.

Кроме сплошных виноградников, существовали еще смешанные, где лоза формировалась на плодовых де-

*Совсем недавно американский археолог В. Яшемская из Мэрилендского университета полностью раскопала крупный виноградник в Помпеях, повторив работы советских археологов, но в более широких и наглядных масштабах²⁵. Для изучения эллинистического земледелия крайне необходимо раскопать целиком хотя бы один надел в окрестностях Херсонеса, что дало бы нам в руки (пока это возможно) эталон для аграрной истории не только Причерноморья, но и всего Средиземноморья IV—II вв. до н. э.

ревях; древние италийские агрономы называли их «арбустум». С таких участков снимался двойной урожай винограда и фруктов. Существовали, вероятно, также и просто сады.

Создание виноградного и садово-виноградного плантажа, тщательная обработка почвы и уход за растениями требовали много сил и времени. Сколько надо было затратить труда только на подготовку плантажа в одном лишь хозяйстве, можно увидеть из следующих цифр. Если бы все плантажные стены на наделе № 26, который мы сейчас рассматриваем, вытянуть в одну линию, то получилась бы каменная кладка длиной 78 км при толщине ее около метра и высоте 30—50 см. Это значит, что при устройстве плантажа в хозяйстве херсонесского землевладельца было вынута и уложено вручную примерно 40 000 кубических метров камня.

Сейчас подсчитано, что для выполнения сельскохозяйственных работ на своем участке хозяину земли нужно было иметь 25—30 работников. Они могли жить постоянно здесь же, на усадьбе. В их обязанности входили пахота и посев хлеба, обработка виноградника, сада и огорода, уход за скотом и птицей, уборка урожая и переработка продуктов — словом, весь обычный цикл сельскохозяйственных работ. Кроме винограда и фруктовых деревьев, на наделе выращивали зерновые культуры — пшеницу, ячмень, просо — и горох. Обугленные зерна этих растений найдены при раскопках усадьбы на соседнем (№ 25) наделе. Сажались, вероятно, и другие растения — огородные и бахчевые: лук, огурцы, арбузы, дыни. Семена их (исключая лук) неоднократно находили при раскопках херсонесского некрополя.

Основной тягловой силой в античном хозяйстве были волаы. На волах пахали землю, их запрягали в повозки для транспортировки любых грузов. На них везли в город на продажу свои продукты, а из города глиня-

ую посуду, тару для вина и различные изделия городского ремесла, в том числе и необходимый земледельческий инвентарь.

Обитателям усадьбы, помимо сельскохозяйственных работ, приходилось выполнять множество обязанностей по дому: заготавливать дрова, варить пищу для работников, убирать помещения и чинить хлевы, стирать одежду, чинить производственный инвентарь. Особенно горячая пора начиналась во время уборки винограда, когда надо было в собственной винодельне давить вино. Работы рук в это время могло не хватать, и не исключено, что хозяин нанимал людей дополнительно.

Усадьба вместе с земельным наделом составляла единое целое — одно хозяйство, принадлежавшее жителю Херсонеса. Каков же — если судить по археологическим данным — экономический потенциал этого хозяйства? Раскопки усадьбы надела № 26 выявили крупную, хорошо оборудованную винодельню: обследование земельных участков на наделе показало, что почти три четверти всей земли занимали виноградники. Совершенно ясно, что это хозяйство было специализированным, предназначенным для производства вина на продажу. Давайте же подсчитаем, сколько вина можно было получить от урожая на виноградниках этого надела.

Общая площадь под виноградным плантажем составляла 21,4 гектара, или 74 процента всей территории надела. Немногим более одного гектара занимал садово-виноградный плантаж. При установленной раскопками густоте посадок (5000 кустов на 1 гектар) на всех виноградниках хозяйства должно было расти около 110 тысяч кустов винограда. Это факт бесспорный. При среднем урожае, по расчетам, произведенным С. Ф. Стржелецким на основании свидетельств древних агрономов и с учетом местных условий, с каждого гектара виноградника могли получать около 420 дека-

литров вина. Следовательно, обычный урожай позволял ежегодно производить около 90—95 тысяч литров вина. Из этого количества семьей владельца надела и всеми работниками на усадьбе потреблялось не более одной трети (в разбавленном виде оно входило в повседневный рацион). Остальное вино — около 50—70 тысяч литров — шло на продажу, на внутренний рынок Херсонеса или на экспорт.

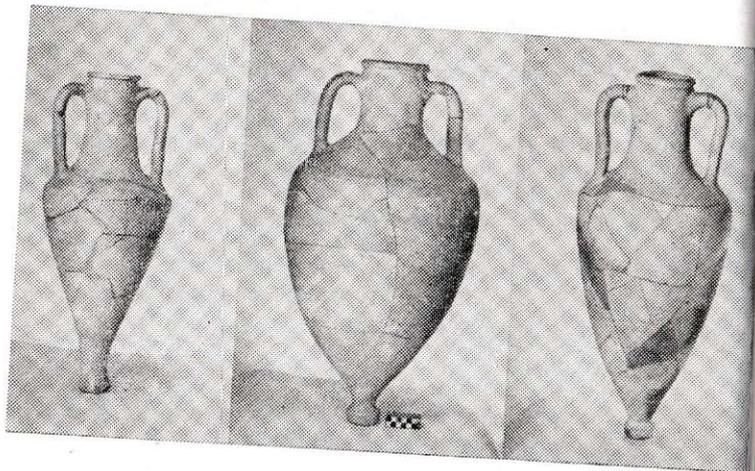
Транспортировалось вино в глиняной таре — амфорах. Благодаря произведенным Г. М. Николаенко и С. Ю. Монаховым промерам известно, что наибольший потребительский объем стандартной херсонесской амфоры составлял 17—19 литров. Для вывозки вина, получаемого из урожая одного года, владельцу надела требовалось около трех с половиной тысяч амфор, а это обычный груз среднего торгового древнегреческого корабля. Таким образом, владелец надела мог ежегодно снаряжать корабль с вином для заморской торговли. Делал ли это он сам или продавал свой товар оптовым купцам для перепродажи — неизвестно.

Всего в окрестностях Херсонеса на Гераклейском полуострове насчитывалось около 380 земельных наделов, которыми владели примерно 380 семей херсонесцев. В среднем каждый хозяин получал при разделе городских земель (хоры города) около 26 гектара (часть наделов отклонялась от этой нормы). Земельные участки на хоре «старого» Херсонеса на Маячном полуострове по сравнению с наделами самого Херсонеса были совсем небольшими. В среднем их площадь составляла около 4,5 гектара, т. е. в шесть раз меньше. Это объясняется тем, что у Страбонова Херсонеса не доставало свободной земли. Земледельческая округа египетская была поделена примерно на 100 наделов. Вероятно, такое же количество семей и составляло первоначальное население этого городка.

Херсонесские наделы ждут еще своего исследователя. Но уже сейчас можно считать доказанным, что хозяйство являлось высокоспециализированным и было

в основном направлено на выращивание винограда и производство вина для продажи. Не менее половины всей сельскохозяйственной округи обоих Херсонесов занимали виноградники. Общая площадь их достигала, как минимум, 5—6 тысяч гектаров. А это значит, что, при самых осторожных подсчетах, в окрестностях двух Херсонесов, «старого» и «нового», росло около 25—30 миллионов кустов винограда, которые могли, вероятно, давать 20—25 миллионов литров вина в год. Не случайно близ города вырос специализированный поселок виноделов, о котором писалось в первой главе. Не случайно и то, что за крепостными стенами Херсонеса раскинулся поселок гончаров с мастерскими, в которых производились амфоры — тара, прежде всего предназначенная для хранения и перевозки вина. И действительно, если предположить, что только половина вина ежегодно производимого в окрестностях Херсонеса вина шла на вывоз за пределы государства, то и в этом случае херсонесские гончары должны были изготавливать не одну сотню тысяч амфор в год.

Среди древнегреческих полисов Средиземноморья и Причерноморья Херсонес был одним из крупных поставщиков вина на международный рынок. Государство постоянно контролировало торговлю вином и для этого установило определенный стандарт емкости тары (амфоры). Особые чиновники — астиномы следили за производством амфор, за соблюдением гончарами принятых стандартов. Клеймо с именем астинома наносилось на ручку амфоры (реже — на горловину) до ее обжига. Астиномное клеймо служило не только «знаком качества» — оно удостоверяло, как и форма сосуда, место производства и год выпуска, так как должность астинома была, по-видимому, ежегодно сменяемой. По найденным при раскопках клейменым амфорным ручкам известно

Херсонесские амфоры начала III в. до н. э. из раскопок на хоре.

сейчас более 120 имен херсонесских астиномов. Это значит, что Херсонес клеймил свою тару на протяжении около полутора столетий, начиная примерно с последних десятилетий IV в. до н. э. — времени, когда полис мало-помалу завоевывал свое место на международной торговой арене.

Международный ареал торговли херсонесским вином устанавливается по находкам в разных местах античного мира херсонесских амфор или, чаще всего, их обломков. Большая часть херсонесского вина поступала в причерноморские степи — к скифам. Крупные партии вывозили также на восток, в низовья Дона, на запад — в район Днестровского лимана, на север — в скифские поселения нижнего Приднепровья. Торговали им и с крымскими скифами. Херсонесское вино импортирова-

лось в греческие полисы северо-западного и западного Причерноморья: Ольвию, Тиру (нынешний Белгород-Днестровский), Истрию, Каллатию, Томы (Констанца в современной Румынии), Одесс (ныне Варна, Болгария).

В сравнительно небольшом количестве покупали херсонесское вино города соседнего Боспорского царства. Херсонесская клейменная амфора найдена у выхода из Черного моря в Византии (теперь Стамбул, Турция). Обломки амфорных ручек с клеймами херсонесских астиномов находят при раскопках в Афинах и далекой Александрии (в Египте).

Возникает вопрос: чем обеспечивалась интенсивная внешняя торговля Херсонеса? Чьими руками обрабатывалась земля и выращивался урожай, чьим трудом добывалось вино на тех 460—480 наделах, которые занимали свыше 10 тысяч гектаров в окрестностях двух Херсонесов? На этот вопрос прямого и однозначного ответа пока нет. Поскольку Херсонес — государство рабовладельческое, труд рабов должен был использоваться здесь широко. Но в какой степени? В отличие от Италии II в. до н. э. в сельском хозяйстве греческих государств рабский труд не являлся доминирующим. Это положения общие. А как обстояло дело с организацией рабочей силы в данном случае — на землях херсонесской городской округи, — можно пока строить лишь гипотезы, основанные на общих положениях, аналогиях и косвенных данных, получаемых в итоге археологических исследований.

На небольших наделах «старого» Херсонеса землю могли, вероятно, обрабатывать сам хозяин и члены его семьи, возможно, с использованием в отдельных случаях труда рабов или наемных работников. Что же касается крупных наделов самого Херсонеса, где требовалось

не менее 20—25 человек, одними членами семьи, разумеется, нельзя обойтись. В. Д. Блаватский и С. Ф. Стржелецкий предположили, что херсонесские хозяйства на Гераклейском полуострове, подобно крупным италийским поместьям II в. до н. э., были целиком рабовладельческими, т. е. все работы на них выполнялись только рабами — покупными или обращенными в рабство военнопленными таврами и скифами²⁶. Однако есть основания думать, что организация рабочей силы в аграрной зоне Херсонеса была гораздо сложнее. В пользу такого предположения свидетельствует изучение «остальной хоры» полиса (о чем мы расскажем в следующей главе), существование пригородных поселков, а также открытие, сделанное сотрудником Херсонесского музея О. Я. Савелей в 1973 г. На склоне Сапун-горы, за пределами херсонесских наделов с усадьбами, он обнаружил остатки варварских поселений IV—III вв. до н. э.²⁷ Именно в таких поселках вокруг города и на границе наделов жило, видимо, зависимое или полузависимое от Херсонеса земледельческое и ремесленное туземное население, которое — не исключено — использовалось херсонесцами на сельскохозяйственных работах. Вероятно, это и могли быть парэки, «окрестживущие», упомянутые в одной из херсонесских надписей конца II в. до н. э.

КЕРКИНИТИДА — КАЛОС-ЛИМЕН

Херсонесская хора не ограничивалась земледельческой территорией двух Херсонесов. В состав государства входили и другие земли, на которых располагались укрепления, и еще два города: Керкинитида и Калос-Лимен (Прекрасная Гавань). Среди владений Херсонеса в присяге назван также «педион» — «равнина», на которой выращивали хлеб. Где же находились эта равнина и населенные пункты, подчиненные полису? Ни одна из древних надписей не дает ответа на этот вопрос. Нет в них свидетельств

ни о характере, ни об организации подвластных земель. Из херсонесских надписей на камне историки узнали только, что города и укрепления херсонесцев были захвачены скифами и вновь отвоеваны в самом конце II в. до н. э. с помощью войск понтийского царя Митридата VI Евпатора.

Но если ничего не говорят лапидарные документы, то, может быть, о херсонесских владениях сообщают что-нибудь древние географы и историки?

В 134 г. н. э. Флавий Арриан, наместник Каппадокии — одной из римских провинций в Малой Азии, совершил на корабле инспекционную поездку вдоль юго-восточного побережья Черного моря. В свой отчет, представленный императору Адриану и оформленный в виде перипла (лоции), он включил сведения о расстояниях по морю между различными пунктами на берегах Понта Эвксинского, в том числе и на крымском побережье. Согласно Арриану, расстояние по морю от Херсонеса до Керкинитиды 600 стадиев (около 110 км), а от Керкинитиды до Прекрасной Гавани — еще 700 стадиев (около 127 км), если плыть от Херсонеса на север, вдоль западных берегов Крыма²⁸. Однако, если отложить по карте приведенные Аррианом расстояния, то в искомым пунктах мы не найдем следов упомянутых поселений — цифры Арриана завышены в среднем на 30—40 км. Тем не менее перипл дает примерные координаты двух этих городов, ясно указывая на побережье северо-западного Крыма.

О Керкинитиде и Прекрасной Гавани упоминает еще несколько греческих и римских авторов (Гекатей, Геродот, Плиний, Мела, неизвестный автор одного из периплов). Но только упоминают. Что же касается «остальных земель и укреплений», то о них нет ни слова нигде.

Почти сто лет назад, в 1880 г., известный нумизмат и археолог П. О. Бурачков писал: «По состоянию письменных источников разрешение вопросов о Керкинитиде и Калос Лимене нисколько не изменилось...»²⁹. Эти слова справедливы и сейчас. Однако изучение городов хоры, как и Херсонеса в целом, может быть основано на материалах, добытых археологией.

О местоположении городов и величине Херсонесского государства ученые спорили много, нередко — как писал А. Л. Бертье-Делагард (правда, по другому поводу) — «совсем кабинетно и попустому», так как письменные источники оставляли широкое поле для толкований. Одни исследователи считали, что владения Херсонеса простирались далеко за пределами Крыма, «чуть ли не до днепровских порогов» (П. О. Бурачков, Е. И. Иванов, К. Э. Гридневич). Другие предполагали, что в состав Херсонеса входила вся западная часть Крымского полуострова (Л. А. Моисеев) или же только земли в прибрежной полосе от Севастополя до Перекопа (В. В. Латышев, Ю. А. Кулаковский). Наконец, третьи думали, что Херсонесу принадлежали лишь Гераклейский полуостров и небольшие участки земли вокруг некоторых пунктов на западном побережье, вклинившиеся в обширные земли скифов (А. Л. Бертье-Делагард, А. С. Коцевалов, С. А. Жебелев, А. И. Тюмев). Нужны были специальные археологические исследования на местности, чтобы проверить все эти гипотезы.

Поиски Керкинитиды и Прекрасной Гавани начал в 70-х годах прошлого века П. О. Бурачков. Он дважды объехал берега северо-западного Крыма от Евпатории до Бакальской косы, открыв при этом ряд древних поселений. В конце столетия в окрестностях Евпатории вел раскопки археолог-любитель Н. М. Романченко. И это все, а между тем важность археологических поисков на этой территории была достаточно ясна. Ростовцев писал: «Выяснение характера этих поселений откроет нам глаза на целый ряд сторон в истории Крыма, выяснит отношение греков, зависимых от Херсонеса, и скифов, обитателей степного Крыма». По инициативе М. И. Ростовцева в Евпатории были начаты раскопки Л. А. Моисеевым, директором Херсонесского музея. Именно Л. А. Моисееву удалось установить в результате исследований 1917—1918 и 1929—1931 гг., где располагались оба херсонесских города — Керкинитиды и Прекрасная Гавань. Впоследствии раскопки этих городов были продолжены М. А. Наливкиной.

В 1933 г. из деревни Джарылгач (ныне село Меж-

водное), приоткрывшейся на плоском берегу обширной Ярылгачской бухты, начал археологическую разведку известный советский скифолог П. Н. Шульц. Пройдя пешком все побережье от Джарылгача до Сак, ученый обследовал встретившиеся ему остатки греческих и скифских укреплений и неукрепленных поселений. П. Н. Шульц предположил, что в IV—III вв. до н. э. произошло одновременное выдвижение крымских скифов и херсонесских греков к берегам северо-западного степного Крыма. «Система скифо-сарматских укрепленных поселений, — писал он, — возникает одновременно с греко-скифскими городами и укреплениями: обе системы как бы прогивостоят одна другой»³⁰.

Гипотеза П. Н. Шульца была признана, ее приняли и развили другие советские археологи и историки (М. И. Артамонов, А. И. Тюменев, Э. И. Соломоник, О. Д. Дашевская), превратив, таким образом, в историческую концепцию, которая продержалась в науке более четверти века. Но время взяло свое: новые, введенные в научный оборот факты заставляют пересмотреть некоторые из ее положений*.

В 1958 г., во время поездки на Тарханкут, П. Н. Шульц посоветовал автору этой книги проверить путем раскопок гипотезу о скифах и греках. С тех пор вот уже 18 лет Тарханкутская экспедиция сначала Херсонесского музея, а затем Ленинградского отделения Института археологии АН СССР изучает древности северо-западного Крыма.

Интерес к северо-западному Крыму со стороны исследователей значительно возрос. Известный ленинградский археолог А. Н. Карасев начал раскопки городища «Чайка» под Евпаторией. Их сейчас продолжает экспедиция МГУ под руководством И. В. Яценко. Позднее у села Поповки стала работать Южно-Донузлавская экспедиция Института археологии АН СССР (ру-

ководитель О. Д. Дашевская). А в 1972 г. на морском берегу недалеко от села Владимировки приступил к раскопкам отряд Харьковского университета (руководитель В. А. Латышева).

18 лет исследований в Черноморском и Сакском районах Крыма внесли немало нового в наши представления о древней истории этого края. Установлено, что приморские земли — примерно от Сакского озера на юге и почти до Бакальской косы на севере — с расположенными на них укрепленными и неукрепленными поселениями уже во второй половине — конце IV в. до н. э. входили в состав хоры Херсонеса. И только с III в. до н. э. на месте херсонесских поселений начали возникать скифские крепости. Яснее стали для нас аграрный строй Херсонесского государства и его политическая структура.

О результатах многолетних поисков археологов в северо-западном Крыму пойдет речь в этой и следующей главах книги.

ПОВВЛАСНЫЕ ГОРОДА

В Евпатории — напротив краеведческого музея — тянется ограда одного из прославленных санаториев. Постройки и парк здравницы занимают довольно обширную территорию между улицей Ленина и морем с великолепным песчаным пляжем. Вряд ли многие из отдыхающих здесь знают, что под их ногами земля скрывает остатки древнего города — Керкинитиды, возникшей на этом месте около двух с половиной тысяч лет назад.

«Керкинитида — город скифский», — вот все, что знаем мы о ней из сочинения Гекатея Милетского, жив-

* Этой задаче, в сущности, и посвящена настоящая книга.—Ред.

шего около середины V в. до н. э. О самой ранней истории города почти ничего не известно. По материалам, добытым раскопками Л. А. Моисеева и М. А. Наливкиной можно установить только, что Керкинитида основана греками в самом начале V в. до н. э., т. е. примерно на 50—75 лет раньше Херсонеса, что в городе были каменные дома и что его жители вели широкую торговлю с материковой и островной Грецией. При раскопках найдены обломки посуды, сделанной в мастерских Афин, ионийских островов Хиоса, Самоса, Лесбоса, Фасоса³¹. Можно предполагать, что Керкинитида на протяжении примерно полутора веков оставалась небольшим самостоятельным полисом с собственной хорой, расположенной в окрестностях этого городка.

Во второй половине IV в. до н. э. Керкинитида падает в зависимость от Херсонеса. Когда точно и каким образом произошло подчинение Керкинитиды и обширной прибрежной зоны северо-западного Крыма Херсонесу, мы не знаем. Можно высказывать лишь предположения, исходя из археологических фактов и общеполитической обстановки того времени в Причерноморье.

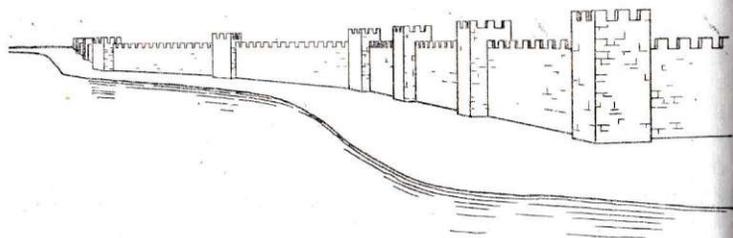
В конце весны или начале лета 339 г. до н. э. войско македонского царя Филиппа II (отца Александра Македонского) разбило войско скифов недалеко от устья Дуная. В этой битве погиб скифский царь Атей, которому перевалило за 90 лет. Сколоченная им держава распалась. Спустя 8 лет внутрь Скифии вторглось македонское войско во главе с полководцем Александра Македонского Зопирином. Зопиринов дошел до Ольвии и осадил ее, но был полностью разгромлен. Примерно в то же время с востока, от Дона, скифов начинают теснить кочевые племена сарматов, родственных скифам по языку. Не исключено, что в этой обстановке херсонесцы, бывшие в курсе всех текущих причерноморских дел, воспользовались ослаблением скифов, чтобы подчинить себе Керкинитиду и присвоить плодородные приморские земли северо-западного Крыма, на которые Херсонес, по-видимому, давно уже смотрел с вожделением.

Было ли присоединение совершено мирным путем, посредством договора, или военным — кто знает? Но любопытен следующий факт. Подчинение Керкинитиды Херсонесу ознаменовалось, видимо, одновременным специальным выпуском монет в обоих городах. В Херсонесе кроме крупных парадных монет, о которых уже говорилось, была отчеканена монета с изображением на одной стороне двуликого Диониса, бога вина и виноделия, а на другой — льва, напавшего на быка. Монеты, выпущенные Керкинитидой, по достоинству и величине соответствуют херсонесской мелочи. На их лицевой стороне крылатая богиня победы Ника, а на оборотной — та же самая сцена, что и на херсонесских: лев, терзающий быка.

Монеты обоих городов близки по стилю, фактуре и технике изготовления. Не отчеканены ли все они в одном месте — на монетном дворе Херсонеса? Ведь до этого момента Керкинитида вообще не выпускала своих денег. И, наконец, изображения на монетах Херсонеса и Керкинитиды связаны единым сюжетным замыслом: торжествующая Дева на колеснице и Ника, воин и лев, приканчивающий поверженного быка. Не была ли выпущена в обоих городах серия монет в ознаменование некой неизвестной нам победы, в результате которой Керкинитида и приморская территория северо-западного Крыма вошли в состав херсонесской хоры?

После подчинения Херсонесскому государству Керкинитида стала быстро развиваться и принимать типично херсонесские черты. Конец IV—III в. до н. э. — время наибольшего расцвета города под властью Херсонеса. Для последнего он играл роль важнейшего опорного пункта при колонизации плодородных приморских земель всего северо-западного Крыма. Владеть Керкинитидой — значило держать в своих руках

ключ к степным и лесостепным равнинам, где можно было выращивать хлеб, в котором остро нуждался Херсонес. И в клятве херсонесцев, где дважды повторено обязательство о сохранении целостности Херсонесского государства, Керкинитиды поставлена на втором месте после самого Херсонеса.

Крепостная стена Керкинитиды. Раскопки Л. А. Моисеева. Реконструкция автора.

Херсонесская Керкинитиды занимала небольшую территорию — всего около семи гектаров на берегу нынешнего Евпаторийского залива. Во второй половине — конце IV в. до н. э. вокруг города была сооружена каменная крепостная стена общей протяженностью около 1,2 км, с квадратными башнями. Не исключено, что в ее возведении принимали участие херсонесские мастера. Внутри крепостных стен в городе, очевидно, было не более двухсот домов такого же типа, как в Херсонесе, а городское население Керкинитиды, вероятно, не превышало 1800—2000 человек.

По некоторым признакам можно предполагать, что среди населения Керкинитиды появились выходцы из Херсонеса, переселившиеся сюда после подчинения города. В московском Историческом музее стоит надгробная плита, найденная на некрополе Керкинитиды. На ней — следы росписи и глубоко вырезанная

краткая эпитафия: «Амбатия, дочь Геродота». Камень для стелы был добыт в окрестностях Херсонеса, плита, без сомнения, вырезана в херсонесских мастерских и расписана рукой херсонесского мастера. Грамматическая форма эпитафии — дорическая. И, наконец, само имя Геродот характерно именно для Херсонеса (в херсонесских надписях на камне и керамике IV—II вв. до н. э. это имя встречается часто; в других же северопричерноморских городах оно либо неизвестно вовсе, либо, как в Ольвии, давалось очень редко). Амбатия могла быть дочерью какого-то херсонессца Геродота, переселившегося со своей семьей в Керкинитиду, где она и умерла. Отец же заказал ей надгробную плиту в Херсонесе.

В конце IV—III в. до н. э. в Керкинитиде и вокруг нее велось оживленное строительство. Раскопки показали, что в это время строятся новые жилые дома, мостятся улицы, прокладываются водостоки. Одновременно идет перестройка и расширение сельских усадеб.

В то же время экономика Керкинитиды находилась всецело под херсонесским воздействием. На денежном рынке города обращались в основном херсонесские монеты. Влияние Херсонеса чувствуется в характере построек, в приемах и навыках строительства, сквозит во всем археологическом материале. Город и его окрестности буквально завалены разнообразной глиняной посудой и тарой, поступавшей из Херсонеса; херсонесские коропласты вывозят сюда свои изделия — терракотовые фигурки. В духовной жизни обитателей города и его округи получает распространение культ Геракла — сособо почитаемого покровителя херсонесцев.

В политическом отношении Керкинитиды и в составе Херсонесского государства, вероятно, сохраняла некоторую автономию, хотя, скорее всего, это была чистая видимость «самоуправления». Признаком такой автономии служат два коротких выпуска собственных медных монет (в конце IV и в первой половине III в. до н. э.), а признаком того, что чеканка своих денег яв-

лялась всего лишь политической акцией, подчеркивающей «самостоятельность» города, служит тот факт, что основным платежным средством оставались херсонесские деньги.

Керкинитидские монеты чеканились по общепринятой в Херсонесском государстве монетной системе. На них изображались почитавшиеся в городе божества: городская богиня Тихе в зубчатом венце, Геракл, херсонесская богиня Дева и посвященный ей олень. Традиционная связь города со степным миром выражена изображениями коня, всадника и вооруженного скифа.

За крепостной стеной Керкинитиды располагался некрополь — городское кладбище. А за ним на плодородных евпаторийских черноземах раскинулись земельные наделы граждан города. Пригородные земли Керкинитиды, ее хора заняты сейчас современной застройкой. Но еще в прошлом столетии П. О. Бурачков видел остатки каменных межевых стен древних наделов и усадеб, следы огражденных дорог между ними, точно таких же, как и на Гераклеяском полуострове.

Ранние сельские усадьбы, существовавшие еще до подчинения Керкинитиды Херсонесу, обнаружены около Мойнакского озера. Это были небольшие (6 × 12 м) прямоугольные сельские дома, состоявшие из двух комнат. Вполне вероятно, что они могли быть двухэтажными, т. е. представляли собой обычные для Греции «пирги» — дома-башни.

Один из таких домов у Мойнакского озера в конце IV или начале III в. до н. э. был полностью разобран и на его месте построена новая большая усадьба (длина только одной стороны ее равна 40 м) с внутренними дворами, вокруг которых, как и на усадьбах Гераклеяского полуострова, располагались хозяйственные и жилые помещения. Усадьба, видимо, перестраивалась еще раз и была окончательно разрушена во II в. до н. э., во время скифо-херсонесских войн.

Следы загородных усадеб обнаружены на всем пространстве между городищем Керкинитиды и Мойнакским озером. Так, усадьбу конца IV—III в. до н. э. частично исследовали П. И. Филоньев и М. А. Наливкина³² (на том месте, где сейчас пересекаются улицы Маяковского и Ив Франко). Состояла она из круглой жилой башни диаметром 6 м и огражденного хозяйственного двора. Возможно, во дворе существовал еще какой-нибудь сарайчик. В нижнем этаже находился прямоугольный очаг. Здесь же нашли небольшой клад херсонесских медных монет, лежавших в краснофигурном сосуде — аске — IV в. до н. э. с изображением лебедей. Аск сделан и расписан в Аттике, скорее всего в Афинах, которые широко славились производством художественной керамики.

Керкинитиды вместе с ее хорой была вторым по величине и значению городом Херсонесского государства. На третьем же месте в присяге херсонесцев поставлен город и порт Калос-Лимен, что в переводе означает «прекрасная Гавань»*.

Прекрасная Гавань была почти в два раза меньше Керкинитиды и занимала площадь чуть больше 4 гектаров. Но, как и всякий древний город, ее окружала мощная крепостная стена с башнями. В данном случае квадратными, сложенными из больших прямоугольных рустованных блоков.

Прекрасная Гавань изучена мало. Можно предполагать, что она была основана Херсонесом в IV в. до н. э. как опорный пункт для освоения северо-западного побережья Тарханкута и порт для вывозки хлеба из северных районов херсонесской хоры.

Одна городская усадьба, пристроенная прямо к оборонительной стене, была раскопана М. А. Наливкиной³³. С улицы через калитку в ограде попадали в крохотный дворик (5 × 8 м), с одной

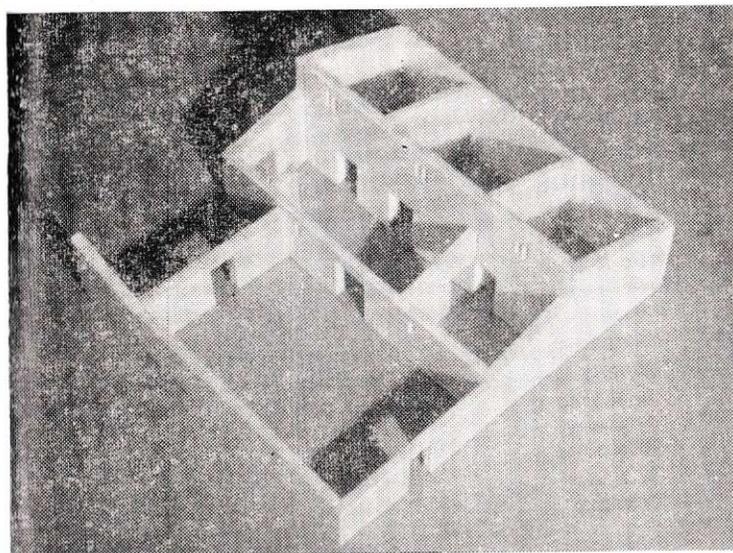
* На месте современного райцентра Черноморского (б. Ак-Мечеть). Остатки античного города — Акмечетское городище — находятся в юго-восточном углу красивой и уютной бухты, сразу же за пляжем.

стороны которого находился собственно дом, а с другой — большой сарай для хранения всяческих припасов и хозяйственного инвентаря Средних размеров дом (12×8 м) состоял из пяти небольших помещений, площадью от 8 до 14 кв. м. Из двора через довольно широкую дверь с каменным порогом входили в длинную и узкую переднюю, а оттуда через три двери можно было попасть во внутренние помещения. В одном углу передней находился отгороженный хозяйственный закуток. В нем стояла высокая каменная ступа, в которой толкли зерно. Здесь же, вероятно, хранилась и часть съестных припасов. Закуток располагался рядом с кухней, занимавшей вторую по величине комнату дома (12,3 кв. м). Пол кухни, как это было принято в греческих домах, покрывали некогда каменные плиты. В углу находился очаг для приготовления пищи. Остальные три комнаты с земляными полами — жилые. Самая большая (14 кв. м.), квадратная в плане, принадлежала, видимо, хозяйину и одновременно служила столовой. В двух других изолированных маленьких помещениях, очевидно, жили женщины и дети.

Из-за недостатка земли в городе, окруженном крепостными стенами, дома строились вплотную друг к другу, объединяясь в небольшие прямоугольные кварталы, как и в Херсонесе. В Прекрасной Гавани, вероятно, было не больше ста, от силы ста пятидесяти усадеб. Их обитатели и составляли население этого городка, которое вряд ли превышало тысячу человек.

Чем же занимались жители Прекрасной Гавани? По находкам пряслиц и грузил от ткацких станков можно установить, что женщины в домах пряли пряжу и ткали. Кроме того, они же готовили пищу, растили детей и вели все хозяйство по дому. Мужчины ловили рыбу — ту самую, что и сейчас ловят рыбаки поселка Черноморского. Кроме латунных рыболовных крючков, в слоях древнего города постоянно попадаются кости и чешуя кефали, кости и «бляшки» камбалы, «бляшки» осетра. В большом количестве в пищу шли съедобные моллюски — устрицы и особенно мидии, много ловили крабов.

Однако не рыбный промысел (хотя он играл немаловажную роль в хозяйстве) составлял основу экономики Прекрасной Гавани. Главным занятием ее жителей

Дом IV—III вв. до н. э. в Прекрасной Гавани. Раскопки М. А. Наливкиной. Реконструкция автора. Макет.

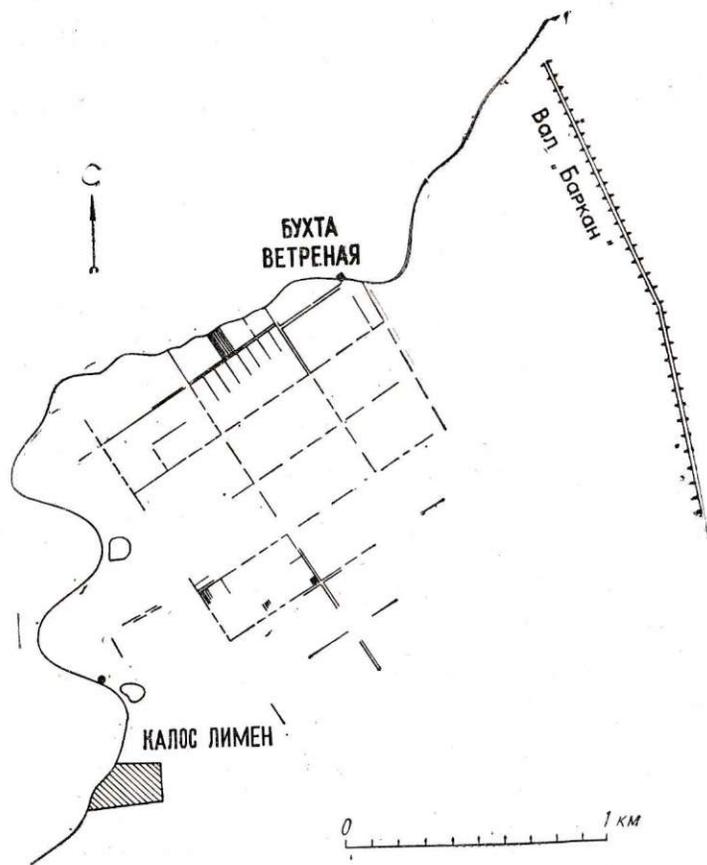
было земледелие. Сельскохозяйственная территория города, его собственная хора, располагалась по сторонам Акмечетской бухты в радиусе примерно двух километров. Тут можно увидеть знакомую по Гераклеюскому полуострову картину: сеть параллельных, пересекающихся под прямыми углами дорог делит окрестности бухты на правильные прямоугольные участки. Большинство из них сейчас застроено зданиями разросшегося поселка, распахано, засажено виноградниками и садами; крупные массивы современных полей перебивают поля древних земледельцев. Двадцать

три столетия назад здесь выращивали, как и теперь, пшеницу и виноград — две основные культуры северо-западного Крыма.

Хора Қалос-Лимена была разделена между жителями на равные участки площадью около 9 гектаров каждый³⁴ (210 × 420 м). Всего их насчитывается около шестидесяти. Это значит, что половина или даже больше семей города имела свою землю. Но наделы здесь были в два раза крупнее, чем на хоре Страбонова Херсонеса, и в три раза меньше, чем участки на Гераклейском полуострове. И дело не в том, что не хватало земли, как на Маячном полуострове: ее вокруг было более чем достаточно. По-видимому, просто производственных возможностей у населения такого небольшого городка недоставало на то, чтобы освоить большую территорию.

Каждый земельный надел был со всех сторон обнесен невысокой каменной оградой, а внутри разделен на более мелкие участки. Еще и теперь видны кое-где ограды участков в виде невысоких валиков и проступающих из травы развалов стен. Остатки одного надела обнаружены даже в самом центре поселка — на базарной площади. Сейчас эта площадь асфальтирована. Но в 1963 г. в косых лучах заходящего солнца мы неожиданно увидели огражденную с двух сторон дорогу, четко проступившую из-под земли, угол надела и участок, занятый густо расположенными стенками виноградного плантажа.

Лучше всего сохранились следы древнего размежевания на восточном берегу бухты, за заводом торгового оборудования. Здесь, вдоль обрывистого берега, протянулись ограды нескольких наделов и широкая (6,5 м) дорога. Сейчас дорога эта имеет вид неглубокой, прямой, как стрела, ложбины между парал-

План наделов на хоре Прекрасной Гавани.

лельными невысокими грядами камня — руинами заборов соседних наделов.

Один из наделов (№ 6) представлял собой огороженный прямоугольный участок земли площадью 8,2 гектара. Внутри он, вероятно, был разделен пополам каменной стенкой. Северный участок размежеван невысокими валиками (под ними скрываются остатки стенок) еще на восемь одинаковых частей, размерами $52,5 \times 105$ м каждый (по 0,55 га). На некоторых из них заметны остатки виноградного плантажа. Возможно, так же была поделена и южная половина надела, но она сильно нарушена окопами и блиндажами периода Великой Отечественной войны.

Площадь другого надела — 7,25 гектара (362×200 м). Владелец разделил свою землю на две неравные части. Большая (5,95 гектара), по-видимому, предназначалась под зерновые культуры, скорее всего, под пшеницу; меньшая (1,3 гектара) — под виноградник. С этого надела можно было, вероятно, получать в среднем около 50—80 центнеров пшеницы, а виноградник позволял выращивать около 6,5 тысячи кустов винограда, урожай с которых мог давать в условиях Тарханкута, как минимум, примерно 2600 литров вина, или около 150 херсонесских амфор.

На таких, выражаясь современным языком, «стандартных» наделах для обработки земли, ухода за посевами и посадками, а также уборки урожая, достаточно 6—8 человек. А все население Калос-Лимена, непосредственно занятое в сельском хозяйстве, вряд ли превышало 400—500 человек.

Большинство жителей города не имело пригородных усадеб. В этом, очевидно, не было особой необходимости, так как до самого отдаленного надела можно было добраться пешком за 30—40 минут.

Но на некоторых наделах усадьбы все же строились. На берегу бухты Ветреной в 1963—1966 гг. Тарханкутская экспедиция исследовала руины усадьбы, построенной во второй половине IV и сгоревшей в III в. до н. э.

От самого надела, которому принадлежала усадьба, почти ничего не осталось. Высокий обрывистый берег, сложенный известняками, постоянно подмывается мо-

рем, уровень которого за прошедшие два с лишним тысячелетия поднялся на несколько метров. Разрушительная работа волн медленно наступающего моря здесь довольно велика. Наблюдения показали, что в современную эпоху берег отступает со средней скоростью 7—12 см в год. Со времени размежевания округа Калос-Лимена море «съело» полосу суши шириной около двухсот метров. Усадьба, которая в древности далеко отстояла от берега, сейчас находится на самом краю семиметрового обрыва, а часть ее уже обрушилась в море.

Усадьба представляла собой замкнутое одноэтажное строение из сырцовых кирпичей на каменном цоколе. Прямоугольный дом под черепичной кровлей, возведенный у самой дороги в восточном углу надела, состоял из центрального двора, вокруг которого в один и два ряда размещались жилые и служебные помещения. В восточном углу двора в скале была вырублена огромная грушевидная цистерна глубиной более 4 м. Вдоль северо-восточной стороны двора в ряд располагались четыре помещения, а перед ними — неширокий навес, крытый черепицей. В одном из помещений находилась винодельня. (сохранился тарапан — нижняя плита винного пресса), два других, разделенных узким проходом, занимала домашняя баня. В одной комнате (с двумя очагами) нагревалась вода, вторая предназначалась для мытья. В моечном помещении обнаружены остатки мозаичного пола, набранного из одноцветной морской гальки на известковом растворе, как в одном из сельских домов «старого» Херсонеса (см. стр. 64). На полу лежала раздавленная чаша, вмещавшая около двухсот литров воды.

С другой стороны двора помещения шли в два ряда — внешние и внутренние. В одной из жилых ком-

нат было некогда невысокое глинобитное ложе, а рядом стоял небольшой пифос с четырьмя ручками, привезенный из Гераклеи Понтийской. Другое помещение (значительных размеров — около 48 кв. м) занимала теплая зимняя кухня с оригинальной системой отопления между стенами. Такую систему отопления впервые обнаружила американская экспедиция при раскопках города Олинфа в Македонии, разрушенного в 348 г. до н. э. Филиппом II, отцом Александра Македонского. Кухня, вероятно, одновременно служила и столовой для всех работников усадьбы. В одном ее углу стояла большая печь для приготовления пищи, а возле нее в глинобитный пол был вкопан широкий глиняный чан для воды.

В глубине дома — за кухней — размещался хлебный и винный склад с десятью врытыми в землю огромными глиняными пифосами, общая вместимость которых превышала 10 тысяч литров. Все пифосы с глиняными крышками к ним были изготовлены в городе Синопе и на кораблях перевезены через Черное море. Емкость каждого пифоса — более тысячи литров (кроме одного в 485 литров). По краю пифосов шли глубокие врезанные цифры, обозначающие количество амфор, которые они могли вместить: от 47 до 55. Цифры вырезались на венцах пифосов, вероятно, уже после того, как сосуды были обожжены и измерены практическим путем стандартными синопскими амфорами (емкостью около 22 литров). Весь склад был рассчитан на хранение продуктов в объеме 460 таких амфор.

В трех пифосах хранилось вино. Установить это оказалось возможным по обнаруженным на самом дне обуглившимся зернышкам винограда и по осадку виннокислой извести на стенках сосудов. Остальные семь пифосов предназначались для зерна. В большинстве из

Кладовая с пифосами на усадьбе у бухты Ветреной.

них сохранилось довольно много обугленных зерен пшеницы.

Открытый склад позволил произвести любопытные расчеты, которые помогают определить не только примерный объем основной продукции хозяйства — хлеба и вина, но и количество земли, отведенной под пшеницу и виноград. Вероятно, мы станем рассуждать правильно, если начнем с того, что владелец усадьбы у бухты Ветреной был хорошим хозяином: именно его велось рационально и было экономичным. Добротность дома и обнаруженные при раскопках вещи не позволяют сомневаться в этом. Расчетливый хозяин вряд ли стал бы покупать лишние дорогостоящие заморские пи-

фосы, если бы не предполагал заполнять их продукцией обычного урожая. В таком случае и вместимость кладовой должна соответствовать примерно среднему ежегодному урожаю.

Три винных пифоса вмещали около 2600 литров. Такой выход вина в условиях Тарханкута можно было получить примерно с 5—6,5 тысячи кустов винограда. Следовательно, при уже известном нам квадратном способе посадки виноградник на наделе занимал не более 1,3 гектара. Правильность наших расчетов подтвердилась совсем недавно благодаря уже упоминавшимся раскопкам виноградника и винного склада в Помпеях.

Гораздо сложнее определить площадь посевов пшеницы, так как неизвестна ее урожайность на Тарханкуте в древности. Страбон, описывая степной Крым, говорит, что он «представляет равнину и плодороден, особенно богат он хлебом: во всяком случае поле, вспаханное первым попавшимся плугом, приносит урожай сам-тридцать (или тридцать мер)»³⁵. Конец этого сообщения неясен и вызывает споры среди ученых. Несомненно, однако, что Страбон в этой фразе хотел наиболее убедительным образом подчеркнуть плодородность земель степного Крыма. В античную эпоху, надо думать, средние урожаи пшеницы вряд ли были меньше, чем в крестьянских хозяйствах XIX в., т. е. колебались в обычные годы между 8—13 центнерами с гектара. Из этих цифр мы и будем исходить.

Емкости, отведенные под хлеб, на складе усадьбы могли вместить почти семь с половиной тысяч литров, или более 340 двадцатидвухлитровых амфор. Если это перевести на вес пшеницы, то окажется, что склад был рассчитан на пять с половиной тонн зерна. Такой урожай хозяин, вероятно, мог получать с площади около 5—7 гектаров.

Итак, по раскопкам кладовой усадьбы можно установить примерно количество земли, занятой ведущими культурами на наделе (виноградник — около 1,3 гектара, хлебное поле — около 5—7 гектаров). Вспомним, что на соседнем участке было такое же распределение земли. Вообще наблюдение над остатками наделов в окрестностях Прекрасной Гавани приводит к выводу, что посевы пшеницы преобладали. В отличие от Херсонеса виноградники здесь занимали, как правило, не более 15—20 процентов земли, что для всей городской округи вряд ли составляло более 80—100 гектаров. Средний выход вина, который можно приблизительно оценить в 150—300 тысяч литров, не идет ни в какое сравнение с его производством на наделах Гераклейского полуострова В Калос-Лимене виноград выращивался, видимо, главным образом для обеспечения собственных нужд. Другое дело — пшеница. Ее доля в общем

объеме производства занимала более трех четвертей. Это значит, что с земель городской округи Прекрасной Гавани в хорошие годы намолачивали, надо полагать, до 4—6 тысяч центнеров перво-сортной пшеницы; какую-то часть ее владельцы наделов, вероятно, сбывали.

Среди обычной посуды, столовой и кухонной, купавшейся у херсонесских гончаров, а также заморской, которую привозили на рынок купцы, при раскопках усадьбы найдено несколько кухонных горшков, вылепленных от руки и украшенных незатейливым орнаментом. Именно они и позволяют сказать несколько слов о работниках, постоянно живших в этом загородном доме и выполнявших все сельскохозяйственные работы на участке и службу по дому. Люди, которые вылепили эти горшки, вероятно, обедали сообща на кухне и, может быть, тут же обжигали их в большой печи. Сколько человек жило на усадьбе, неизвестно. Скорее всего не более 5—7. Каково было их социальное положение — рабы, вольноотпущенники, наемные работники? Увы, и этого мы не знаем. Ясно только, что относились они к категории зависимых людей и были варварами. Вероятно, несколько человек принадлежало к какому-то скифскому племени, а по крайней мере один происходил из крымских тавров.

Лепная керамика, делавшаяся от руки в домашних условиях, служит достоверным показателем этнической принадлежности ее производителей. Она консервативна и относительно постоянна по форме и — особенно — по рисунку орнамента, разному для различных объединений варварского населения. Скифские горшки чаще всего украшались ногтевым ямочным орнаментом по краю венчика или по верхней части тулова. Об орнаменте на таврской посуде говорилось выше (стр. 11). Выходец из какого-нибудь племени, попав в новые условия, продолжал лепить привычной формы горшок и украшать его таким же орнаментом, какой видел с детства у себя в семье и какой наносила на глину его мать.

Туземное, вероятно, полузависимое сельское население сос-

твляло, очевидно, и какую-то часть жителей Прекрасной Гавани. На это указывает довольно большая группа курганов, расположенных за крепостными стенами города. Насколько справедливо такое предположение, покажет будущее. Чтобы проверить его, потребуются широкие раскопки как курганов, так и самого города.

Земледельческая округа Калос-Лимена не была защищена никакими естественными рубежами от внешних вторжений. Поэтому с наиболее опасной восточной стороны, откуда можно было более всего ожидать набегов кочевников, соорудили длинную стену, ограждавшую хору города с расположенными на ней участками. Эта стена (почти двухкилометровой длины) начиналась от берега моря примерно в 2,5 км от города и шла к югу охватывая как бы полукольцом принадлежащие ему земли. Следы ее теряются в саду колхоза «Большевик» расположенного у дороги из Черноморского на Раздольное (б. Ак-Шеих). Старожилы Черноморского помнят еще, что лет шестьдесят назад руины стены, которая у местных уроженцев носила название «баркан», представляли собой высокую каменную насыпь, прикрытую дерном. Из нее даже добывался камень. Сейчас он едва выделяется на распаханном поле в виде чуть заметного вала. А еще десять лет назад, когда Тарханкутская экспедиция изучала хору Прекрасной Гавани, остатки стены хорошо выделялись в виде сплошной каменной полосы, и мы наблюдали, как приходилось трактору при пахоте поднимать лемеха плуга в избежание их поломки при пересечении «баркана».

Стена, вероятно, была построена из-за непосредственной угрозы нападения скифов. Однако она не спасла от разорения ни городские поля, ни сам город. Усадьба у бухты Ветреной сожжена при набеге в III в. до н. э. О вооруженном столкновении говорят острые трехгранные бронзовые наконечники стрел, найденные

при раскопках. Кто были последние защитники усадьбы? Постоянные ли обитатели, т. е. греки? Или, быть может, скифы, внезапно захватившие дом и попытавшиеся укрепить его рвом и валом? Таким образом можно было превратить усадьбу в небольшую крепостцу-форпост для дальнейшего наступления на Прекрасную Гавань. Материалы раскопок позволяют как будто отдать предпочтение скифам. Так или иначе, но факт в том, что вся трагедия разыгралась довольно быстро и на дымящееся пепелище больше никто никогда не возвратился. В кладовой дома остались припасы, в комнатах под рухнувшей целиком черепичной кровлей и обуглившись в пожаре кусками балок перекрытия лежала раздавленная посуда на тех же местах, где она стояла и при хозяевах.

Судя по тому, что в пифосах на складе оставалось мало зерна, можно предполагать, что набег был совершен в начале лета, когда обитатели усадьбы еще не успели собрать новый урожай.

Не устояла и Прекрасная Гавань. Город был разгромлен и перешел в руки скифов. Потом его снова отвоевали херсонесцы. После этого Калос-Лимен просуществовал вплоть до первых веков нашей эры. Однако Арриан в своем перипле (вторая четверть II в. н. э.) называет его, как и Керкиниту, «скифским портом». Окончательное запустение города произошло, по-видимому, в III в. н. э. Но через несколько столетий — в VIII—X вв. — здесь снова появляются следы жизни. Попадают отдельные находки и более позднего времени. Несколько лет назад на городище была найдена византийская монета XII в., а в 1974 г. со дна бухты подняты горла двух амфор XIII—XIV вв. Испорченное название древнего города — Калолимена, приуроченное к Акмечетской бухте, повторяется на портоланах—

итальянских компасных картах XIII—XVI вв. Затем исчезает и это последнее упоминание о древнем городке и порте.

ЮЖНЕЙ ДОНУЗЛАВА

Побережье от Евпатории до озера Донузлав — это сплошная полоса великолепного песчаного пляжа. Куда ни посмотришь, всюду одна и та же картина: плоское море, ровный, почти без изгибов берег, отличающийся от моря только цветом ярко блестящих на солнце золотистых песков. А далее — такая же плоская и такая же безграничная, как море, ровная степь. Море совершенно незаметно переходит в обширную приморскую низменность с плодороднейшими черноземами, сплошь покрытую виноградниками и массивами пшеничных полей. «И хлеба, вывозного с равнины...» Не та ли это равнина, которая упомянута в херсонесской присяге? Но если так, то на ней должны найтись следы херсонесских населенных пунктов, в частности, тех «тэйхе» (укреплений), которые, согласно тексту присяги, располагались где-то на «остальной хоре» полиса.

В зоне пионерских лагерей, протянувшихся вдоль берега между Мойнакским озером и Евпаторийским мысом, у санатория «Чайка» можно увидеть небольшой зеленый оазис из густых зарослей лоха, а перед ним груды перекопанного песка и обширный котлован, из которого глядят на посетителя импозантные каменные руины. Здесь ведутся раскопки одного из укреплений херсонесской хоры, ставшего скифской крепостью*.

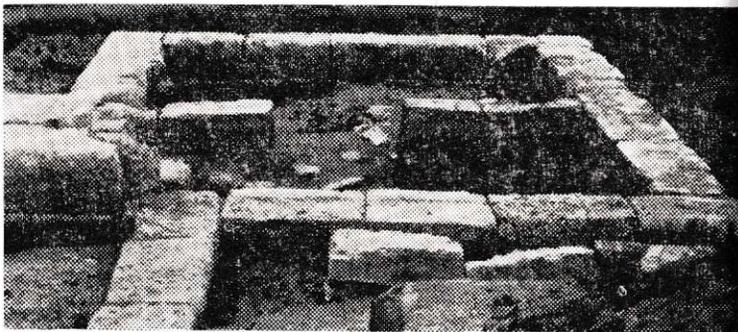
*По расположенному рядом санаторию городище получило в специальной литературе название «Чайка».

Раскопки далеко еще не закончены, но по ежегодно публикующимся кратким отчетам руководителей раскопок (сначала А. Н. Карасева, а после его смерти — И. В. Яценко) можно составить общее представление об устройстве и истории этой степной крепости³⁶.

Первоначально здесь, примерно в семи километрах по прямой к западу от Керкинитиды, было построено, возможно, в конце V — начале IV в. до н. э. какое-то сравнительно небольшое здание.

Во второй половине IV в. до н. э. на этом же месте возводится мощное херсонесское укрепление. Фактически это было одно огромное прямоугольное (около 80 × 53 м) здание с шестью башнями: четыре фланкировали углы, а две (из них раскопана только одна) стояли посередине длинных сторон. Прямоугольные башни, сложенные из крупных, отлично отесанных известняковых блоков, грозно выступали из стен на четыре с половиной метра. Особенно мощно выглядела почти квадратная (10 × 9,5 м) юго-западная угловая башня. И с моря и с суши крепость представляла весьма внушительное зрелище.

Внутренняя планировка здания удивительно напоминает крупные укрепленные сельские усадьбы в окрестностях Херсонеса и Прекрасной Гавани. Тот же большой внутренний четырехугольный двор, по сторонам которого расположены в один и два ряда помещения, попасть в которые можно только со двора. Комнаты также группируются в блоки по две и более, соединенные между собой входами, — самостоятельные жилые и хозяйственные ячейки, вероятно, принадлежавшие отдельным семьям работников (за исключением специальных производственных и складских комплексов). При раскопках обнаружен тот же набор предметов, керамической тары и посуды, какой характерен для сельскохозяйственных усадеб. В некоторых помещениях стояли синопские пифосы. Амфоры, постоянно необходимые в хозяйстве, выполнены в основном руками херсонесских гончаров. Редкая находка — железный нож виноградаря — убедительно говорит о виноградарях, существовавших близ стен укрепления.

Укрепление «Чайка». Башня. Раскопки А. Н. Карасева.

Первая мысль, которая приходит в голову: укрепление «Чайка» представляло собой большую хорошо укрепленную усадьбу, центр большого поместья. При этом размеры здания, которое почти в три с половиной раза крупнее обычной херсонесской загородной усадьбы, не должны смущать. На Гераклеийском полуострове есть несколько усадеб такой же примерно величины — до 4500 кв. м. Не должно вызывать удивление и большое число башен. В предыдущей главе мы писали о двухбашенной херсонесской усадьбе. Такие постройки назывались «дипиргиями», дословно — «двубашенными». Но известно, что в эллинистических государствах существовали и «тетрапиргии» — «четырёхбашенные» укрепленные усадьбы³⁷. Первые разведочные раскопки городища «Чайка», проведенные в 1959 г. Тарханкутской экспедицией, позволили автору этих строк предположить, что здесь мы столкнулись именно с такой крупной укрепленной усадьбой³⁸.

Другую гипотезу выдвинул после ряда лет исследования памятника А. Н. Карасев. Согласно его точ-

ке зрения, это была укрепленная херсонесская торговая фактория, предназначенная для хранения хлеба и других сельскохозяйственных продуктов, скупавшихся у скифов северо-западного Крыма. Далее хлеб морем, минуя Керкинитиду, отправлялся в Херсонес — в соответствии с требованием херсонесской присяги³⁹. Однако, хотя и можно допустить, что здание служило торговой факторией (этому противоречит его явно хозяйственный характер), то думать, что сюда свозили хлеб, выращиваемый местными скифами, теперь уже нельзя, так как доказано, что в северо-западном Крыму в это время земледельческих скифских поселений еще не существовало.

Укрепление, если оно не гигантских размеров усадьба (а это исключать по меньшей мере рано), то во всяком случае своеобразное военно-хозяйственное поселение херсонесцев. Сидевший в крепости гарнизон явно осуществлял охрану части колонизованных земель, а в случае непосредственной угрозы в ее стенах могло укрыться сельское население окрестных неукрепленных поселений (одно из них открыто недавно неподалеку от «Чайки» экспедицией И. В. Яценко). В другое время — когда не надо братья за оружие, обитатели крепости вместе со своими семьями превращались в обычных сельских тружеников: пахали землю на своих наделах, собирали и обмолачивали пшеницу, обрабатывали виноградники. Эта гипотеза, пожалуй, наиболее вероятна. Однако окончательное ее решение требует продолжения раскопок и обработки всего добытого материала.

Укрепление «Чайка», по-видимому, не раз подвергалось нападениям, по всей вероятности, скифов. На протяжении III в. до н. э. его внутренние помещения перестраивались минимум дважды; особенно крупной

переделке они подвергались первый раз — после сильного пожара, охватившего все здание. Следы разрушения и последующей перестройки наблюдаются и на одной из башен.

В том же III в. до н. э. укрепление окончательно погибает, а на его руинах возводится относительно небольшое здание (16×27 м), по своей площади занимавшее одну десятую часть прежней крепости. Сейчас это здание полностью раскрыто И. В. Яценко. Оно оказалось обычной херсонесской сельскохозяйственной усадьбой, с прямоугольным двором в центре, вокруг которого размещались помещения, жилые и хозяйственные: кухня с тремя очагами, кладовая для припасов, рассчитанная на три синопских пифоса.

Новая усадьба хотя и представляла собой настоящий дом-крепость, видимо, с теми же функциями, что и старое укрепление, первоначально не имела башни (защищали ее стены, сложенные из крупных известняковых блоков). Но через некоторое время мощная квадратная (9,7×9,7 м) башня была все же возведена. Правда, ее построили не как обычно — на углу дома, а внутри, в южной части двора, разобрав предварительно часть помещений. Не очередное ли нападение на усадьбу заставило ее обитателей соорудить эту грандиозную постройку? Вся история укрепления, несомненно, свидетельствует о все нагнетающейся и тревожной, чреватой военными столкновениями обстановке. Пожары, последовательное наложение строительных остатков разрушаемых и возобновляемых укреплений, уменьшение их площади и одновременное усиление оборонительной мощи — что может ярче осветить неотвратимое нарастание военно-политической опасности?

«Усадьба на рубеже III—II вв. до н. э., — пишет И. В. Яценко, — была сожжена, вероятнее всего, ски-

фами и затем ими же реконструирована и укреплена»⁴⁰. Хозяевами укрепления (а значит, и земли) стали скифы. Новая, теперь скифская крепость просуществовала в общей сложности немногим менее трех столетий (до I в. н. э.) — примерно в два раза дольше, чем все предшествующие херсонесские укрепления.

Вернемся к тому вопросу, который нас интересовал и в предыдущих разделах: кто, кроме греков, жил в IV—III вв. до н. э. в укреплении «Чайка» и окрестных сельских поселениях? Кое-что можно сказать об этом уже сейчас. При раскопках укрепления среди обычной греческой посуды найдено некоторое количество обломков орнаментированных типично таврских горшков. Присутствие здесь тавров несомненно — если не на положении рабов, то, возможно, парков, переселенных сюда из ближайшей округи Херсонеса.

Недалеко от «Чайки», у села Заозерного (б. Ялы-Мойнак), археологи раскапывают курганы IV—III вв. до н. э. Неизвестно, принадлежало ли это курганный кладбище самому укреплению или же одному из расположенных где-то поблизости поселков. Установлено лишь, что хоронили здесь только в то время, когда «Чайка» еще принадлежала Херсонесу. Раскопки показали, что кладбище возникло на месте древней каменоломни IV—III вв. до н. э. Не исключено, что на месте заброшенных выработок погребены те, кто добывал камень. Устройство курганов и характер погребального обряда на этом некрополе не скифские и не греческие. Некрополь очень похож на другую курганный группу, которая раскапывается на Тарханкуте у Ярылгачской бухты (о ней речь ниже — стр. 141), а также на могильник в северном районе Херсонеса (см. стр. 16). Можно предполагать, что некрополь близ «Чайки» принадлежал какой-то части варварского населения, вовлеченного в сферу политико-экономической деятельности Херсонеса.

Населенные пункты, входившие в хору Херсонеса, существовали и к югу от Керкинитиды и к западу — в прибрежной зоне. Наиболее удаленная от моря сельская усадьба IV—III вв. до н. э. обнаружена на севе-

ро-восточном берегу озера Сасык, в нескольких километрах от села Гаршино (б. Кучук-Актачи). Если же подъезжать к Евпатории автомобилем из Симферополя, то у самого въезда на песчаную пересыпь между морем и озером Сасык, там, где шоссе пересекает железнодорожный путь, дорога делает легкий поворот у подножия не очень высокого холма, явно не природного происхождения. Этот холм, лежащий неподалеку от железнодорожной станции Прибрежная, — древнее городище Кара-Тобе. Место для крепости выбрано очень удачно. Она запирала вход на пересыпь, перекрывая единственную приморскую дорогу, которая вела с юга в Керкинитиду. По-видимому, здесь находился первоначально херсонесский опорный пункт, созданный для освоения земель и одновременно охранявший ближайшие подступы к городу. Судя по результатам раскопок, проведенных П. Н. Шульцем, это поселение было впоследствии захвачено скифами, которые превратили его в крепость, направленную против Херсонеса.

Группа сельских поселений, разбросанных по сторонам небольшого соленого озера Тереклы-Конрат, находится примерно в восьми километрах к западу от укрепления «Чайка». Одно из них, обнаруженное О. Д. Дашевской, хорошо выделяется на пахоте, подходящей почти вплотную к пляжу. От этого места по кромке берега, где влажный песок достаточно плотен, можно быстро пройти до расположенного неподалеку села Витино (б. Аирчи). Перед самым селом на берегу высятся небольшой холм, постепенно подмываемый морем. В обрыве приморской стороны видно, что холм состоит из горизонтальных напластований, отличающихся друг от друга по цвету и структуре. Особенно четко выделяется черный слой сплошного пожара. Этот холм — городище Аирчи, которое тоже было первоначально херсонес-

ским поселением, скорее всего крупной усадьбой. Ее захватили и сожгли скифы, а на руинах построили свою крепость. К усадьбе в свое время примыкал земельный участок, размежеванный на отдельные мелкие поля. Надел удалось обнаружить с помощью аэрофотосъемки: его ограды четко выделяются несмотря на распашку⁴¹. Из всех обнаруженных до сих пор остатков херсонесских земельных участков IV—III вв. до н. э. надел у Аирчи самый крупный по площади. Он занимал территорию более 50 гектаров — в два раза больше, чем обычный гераклейский участок жителя Херсонеса, и почти в двенадцать раз (!) больше рядового надела на Маячном полуострове. Сразу же напрашивается сравнение с найденной в Херсонесе надписью III в. до н. э. о продаже земли (стр. 24), где продаваемые участки оценивались от мелких до очень крупных сумм.

Продолжим наш маршрут дальше и по пляжу пройдем до села Поповки, которое лежит почти у самого начала пересыпи озера Донузлав. На окраине села у морского берега О. Д. Дашевская в 1960—1970 гг. раскапывала Южно-Донузлавское городище⁴². Судьба этого поселения в общих чертах повторяет знакомую уже нам картину. Сначала, во второй половине—конце IV в. до н. э., недалеко от моря возникает херсонесский поселок. Он состоял, по-видимому, из группы сельскохозяйственных усадеб.

По данным О. Д. Дашевской, херсонесское поселение около середины II в. до н. э. захватывают скифы. Как и в других аналогичных случаях, на месте разгромленного херсонесского поселения возводится скифская крепость.

В 1966 г. Тарханкутская экспедиция разыскивала остатки древних аграрных систем в северо-западном

Крым. В четырех с лишним километрах к северо-востоку от Южно-Донузлавского городища участнику экспедиции К. В. Шишкину удалось обнаружить с помощью аэрофотосъемки прямоугольный огороженный земельный участок площадью около 18 гектаров и остатки еще одного, примыкавшего к нему. На этом месте и в окрестностях на распаханых полях постоянно попадаются обломки херсонесских амфор второй половины IV—II в. до н. э. Вероятно, открытый участок сохранился от системы наделов, принадлежавших владельцам усадеб Южно-Донузлавского поселения.

Поскольку это поселение, как говорилось, лежит неподалеку от въезда на девятикилометровую песчаную пересыпь, отделяющую озеро Донузлав от моря, очень похоже, что оно основано на этом месте не только для освоения части равнины, но — подобно городищу Кара-Тобе — и как пункт, охранявший бережную дорогу из Керкинитиды в Калос-Лимен. Есть все основания полагать, что поселение носило военно-хозяйственный характер.

Кроме сухопутной дороги, поселки и усадьбы, видимо, связывал и морской путь. Один из таких каботажных путей проходил вдоль берегов западного Крыма. В IV в. до н. э. у пересыпи Донузлавского озера затонул греческий корабль⁴³. Скорее всего во время сильного шторма его выбросило на мель и разнесло в щепы волнами. На дне моря от корабля почти ничего не осталось. Но все же специальной подводной археологической экспедицией В. Д. Блаватского и Б. Г. Петерса, тщательно обследовавшей место кораблекрушения, поднята часть груза корабля — 20 гераклейских амфор, а также несколько кусков свинцовой обшивки корпуса, гвозди, которыми крепилась обшивка, и несколько обломков деревянных частей судна.

По-видимому, у Донузлава погиб обычный торговый парусник с грузом гераклейского вина. Неизвестно, куда и откуда направлялся этот купец. Возможно, судно шло из самой Гераклеи в Ольвию. После пересечения Понта в самом узком месте оно должно было сделать остановку в Херсонесе. Отсюда до Ольвии каботажный путь для обычного коммерческого парусного судна занимал три дневных перехода: один до Керкинитиды, один — от нее до Калос-Лимена и еще один — до Ольвии. Так или иначе, но корабль нашел свою гибель на пути между Керкинитидой и Прекрасной Гаванью, у низкой, едва заметной с моря пересыпи Донузлава.

НА БЕРЕГАХ ТАРХАНКУТА

Длинное, узкое и извилистое, похожее на неподвижную реку озеро Донузлав отсекает от Крыма Тарханкутский полуостров. Возвышающийся в центре невысоким куполом Тарханкутского поднятия, пересеченный пологими склонами увалов, длинными извилистыми балками и долинами, полуостров не похож ни на один из привычных уголков Крыма. Тарханкут суров и безводен. Его мрачная безлесная красота постигается не сразу; так же незаметно меняется его слегка волнистый полупустынный ландшафт.

Берега полуострова чрезвычайно разнообразны. Низкое отлогое побережье с прекрасными песчаными пляжами сменяется бесконечно тянущейся лентой совершенно отвесных красноватых глинистых обрывов, местами прорезанных выходящими к морю устьями балок. Глинистые берега переходят в скалистые, то совершен-

по низкие, то обрывистые, достигающие головокружительной высоты, то представляющие какое-то фантастическое нагромождение скал с грандиозными обвалами и оползнями. Море выработало в них множество причудливых гротов, заливов и бухточек с чистой и прозрачной водой. В нескольких местах в берег вдаются удобные большие бухты.

В древности, когда уровень моря стоял значительно ниже современного, берега Тарханкута были еще более изрезаны и удобны для поселения. Да и ландшафт полуострова выглядел тогда несколько иначе, чем сейчас. Каменистая степь перемежалась участками древесно-кустарниковой растительности в долинах и по балкам, по многим из которых, ныне совершенно сухим, к морю бежали ручьи. Анализ остатков топлива древних обитателей края, древней пыльцы растений, сохранившейся в почве и иловых отложениях озер, показал, что здесь росли дуб, граб, вяз, клен, ясень, тополь, осина, можжевельник. Реликтовые островки бывлой растительности и ныне сохранились в некоторых глухих местах Тарханкута: в урочище Джангуль, кое-где по балкам. Лесостепная растительность распространялась за пределы полуострова, доходя примерно до Сак. Постепенное обезлесение края — результат совокупного действия как природных процессов, так и человека.

Плодородная приморская зона Тарханкутского полуострова входила в состав херсонесской хоры, являясь, по всей видимости, частью той самой «равнины» херсонесской присяги, которая простиралась вдоль берега примерно от Сакского озера на юге и почти до Бакальской косы на севере. Разведки и раскопки Тарханкутской, Евпаторийской и Донузлавской экспедиций показали, что никакого местного земледельческого населения до прихода херсонесцев в северо-западном Крыму не было. Все херсонесские населенные пункты возникали на пустых местах. Не было, как это казалось раньше, и одновременной скифской колонизации края, во время которой в IV—III вв. до н. э. якобы кочевые крымские скифы стали оседать на землю и создали на побережье

цепь крепостей, противостоящих греческим укреплениям⁴⁴.

Наиболее заселенной и освоенной Херсонесом была (начиная со второй половины — конца IV в. до н. э.) приморская равнина с плодородными каштановыми черноземами на суглинках, расположенная на южном побережье Тарханкутского полуострова, между озером Донузлав на востоке и мысом Ойрат (Урет) на западе⁴⁵. На этой благоприятной в экологическом отношении двадцатикилометровой полосе побережья в настоящее время известно около полутора десятков херсонесских поселений — более половины открытых на Тарханкуте и около 40 процентов всех известных в северо-западном Крыму. Такая плотность заселения южного побережья Тарханкута, несомненно, связана с наиболее оптимальными для хозяйства условиями природной среды.

Зона между мысом Ойрат и мысом Тарханкут, самой крайней западной точкой Крыма, не была освоена херсонесцами, очевидно, тоже по чисто экологическим причинам. Зато за Тарханкутским мысом, всегда славившимся как место многих кораблекрушений (его даже называют часто «мысом бурь»), на северо-западной окраине села Оленевки (б. Караджа), находится крупное городище, не уступающее по величине Прекрасной Гавани. Городище это (на нем стоят ныне хозяйственные постройки колхоза «Маяк») расположено на берегу озера, отделенного широкой песчаной пересыпью от Караджинской бухты, глубоко вдающейся в сушу между мысами Тарханкут и Карамрун.

Не очень густо было заселено и северо-западное побережье Тарханкутского полуострова между мысом Карамрун и Прекрасной Гаванью, хотя следы нескольких поселений известны и здесь: в Чоротай-

ской балке, в урочище Джангуль, в устьях балок Абузлар, Кагель.

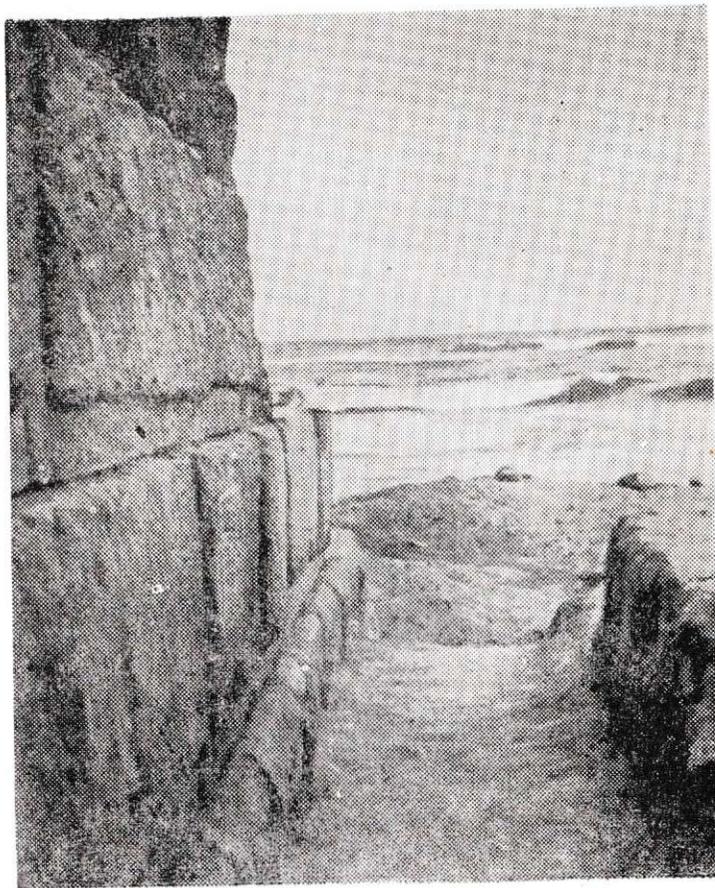
Второй довольно плотно заселенный район начинается к северо-востоку от земледельческой округи Прекрасной Гавани. Он занимал обширную плодородную приморскую долину в окрестностях Ярылгачской бухты и прибрежную черноземную полосу вдоль берега моря, простирающуюся в сторону Бакальской косы.

Довольно крупным укрепленным пунктом, кроме Караджинского городища, было, очевидно, Кульчукское городище, которое хорошо выделяется на обрывистом, слегка выступающем в море мысу, примерно в двух километрах к югу от села Громова (б. Кипчак). Раскопками на нем открыта часть монументальной стены, сложенной из рустованных квадров. Не исключено, что оба эти памятника до перехода их в руки скифов были укреплениями того же типа, что и «Чайка».

Неподалеку от западного конца Донузлавской пересыпи находится городище Беляус. Раскопки его, начатые Донузлавской и Тарханкутской экспедициями в 1963 г., продолжаются и по сей день Донузлавской экспедицией⁴⁶.

Хотя исследование памятника далеко еще не закончено, можно предполагать, что возникшее здесь во второй половине — конце IV в. до н. э. херсонесское поселение представляло собой огромную укрепленную усадьбу с мощной квадратной (10,8 × 10,8 м) многоэтажной башней на одном из ее углов. Стены башни возведены из великолепно отесанных рустованных каменных квадров с метками каменотесов на многих из них. Сохранились они всего на несколько рядов кладки, однако поражают своей монументальностью.

Какое-то время спустя, скорее всего еще в III в., но никак не позже начала II в. до н. э., усадьба подверглась нападению и, видимо, частично была разрушена. После этого ее хозяевам, так же как и владель-

Беляус. Первоначальная башня IV в. до н. э. Раскопки О. Д. Дашевской и автора.

цам многих усадеб в окрестностях Херсонеса, пришлось укрепить основание башни дополнительным противотаранным поясом. Сложенный из огромных известняковых блоков (длиной до полутора метров), он имел первоначальную высоту около 4,5 м, придавал низу башни пирамидальный вид и увеличивал толщину ее стен в основании с одного до двух с половиной — почти трех метров. Тем не менее усадьба попала в руки скифов, которые превратили и ее в свою крепость.

Немногим более полукилометра от укрепленной усадьбы, почти у начала пересыпи Донузлава, находится неукрепленное поселение IV—III вв. до н. э. Другое, состоявшее из одной или нескольких усадеб, расположено на самом берегу озера. Оно существовало со второй половины IV в. до н. э. и погибло в пожаре в конце III или начале II в. до н. э. В 3 км к западу от Беляуса на высоком обрывистом красновато-коричневом мысу выделяется бугор упоминавшегося Кульчукского укрепления («Красный курган»), которое тоже было превращено со временем в скифскую крепость. Дальше по берегу, на краю глубокой балки, образующей при впадении в море небольшой заливчик, приоткрылось еще одно поселение, основанное во второй половине IV в. до н. э.

За небольшой открытой бухточкой с хорошим песчаным пляжем раскинулось окруженное виноградными плантациями село Окуневка (б. Тарпанчи). С восточной стороны бухты на мысу стояла совсем небольшая усадьба, погибшая в III или начале II в. до н. э. От нее сохранились ничтожные остатки — почти вся она обрушилась в море. С этого мыска хорошо видны на противоположной стороне залива очертания скифской крепости, которая в научной литературе получила название «городище Тарпанчи».

Скифская крепость возведена на месте сожженной херсонесской усадьбы второй половины IV — конца III или начала II в. до н. э. По ряду признаков можно предполагать, что усадьба была укрепленной. К ней непосредственно примыкало довольно большое поселение с наземными жилыми постройками и полуземлянками. Одна исследованная Тарханкутской экспедицией полуземлянка представляла собой прямоугольное жилище шириной около 5,5 и длиной более 8 м. Основание ее вкопано в землю на глубину 1,3 м. Над поверхностью возвышались низкие (0,5—0,75 м) каменные стены и плоская двускатная земляная крыша, которую поддерживали изнутри деревянные столбы. Обогревалось жилище очагом, сложенным из сырцовых валикообразных кирпичей. Рядом с землянкой в лессовидном суглинке вырыта глубокая грушевидная яма для хранения более полутора тонн зерна. В землянке и яме обнаружены обломки херсонесских гончарных изделий и скифских лепных горшков.

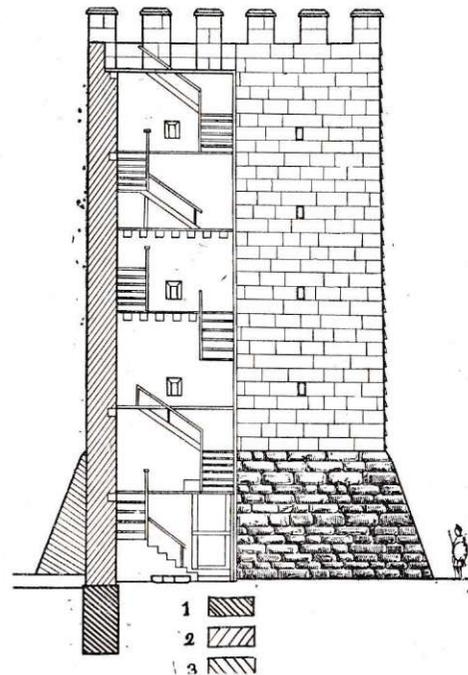
Комплекс Тарпанчи у села Окуневки особенно интересен тем, что здесь в единый хозяйственный организм объединены типичная греческая усадьба и довольно крупное варварское неукрепленное поселение, находящееся, с одной стороны, как бы в прямой зависимости от укрепленной усадьбы, а с другой — под ее непосредственной защитой. Вероятно, подобного же рода сочетание усадьбы с открытым туземным поселением наблюдается и в комплексе Джанбаба, расположенном в нескольких километрах к западу от Тарпанчи, на западной окраине села Марьино (б. Джанбаба). При этом точно так же, как и близ Тарпанчи, на противоположном конце села есть остатки еще одной херсонесской усадьбы.

Варварские поселения на херсонесской хоре не обязательно сочетались с греческими усадьбами. Еще П. Н. Шульц в 1933 г. открыл в Чоротайской балке к северу от села Оленевки явно негреческое поселение IV—III вв. до н. э., состоявшее из наземных каменных двукамерных домов. Кроме черепков обычной греческой, преимущественно херсонесской посуды и амфор, здесь собраны осколки чернолощеных лепных варварских сосудов.

Беляус. Противотаранный пояс башни. Раскопки О. Д. Дашевской.

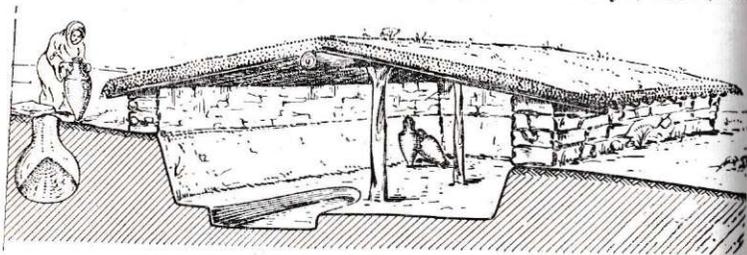
Усадьбы различной величины, укрепленные и неукрепленные, не всегда стояли поодиночке, каждая на своем наделе, как мы это видели на пригородных землях Херсонеса, Калос-Лимена и других городских поселений Херсонесского государства. В некоторых случаях (например, поселение Южно-Донузлавское, а так-

Беляус. Башня. Реконструкция автора.
1— фундамент; 2— стены первоначальной башни; 3 — противотаранный пояс.

же Панское-1 — на берегу Ярылгачской бухты) они были сгруппированы в довольно значительные по площади поселки.

Похоже, что отдельные неукрепленные усадьбы и поселки находились под защитой укрепленных пунктов, контролировавших определенную земледельческую территорию. Таков аграрный «микрорайон» хоры, прилегающий к Ярылгачской бухте. На 10-м километре шоссе, ведущего из поселка Черноморского в село Межводное (б. Ярылгач), земля скрывает руины крупной усадьбы, укрепленной, как и усадьба Беляус, мощной

Землянка III в. до н. э. на поселении Тарпанчи. Реконструкция автора.

(около 10 × 10 м) башней, сложенной из огромных блоков. К северу от нее расположено обширное неукрепленное поселение Панское-1, а на противоположном берегу озера — одиноко стоящая небольшая усадьба. Остатки более крупной усадьбы открыты на противоположном берегу Ярылгачской бухты, на окраине села Межводного. Дальше, на северо-восток от села, несколько прибрежных населенных пунктов находились, очевидно, под контролем самого северного из ныне известных херсонесских укреплений, расположенного на

морском берегу в урочище Чеголтай (Маслины), неподалеку от села Северного (б. Чеголтай немецкий).

При взгляде на карту прежде всего бросается в глаза, что все густо заселенные зоны являются наиболее удобными для земледелия участками морского побережья. Хорошая земля и близость моря — вот два важнейших природных фактора, которые учитывались поселенцами; этим обусловлены и важнейшие направления хозяйства.

Ведущим на хоре повсеместно было земледелие. Доказательством тому — находки сельскохозяйственных орудий: железных серпов, наральника, огородного рыхлителя, виноградных ножей. Об этом свидетельствуют также обломки каменных жерновов и терок для размалывания зерна, каменных ступ для его растирания и тарапанов — нижних камней от прессов для выжимания винограда. Но еще более убедительно о ведущей роли земледелия повествуют обугленные остатки семян различных культур, не говоря уже о следах древних земельных наделов.

Основными земледельческими культурами херсонесской хоры были пшеница и ячмень. На первом месте стояла пшеница: находки зерен ее — обычное явление при раскопках поселений. Иногда встречаются и довольно значительные запасы обуглившегося зерна (Тарпанчи, усадьба у бухты Ветреной, Панское-1). На Тарханкуте сеялась мягкая и карликовая пшеница. Зерно у последней мелкое и легкое, но чистое: в древних посевах почти не встречаются сорняки.

Некоторые античные авторы (Феофраст, Плиний) сообщают о том, что понтийская пшеница по весу была более легкой, чем выращиваемая в других местах античного мира. «Самой легкой, — писал Плиний⁴⁷, — будет галльская пшеница, а также ввозимая из Херсо-

неса, модий которой не превышает двадцати фунтов, если вешать очищенным зерном»*. Французский ученый А. Жарде высчитал, опираясь на цитированное свидетельство Плиния, что вес 100 литров такой пшеницы составляет 74 килограмма⁴⁸. Экспериментальные исследования, проведенные с древней тарханкутской пшеницей из раскопок, показали, что 100 литров ее весили 74,7 килограмма.

Крымская пшеница, которую выращивали здесь почти две с половиной тысячи лет назад, уходит своими корнями в еще более отдаленные, так сказать, незапамятные времена. В дальнейшем эта местная пшеница, вероятно, легла в основу знаменитого сорта «крымка», а на его базе уже в наше время выведен ряд новых сортов пшениц СССР и Канады, заслуженно пользующихся мировой известностью.

Посевы ячменя на Тарханкуте в IV—II вв. до н. э., видимо, занимали второстепенное место: значительное количество зерен ячменя, да и то в смеси с пшеницей, найдено пока лишь в одном месте — на поселении Тарпанчи. Сеяли пленчатый многорядный и голозерный ячмень.

Замечательное открытие сделано в результате раскопок поселения Панское-1 у Ярылгачской бухты. Здесь в двух разных помещениях найдены амфора и лепной котел, наполненные обуглившимся зерном. Анализируя его, ботаник З. В. Янушевич обнаружила, что оба сосуда были наполнены смесью ржи и пшеницы. При этом рожь по форме зерновок явно сорно-полевая, т. е. сорняк, а по количеству занимает около 73—82 процентов объема, тогда как пшеница — всего около 18—27 процентов.

Отсюда следуют далеко идущие выводы. Известно, что рожь поздно вошла в севооборот как самостоятельная культура: до этого она была сорняком, сопутствующим пшенице. До недавнего времени наиболее древними находками культурной ржи считались зерна из раскопок некоторых городищ на Нижнем Дону и горо-

*Модий вмещал 8,754 литра, фунт (либра) весил 327,45 грамма.

дища Алма-Кермен в Крыму, относящиеся к I—III вв. н. э. Находка зерна на поселении Панское-1 на триста лет старше, и рожь здесь еще окончательно не вытеснила пшеницу. А это значит, что на Тарханкуте в начале III в. до н. э. существовали озимые посевы пшеницы (только в них рожь могла выйти в чистую культуру) и что налицо в данном случае начальный этап введения ржи в севооборот. Вскоре наблюдения З. В. Янушевич подтвердились новой находкой зерна, на сей раз из раскопок поселения в урочище Чеголтай. Таким образом, Тарханкут входит в район, где впервые в мировом земледелии около 2300 лет назад было положено начало выведению культурной ржи.

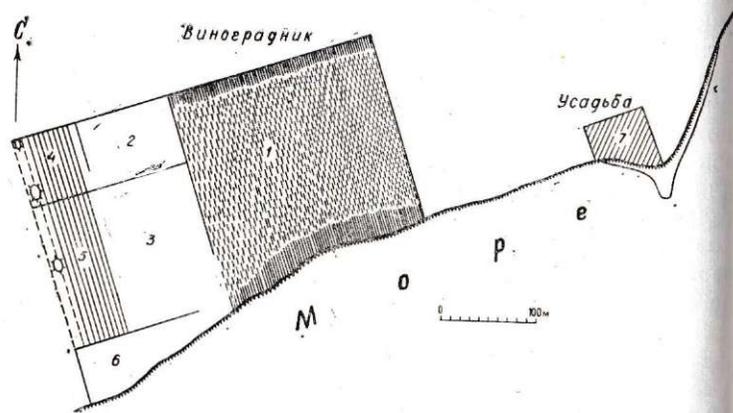
Нелишне будет заметить в связи со сказанным, что далеко не все важные и интересные археологические открытия связаны с эффектными находками. Порою ценнее кладов мелкие зернышки, черепки посуды, чешуя рыб и т. д. Еще Д. И. Менделев как-то сказал: «Истина часто добывается изучением предметов, на взгляд малозначащих...»

Вслед за зерновыми важнейшей культурой северо-западного Крыма был виноград. И сейчас обе они являются здесь ведущими. А ведь совсем недавно считалось, что на Тарханкуте виноград нерентабелен из-за природных условий, хотя еще в 1935 г. известный крымский почвовед Н. Н. Клепинин писал о южном побережье Тарханкута, что «защищенная от холодных ветров высоким хребтом, вся эта местность имеет данные для развития... виноградарства»⁴⁹. Ныне она действительно покрыта почти сплошными виноградниками колхоза «Путь Ленина». И именно на ней впервые в северо-западном Крыму были обнаружены следы древнего виноградарства.

Первоначально зерна культурного винограда удалось выявить на рентгеновском снимке лепного горшка III—II вв. до н. э., найденного на городище Тарпанчи. То ли зернышки были специально подмешаны в глину с ритуальными целями, то ли человек, лепивший горшок, ел при этом виноград и плевался косточками, — сказать трудно. Но факт, что виноград здесь рос, можно было считать установленным. А вскоре дальнейшие поиски увенчались еще одним успехом — нашлись остатки древних виноградников.

Следы древнего размежевания земель, принадлежавших аграрным поселениям херсонесской хоры, постоянно встречаются на берегах Тарханкута в местах, не затронутых распашкой. Однако целых наделов почти не сохранилось. Один из них выявлен с помощью аэрофотосъемки к северу от села Окуневки. Он представлял собой прямоугольный участок земли площадью около 18 гектаров. Другой, значительно больших размеров, длиной около 840 м, находился возле Кульчукского городища. Оба они уничтожены распашкой, но до наших дней в превосходной сохранности дошел уникальный надел с античными виноградниками близ села Морского (б. Ойрат).

Земельный участок располагался на берегу моря, рядом с довольно крупной усадьбой и составлял толь-

План земельного участка с усадьбой IV—II вв. у мыса Ойрат.

ко какую-то часть земель, принадлежавших ей. Участок, прямоугольный в плане, огражден со всех сторон каменной оградой, развал которой и сейчас прекрасно виден на поверхности. В настоящее время величина надела составляет около 9 гектаров (387×274 м), в древности же он занимал территорию около 13 гектаров — часть его разрушена наступающим морем.

Каменные ограды делили участок на шесть полей различной величины. Три из них — почти 70 процентов общей площади — занимали виноградники. Прекрасно сохранились стены виноградного и садово-виноградного плантажей. Они прослеживаются на поверхности в виде параллельных каменных полос, пересекающих поле через каждые 2 или 5 м. Зрелище впечатляющее: чтобы создать плантаж, пришлось перекопать весь участок, очистить землю от камня и уложить его в стены, общая длина которых составляет, если их вытянуть в одну линию, 21 километр! В них уложено более пяти с половиной тысяч кубометров камня. Подсчитано, что на все эти работы потребовалось около 1100 человеко-дней. Иными словами, чтобы подготовить участок для посадки винограда, необходимо было десяти работникам усадьбы потратить около четырех месяцев ежедневного изнурительного труда.

Каков же был примерный доход владельца виноградника и усадьбы? При системе посадки квадратным способом с расстоянием между кустами и рядами в 1,4 м (около 5000 кустов на 1 гектар) хозяин мог высадить на своем участке примерно сорок одну тысячу кустов. В условиях Тарханкута они могли принести урожай около 16 500—24 500 литров, или примерно 900—1300 херсонесских стандартных амфор вина в год. По-видимому, виноградник был рассчитан на среднегодовую добычу тысячи амфор вина. Вряд ли его

давили для продажи; скорее всего, вино полностью или почти полностью уходило на нужды семьи хозяина и его работников — рабов или наемных сельскохозяйственных рабочих.

Как херсонесцы называли свои земельные участки, разбросанные по хоре, пока неизвестно. Не исключено, что разные участки, так же как и в других местах античного мира, носили разные названия. Во всяком случае земли, вымежеванные под виноградники, так и назывались виноградниками (ампелейя). Это стало известно из надписи на мраморной базе статуи Агасикла⁵⁰.

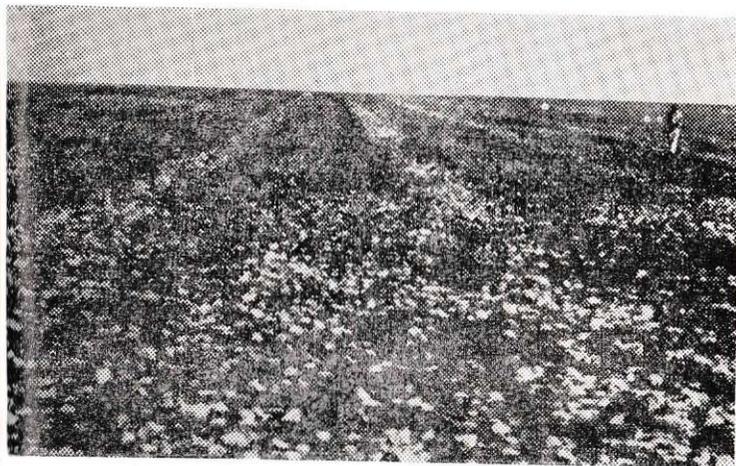
Один из видных херсонесских деятелей Агасикл, сын Ктезия, живший, как полагают, в первой половине III в. до н. э. и занимавший попеременно самые крупные государственные должности, такие, как стратег, гимнасиарх, агораном*, осуществил ряд важных для полиса мероприятий. Часть из них, например, военная реформа и «стеностроительство», преследовали оборонные цели, другие — устройство агоры** (видимо, ее реконструкция) и размежевание земель — экономические и, может статься, в случае с агорой, — престижные. За все заслуги перед полисом херсонесский demos поставил в городе статую Агасикла, перечислив на ее постаменте все «деяния» чествуемого лица.

Среди крупных дел, осуществленных под руководством этого государственного деятеля, нас сейчас интересует одно: размежевание виноградников на равнине. До открытия виноградников в северо-западном Крыму считалось, что Агасикл размежевывал их в ближайших окрестностях Херсонеса на Гераклеяском полуострове, что «равнина» надписи в честь Агасикла

* Стратег — высшая военная должность в государстве; гимнасиарх — чиновник, ведающий гимнасием (своего рода спортивной школой) и воспитанием юношества; агораном — магистрат, отвечающий за состояние рынков и торговли.

** Агора — площадь, служившая местом Народного собрания.

и «равнина» херсонесской присяги, где добывается хлеб, — не одно и то же. Теперь же, после того как стали известны виноградники и на остальной хоре, можно предполагать, что государственное размежевание земель, осуществленное Агасиклом, относится к территории северо-западного Крыма. Видимо, это было одно из важнейших мероприятий в процессе освоения Херсонесом новых земель. Не исключено, правда, и другое предположение: Агасикл мог провести размежевание земель в окрестностях Херсонеса уже после того, как часть территории хоры в северо-западном Крыму была потеряна в результате войн со скифами. Решение этой исторической задачи во многом зависит от того, насколько правильно датирована надпись на базе статуи Агасикла.

Виноградный плантаж у мыса Ойрат.

Так или иначе, но и декрет в честь Агасикла, и присяга, и вся совокупность археологических данных недвусмысленно говорят о ведущей и определяющей роли земледелия в экономике Херсонесского государства.

Важной отраслью в хозяйстве приморского населения хоры, несомненно, было рыболовство⁵¹. Находки латунных рыболовных крючков и грузил для сетей постоянны на всех прибрежных поселениях. Но они не дают в руки исследователя ничего, кроме возможности утверждать, что рыбный промысел существовал. Характер промысла помогают уяснить сохранившиеся в земле чешуя рыб и их кости, тщательно выбираемые при раскопках. Исследование чешуи и костей, предпринятое совместными усилиями археологов и ихтиологов из Института биологии южных морей АН УССР, позволило многое понять. Так, например, повсеместно на побережье Тарханкута шел массовый лов кефали. Промысел был сезонным и осуществлялся примерно в те же сроки, что и сейчас, т. е. весной и осенью во время миграций рыбы, когда она огромными косяками проходит вдоль берегов. Судя по количеству чешуи рыб, выловленных осенью, основная путина — осенняя. Надо полагать, что в это время в море выходило много рыбаков. Для лова кефали, которая была крупнее современной, употреблялись крупноячеистые сети (молоди в уловах нет) и, вероятно, крючки. В сети попадались в основном сингаль и лобан, главным образом в возрасте 3—4 лет. А это говорит о значительной напряженности промысла (в наше время он базируется на двухлетках).

Далее по количеству добываемой рыбы шли морской карась (ласкирь) и камбала. Основной район промысла карася прилегал к прибрежным поселениям от озера Донузлав до окрестностей Евпатории. Как и кефаль,

карась ловился в основном во время осенней путины. Камбала, попадавшаяся повсеместно, промышлялась в массовом количестве главным образом жителями поселений на южном побережье Тарханкута. Осетры вылавливались преимущественно рыбаками северо-западного побережья Тарханкутского полуострова. Такое распределение промысла продиктовано экологией рыб — местами ее массового скопления.

Соленую рыбу хранили и перевозили в амфорах. Кроме того, ее, вероятно коптили и вялили. Для жителей всех прибрежных поселений рыба была одним из основных продуктов питания. Об этом говорят не только многочисленные остатки костей и чешуи в кухонных отбросах, но и постоянно встречающиеся при раскопках так называемые «рыбные тарелки» — блюда специфической формы с солонкой в центре.

Кроме рыбы, добывали дельфинов. В большом количестве в пищу шли моллюски, мидии, устрицы, морской гребешок (пектен), а также крабы, которых ели печеными. Из красивых раковин морского гребешка и просверленных подкожных наростов («бляшек») камбалы местные женщины делали себе недорогие и незатейливые ожерелья.

Вероятно, хора Херсонеса полностью снабжала себя рыбой. Можно предполагать, что добывалась она и на вывоз.

Существенное значение имело скотоводство, теснейшим образом связанное с земледелием. В недавно вышедшей книге Т. Н. Высотской «Скифские городища» говорится (на стр. 31), что животноводство на хоре Херсонеса не получило развития. Это неверно. Судя по находкам костей, здесь, так же как и в других районах Греции, разводили главным образом мелкий рогатый скот — овец и коз, которые давали все необходимые продукты животноводства: молоко (со всеми его производными), мясо, шерсть, кожу.

На втором месте стоял крупный рогатый скот. Быки использовались как основная тягловая сила на земледельческих работах и для перевозок. Лошадей херсо-

неситы, в отличие от скифов, разводили мало. В сравнительно небольшом количестве на усадьбах содержали свиней. Можно утверждать, что продуктами скотоводства население хоры не только полностью обеспечивало себя, но могло снабжать ими города Херсонесского государства.

Из других домашних животных нам известна собака — и в городских домах, и на усадьбах, и в поселках.

Мало пока еще сведений о птицеводстве, хотя кости птиц постоянно встречаются при раскопках. Наше знакомство с этой отраслью хозяйства (тоже, вероятно, немаловажной) ограничивается домашним гусем.

Во время раскопок населенных пунктов хоры археологи постоянно сталкиваются с самыми разнообразными видами домашнего производства — от приготовления пищи до изготовления различных вещей. Сельское население хоры очень многое из необходимого в повседневном быту и хозяйстве делало своими руками. Значительная нагрузка ложилась на плечи женщин. Кроме постоянной возни с едой и детьми, в их обязанности, надо думать, входило и участие в обработке различных сельскохозяйственных и промысловых продуктов. Выделкой лепной посуды, вероятно, тоже занимались женщины. Хотя это производство (ввиду массового ввоза изделий херсонесских горшечников) и не было значительным, в небольшом объеме, особенно среди варварского населения, оно существовало постоянно.

Строительные, плотничьи и столярные работы по дому, очевидно, выполнялись мужчинами. Они же делали различные порезки из камня: тарапаны, корытца, каменные чаши. Попадают даже созданные местными «ваятелями» образцы скульптуры.

Культура сельского населения хоры в целом сформировалась в результате непосредственного участия и при прямом воздействии эллинской культуры Херсонеса. Собственно культура хоры в том виде, в каком мы ее изучаем, это и есть культура эллинистического Херсонеса, но только ее сельский вариант. Ведущая и доминирующая роль Херсонеса проявляется в ней постоянно, во всем многообразии археологического ма-

териала. Нельзя не заметить этого в архитектурно-планировочном и конструктивном решении построек, в межевой системе, в денежном обращении, в системе мер, в формах посуды и утвари и, наконец, в греческой письменности, дорическом диалекте греческого языка (по граффити, нацарапанном на керамике), в произведениях искусства, в распространении херсонесских культов. Но вместе с тем в археологическом материале выделяются и негреческие элементы культуры, присутствующие туземному населению. Наиболее яркие из них — это лепная керамика, жилища (землянка) и погребальный обряд. Именно такой сплав греческой и варварской культур с доминантой греческой и является одним из ведущих признаков эллинизма, который сказался в развитии многих народов евразийского континента и северной Африки.

А теперь вернемся к тому вопросу, с которого мы начали свой рассказ, — к устройству херсонесской хоры и структуре Херсонесского государства той поры, когда в его состав уже входила приморская территория северо-западного Крыма.

Если аграрные зоны подвластных Херсонесу городов были устроены по тому же принципу, что и херсонесская сельская округа, с усадьбами на примерно равных по площади наделах, то на обширной полосе земли в северо-западном Крыму полису принадлежали разнотипные населенные пункты. На этой «остальной хоре», как мы видели из описания памятников, располагались: укрепления различной величины («Чайка», Кульчукское и Караджинское городища, Чеголтай), из которых одни могли быть военно-хозяйственными поселениями, другие — хорошо укрепленными усадьбами, центрами крупных поместий; укрепленные и неукрепленные отдельно стоящие усадьбы различной

величины; типичные сельские усадьбы, но сконцентрированные в поселки; укрепленные усадьбы в комплексе с варварскими поселениями; самостоятельные варварские поселения. При населенных пунктах были разной величины земельные участки. Если за единицу принять самый маленький по площади надел в округе «старого» Херсонеса, то самый крупный из ныне известных нам (Лирчи) будет превышать его в 12 раз. И это, по-видимому, еще не предел. О чем говорят подобные факты? В первую очередь — о сильной имущественной дифференциации населения Херсонесского государства, о сложной структуре его хоры, а следовательно, и о сложном социальном и этническом составе ее населения.

Такой вывод, полученный археологическим путем, можно сопоставить с тем, что известно сейчас науке о развитых эллинистических государствах. В социально-экономическом плане одной из характерных черт эпохи эллинизма была чрезвычайно сложная социальная градация как городского, так и сельского населения, как правило, при более или менее значительной этнической пестроте и независимо от политического устройства. Следовательно, мы можем предполагать, что во второй половине — конце IV в. до н. э. Херсонес из типичного греческого полиса превратился в типичное эллинистическое государство. На его хоре сформировались все основные категории свободного, полувисимого и зависимого сельского населения, характерные для эпохи эллинизма, с вовлечением в орбиту херсонесской экономики широких масс варваров.

Проблема этноса варваров по-прежнему остается одной из самых сложных и нерешенных. В свое время автор выдвинул гипотезу, что лепная чернолощенная керамика могла принадлежать либо аборигенам

этих мест, эллинизированным сатархам, либо переселенным сюда Херсонесом из юго-западного Крыма таврам. О. Д. Дашевская, специально изучавшая лепную керамику с врезным орнаментом, доказала, что она таврская. Позднее она также предположила, что тавры, жившие в херсонесских населенных пунктах, были рабами или зависимым населением. Вопрос о сатархах повис, таким образом, в воздухе, так как не находит подтверждения в археологическом материале, а опирается только на письменные источники⁵².

Но тавры на поселениях северо-западного Крыма составляли, очевидно, сравнительно небольшой процент. Основная часть лепной посуды по формам и орнаментации, вероятно, должна быть отнесена к скифской.

Абсолютно неизвестно сейчас, какой процент составляло зависимое или полувисимое негреческое население хоры по отношению к греческому сельскому населению. Установить это крайне сложно из-за сильной эллинизации варварской культуры. Лишь тщательное изучение массового керамического материала, деталей погребального обряда и данных антропологии поможет в будущем как-то прояснить этот вопрос.

Еще сложнее решить задачу о формах зависимости сельского населения херсонесской хоры. Здесь мы должны, по-видимому, признаться, что выяснение конкретных форм зависимости, детальное установление того, какие именно социальные категории населения хоры и как они назывались, не под силу одной археологии. Это задача истории в целом, и ее несложно решить, если есть письменные документы. Но их-то для истории Херсонеса и нет. Поэтому приходится искать иные пути построения исторических реконструкций. Одну из возможных гипотез мы рассмотрим в следующем разделе этой главы.

ПОГИБШАЯ В ПОЖАРЕ

Все началось с письма, которое автор получил от жителя поселка Черноморского Г. И. Алещенко. В письме сообщалось, что на берегу Ярылгачской бухты, возле озера Сасык (Панское), бульдозером поврежден курган, судя по собранным в земле черепкам, древний. А вскоре пришла и посылка с обломками собранных Г. И. Алещенко амфор IV—III вв. до н. э. Проверка сообщения показала, что курганная группа у Ярылгачской бухты еще в 1933 г. описана П. Н. Шульцем. Выяснилось, однако, что неподалеку от нее на берегу озера Панского находятся остатки неизвестного археологам крупного поселения. Самый первый осмотр позволил заключить, что оно представляет собой совершенно новый, неведомый до сих пор тип античного населенного пункта IV—III вв. до н. э., состоящего из огромных квадратных сельских усадеб. Усадьбы, которые обычно стоят вразброс, каждая на своем наделе, здесь собраны почему-то вместе. Не только на хоре Херсонеса, но и ни в каких других местах античного мира такого явления еще не наблюдалось.

Уникальный населенный пункт назван по озеру Панское-1. Возле него сохранились следы древней дороги, а за ней расположен огражденный некрополь, насчитывающий более пятидесяти могильных холмов.

Пять лет спустя, в 1969 г., Тарханкутская экспедиция приступила к планомерному изучению поселка у озера Панского и его курганного некрополя. Раскопки продолжают и сейчас⁵³.

В IV в. до н. э., к моменту основания древнего поселка, когда уровень Черного моря стоял значительно ниже современного, озера Панского вообще не существовало, а Ярылгачская бухта вы-

Раскопки усадьбы на поселении Панское-1. Общий вид.

глядела совсем иначе. Бухта была узкой, с длинными рукавами, а на месте нынешнего озера лежала удобная для земледелия низменная приморская долина, пересеченная системой балок. Их устья, затопленные морем, образовали удобные закрытые бухты. На берегу одной из них и стояло поселение Панское-1. Можно думать, что на дне озера под толщей иловых отложений находятся остатки одной или нескольких усадеб IV—III вв. до н. э. Основания для такого предположения есть. Во всяком случае, руины двух усадеб, укрепленной и неукрепленной, обнаружены по обеим сторонам озера, а со дна его, с глубины около 3—3,5 м, вместе с илом были подняты камни и античные черепки. Постепенно море затопило некогда цветущую долину. Но это произошло уже после гибели усадьбы и поселения.

Открытое на поселении Панское-1 здание представляло собой огромную постройку того же типа, что и обычные сельские усадьбы в окрестностях Херсонеса

на Гераклейском полуострове, но только неукрепленную: на ее углу не возвышалась башня. Этот квадратный двухэтажный дом высотой около 5—6 м, поставленный углами точно по сторонам света, занимал площадь около 1200 кв. м (34,5 × 34,5 м). Неширокие улицы отделяли его от других домов. Снаружи большое приземистое здание выглядело неприветливо и даже уныло: с какой стороны ни подойди — везде лишь гладкие плоскости глухих стен, сложенных из квадратных и прямоугольных сырцовых кирпичей на каменном цоколе. Только с одной стороны можно было проникнуть внутрь дома. Широкий проезд, устроенный в юго-западном фасаде здания, вел на обширный — более 500 кв. м — внутренний двор, в центре которого находился вырубленный в скале колодец. По всем четырем сторонам во двор выходило около двух десятков дверей, которые вели в различные помещения дома, располагавшиеся вокруг двора в один и два ряда. Сколько комнат было во втором этаже, неизвестно, так как сохранились только основания стен, но, по-видимому, не меньше, чем в первом. Нижний же этаж заключал в себе 35 жилых и хозяйственных помещений (сначала их было 25, остальные достроены позже).

Усадьба, построенная в конце IV в. до н. э., просуществовала недолго, не более 30—50 лет, и погибла внезапно вместе со всеми другими зданиями поселка. Причина гибели — пожар, вызванный внезапным набегом скифов.

Вражеский отряд примчался, вероятно, с северо-востока, из степи. С какой стороны напал враг, указывает направление воткнувшихся в землю и стены бронзовых наконечников стрел и то, что большая часть стрел, как и пращевых камней, найдена в наружном развале северо-восточной стены здания.

Усадьба, судя по всему, была подожжена одновременно с нескольких сторон. Все произошло так быстро, что никто не успел

Стоящий Геракл. Известняковый рельеф из святилища.

опомниться. Вероятно, ни обитатели усадьбы, ни захватчики не смогли ничего вынести из охваченного огнем дома. Все вещи остались на месте, а их хозяева — кто остался жив — попали в руки врагов.

Каждый сезон раскопок открывал все новые подробности трагической гибели усадьбы. Весь двор сплошь завален обломками разбитой и растрескавшейся в огне самой разнообразной глиняной посуды, амфор, терракотовых статуэток и т. д., частью попавших сюда из помещений верхнего этажа, частью, видимо, в панике вытаскивавшихся из огня. Вот жилая комната. В углу осталась амфора, а на полу — рыбное блюдо, канфары. Тут же горсть астрагалов — игральных костей, обломки глиняной чаши, в которой они лежали. В помещении, где изготовляли лепную посуду, на полу оказалась кучка шамота (толченых черепков, добавлявшихся в глину), плита, на которой его толкли, готовая продукция — лепные горшки с орнаментом. Склад зерна в амфорах... Огонь в этой части дома был настолько сильным, что некоторые амфоры оплавившись.

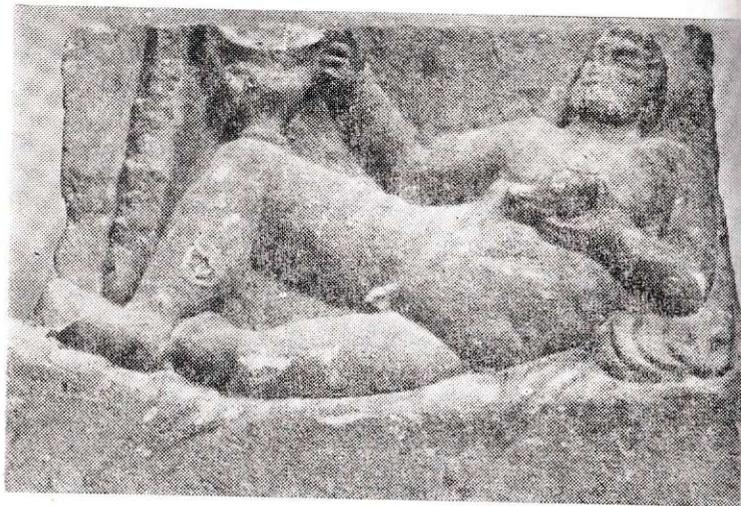
Следы паники, охватившей обитателей усадьбы, можно проследить в процессе раскопок. Там на полу валяется нитка бус из просверленных раковин морского гребешка. В другом месте на поверхности двора — целая россыпь мелких вещей: бронзовый перстень со стеклянной вставкой, колечко, бусины, серебряная подвеска, несколько херсонесских монет, миниатюрная свернувшаяся в кольцо серебряная змея, обломки глиняной пиксиды (туалетной шкатулки). Видимо, выскокшая из комнаты женщина, схватившая самое ценное — пиксиду со своими украшениями, тут же у порога выронила и разбила ее. Собрать было некогда... Трое обитателей здания погибли на месте. В одной

из комнат во время раскопок обнаружен скелет человека, который не успел или не смог выбраться из охваченного пламенем дома. Во время пожара обвалился потолок, и на него рухнул находившийся во втором этаже склад амфор. В некоторых из них, вероятно, хранилось масло. Придавленный горящими балками потолка и грудой амфор, в огне кипящего масла нашел свой конец древний обитатель дома. Скелеты двух других — молодой женщины 18—20 лет и ребенка в возрасте 8—10 лет — найдены при расчистке колодца. Прятались ли они сами в колодце или были туда сброшены захватчиками, мы никогда не узнаем.

Трагическая гибель усадьбы и некоторых ее жильцов раскрывает еще одну страницу истории херсонесской хоры. Но раскопки дают и другое. Благодаря тому, что здание погибло сразу и все находившиеся в нем предметы остались на месте, оказалось возможным — впервые в мировой археологической практике — получить как бы «моментальный снимок» крупного раннеэллинистического хозяйства.

Некоторые жилые помещения дома состояли из одной комнаты площадью около 12 кв м, с глинобитным полом и очагом в углу или в центре. Другие — из двух, трех и даже четырех комнат, объединенных общими входами. Наличие в здании ряда жилых ячеек, так сказать, «отдельных квартир», показывает, что на усадьбе, очевидно, жило столько же отдельных семей, сколько было таких жилых ячеек.

Два помещения в западном углу усадьбы были выделены под общие для всего дома святилища. В первой проходной комнате находилось святилище Геракла. У стены стоял каменный алтарь, на котором в обломках лежал большой глиняный сосуд с именем Геракла, написанным на боку красной краской. Рядом оказалась

Пирующий Геракл. Известняковый рельеф из села Межводного.

известняковая плита с рельефным изображением стоящего Геракла с палицей, на которую наброшена львиная шкура. Рельеф, явно выполненный местным мастером, вероятно, был укреплен на стене против алтаря.

Геракл особенно почитался в среде сельского населения херсонесской хоры. В северо-западном Крыму найдено уже семь скульптурных миниатюр Геракла. Два известняковых рельефа с изображением пирующего героя происходят из сельскохозяйственной округи Керкинитиды, по одному — из окрестностей Сак, с городища «Чайка» и поселения близ Межводного. В селе этом найден также фрагмент скульптуры — голова юного Геракла (хранится в школьном музее Межводного). Кроме того, известны находки терракотовых изображений Геракла (Беляус) или его палицы (усадебна на хоре Калос-Лимена).

Чем объяснить такую популярность культа Геракла на хоре Херсонеса? Прежде всего образ этого божества рассматривался как

образ незримого покровителя, владельца и защитника Херсонеса и его хоры, т. е. всего Херсонесского государства. К тому же культ Геракла в основе своей — народный культ. Геракл выступает как покровитель и заступник социальных низов общества, мелких производителей, свободных и зависимых ремесленников и земледельцев.

Второе домашнее святилище было посвящено земледельческим божествам Деметре и Сабазию. В помещении святилища находилось несколько терракотовых изваяний Деметры и ее дочери Коры. Эти древнейшие греческие богини были главными покровительницами земледелия и олицетворяли плодоносящие силы земли.

Кроме терракотовых фигурок в святилище стояла огромная чаша, вырубленная из цельного камня, и много различной посуды, принесенной в дар богам. На одной чернолаковой чаше процарапанна греческая надпись: «посвященный Сабазию». Надпись эта уникальна, так как содержит первое, самое древнее в Причерноморье упоминание этого древневосточного культа, связанного с виноградарством и виноделием.

Таким образом, культы аграрных божеств, которым

Деметра или Кора. Голова терракотовой статуи из святилища.

Терракотовая протома Деметры из святилища.

поклонялись обитатели усадьбы, связаны с производством двух важнейших сельскохозяйственных продуктов Тарханкута — хлеба и вина.

Следует сказать, что домашние святилища на поселении Панское-1, характерные для раннеэллинистических усадеб, введены в научный оборот впервые. Открыты они опять же благодаря тому, что здание погибло внезапно и все осталось на своих местах. Можно предполагать, что подобные святилища были и на других усадьбах, например, на усадьбе надела № 25 близ Херсонеса или в сельском доме № 3 на хоре «старого» Херсонеса.

Среди находок на усадьбе немало уникальных вещей. Из них упомянем остатки разбитого вдребезги стеклянного сосуда, не литого, а выдутого при помощи трубки. До сих пор можно прочесть в книгах по истории стекла, что выдувание стеклянных изделий было изобретено в последние века до нашей эры в Египте или Сирии. Наш же сосуд (не исключено, что он ближневосточного происхождения) сделан намного раньше — в конце IV — начале III в. до н. э., что вместе с еще несколькими такого рода находками отодвигает изобретение дутого стекла в более глубокую древность.

Кто же все-таки жил на поселении? Расположенный рядом некрополь явно негреческий. Погребения в нем принадлежат скорее всего сильно эллинизированным варварам или, может быть, смешанному греко-варварскому населению. Умерших хоронили в грунтовых могильных ямах или склепах, сложенных из сырцовых кирпичей. Дно могил покрывалось камкой — морскими водорослями. В могилы обязательно ставили амфоры с вином, чаши и кубки для питья вина, флаконы для душистых масел. Женщинам иногда клали бронзовые зеркала. Мужчин сопровождало оружие: стрелы, копья, иногда железные стригили (скребки для очистки и массажа тела после спортивных занятий). Затем насыпали могильный холм и укрепляли его основание каменным кольцом или крепидой (стеной). У кольца или крепиды часто устанавливался каменный алтарь с уг-

лублием для жертвоприношений. После погребения совершалась тризна, во время которой в костер бросали различную посуду.

Курганы некрополя — это семейные гробницы, причем в них много кенотафов — пустых могил. Чаще всего кенотафы сооружались для символического захоро-

Чернолаковая чаша с посвящением Сабазию.

нения воинов, погибших на поле брани и оставшихся непогребенными. Судя по оружию, находимому в кенотафах на некрополе городища Панское-1, они предназначались для мужчин-воинов.

Итак, лично свободные эллинизированные варвары (или смешанное население), семейные мужчины-воины — такие выводы можно сделать, изучая некрополь. Усадьба добавляет к этому, что они были вместе с тем земледельцами, занимались скотоводством и рыболовством, что экономически и политически они зависели от Херсонеса, что культура их — это культура херсонесской хоры.

Раскопки курганов у Ярылгачской бухты. Общий вид.

Суммируя сказанное, можно предположить, что Панское-1 было, видимо, одним из военно-хозяйственных поселений Херсонеса. Жители поселка занимались земледелием, в то же время охраняли северную окраину государства. Вряд ли они являлись гражданами полиса. Они могли быть либо наемниками, которым Херсонес выделил землю, либо другой социальной категорией лично свободного, но зависимого от полиса населения. Наемничество в это время получило широкое распространение в греческих государствах, в частности в соседнем Боспоре. На военную организацию, может быть, косвенно указывают «жилые блоки», на которые делилась усадьба. Возможна, однако, и другая, например,

общинная, организация поселения. Точнее выяснить структуру поселения, а также этнический и социальный состав его обитателей удастся, вероятно, после завершения раскопок.

Такое же население — эллинизированные варвары — существовало и на хоре Боспорского государства, и на хоре Ольвии. Еще Геродот в V в. до н. э. писал, что в окрестностях Ольвии живут каллипиды, или эллины-скифы⁵⁴. В надписи III в. до н. э., знаменитом декрете в честь Протогена, одного из ольвийских граждан, население хоры Ольвии названо пограничными миксэллинами (смешанными эллинами)⁵⁵.

Автор этой книги давно высказал предположение о том, что в результате греко-варварского взаимодействия на хоре Херсонесского государства должно было формироваться население, аналогичное по своему социальному статусу каллипидам или миксэллинам⁵⁶. Теперь эта гипотеза как будто начинает обрастать фактами. По-видимому, такой путь развития был присущ всему античному миру, особенно в контактных зонах между греческой и варварскими цивилизациями. Одной из таких зон было Причерноморье.

6 Полис и хора

Катастрофическая гибель поселения у Ярылгачской бухты, разгром Калос-Лимена и его сельской округи, следующие один за другим пожары и разрушения на укреплении «Чайка», уничтожение остальных населенных пунктов Херсонеса на его хоре в северо-западном Крыму, а также «старого» Херсонеса, сельских усадеб на Гераклейском полуострове и пригородных поселков, наконец появление на месте некоторых бывших херсонесских поселений скифских крепостей — все это говорит о весьма серьезных воен-

но-политических столкновениях Херсонесского государства со скифами, имевших место на протяжении III—II вв. до н. э.

Долгое время в распоряжении историков были только письменные источники. Наиболее ярко они освещают самое крупное столкновение между Херсонесом и скифами в конце II в. до н. э. (речь о нем — впереди). Однако археологические исследования, в том числе и в северо-западном Крыму, дают представление о слабее отраженном в источниках длительном периоде скифо-херсонесских войн, то и дело вспыхивавших в III—II вв. до н. э.

О развитии военно-политических взаимоотношений Херсонеса со скифским царством мы и постараемся рассказать, основываясь на новых данных, добытых археологами, а также на давно известных письменных документах.

ЛЕГЕНДА ОБ АМАГИ

Амага была женой Мидосака, царя сарматов, которые кочевали на Черноморском побережье где-то к северу от Перекопа. Женщина с сильным характером, она взяла в свои руки бразды правления, предоставив мужу предаваться разгулу и пьянству. «Блестящая слава о ней разнеслась по всей Скифии, — говорит историк⁵⁷, — так что жившие на Таврическом полуострове херсонесцы, обижаемые царем соседних скифов, попросили ее принять их в число союзников. Амага сначала послала скифскому царю призывание прекратить свои набеги на Херсонес...», но, не добившись дипломатического успеха, совершила молниеносный рейд

в глубь владений скифов, проскакав с небольшим отрядом из 120 человек за одну ночь 1200 стадиев (около 190—220 км). Напав неожиданно на ставку скифского царя, сарматские воины перебили застигнутую врасплох охрану ворот. «Амага же, ворвавшись со своим отрядом во дворец, убила царя и бывших с ним родственников и друзей, страну отдала херсонесцам, а царскую власть вручила сыну убитого, приказав ему править справедливо и, помня кончину отца, не трогать соседних эллинов и варваров».

М. И. Ростовцев отнес время деятельности Амаги ко второй половине III или началу II в. до н. э., а Б. Н. Граков — к рубежу III—II вв.*

«Кто же те «соседние скифы», царь которых так крепко «обижал» херсонесцев, что они вынуждены были обратиться за помощью к кочевникам-сарматам? И почему сарматы, родственные скифам по языку, выступают против них на стороне Херсонеса?»

Попытаемся в этом разобраться.

В IV в. до н. э. в степном Причерноморье возникает, по-видимому, первое значительное государственное объединение скифов — держава Атея. Этот крупный скифский политический деятель и полководец, который — по его словам, переданным Плутархом, — предпочитал музыке ржанье боевых коней, господствовал над большинством северопричерноморских варваров. Не случайно с возвышением Скифии совпадает период мощного экономического и политического подъема наиболее крупных античных государств северного Понта — Ольвии и Боспора, издавна находившихся со скифами

*Лет двадцать пять назад венгерский филолог Я. Харматта попытался привязать рассказ этот к событиям политической истории I в. до н. э.⁵⁸ Но его гипотеза не подтверждается новейшими исследованиями.

в тесных торгово-экономических контактах. Огромная держава распалась, как только не стало Атея, но развитие государственности скифов, а вместе с тем их эллинизация, продолжались.

Можно предполагать, что во второй половине IV в. не только существуют, но и усиливаются самые разнообразные взаимоотношения, в том числе и политические, между греческими государствами и варварами. Вскоре после гибели Атея, в 339 г. до н. э., скифы, по-видимому, выступают на стороне Ольвии, осажденной в 331—330 гг. войсками Зопирнона, одного из полководцев Александра Македонского. В самом конце IV в. до н. э., в 310—309 гг., скифское войско царя Агара, ставка которого, вероятно, находилась в Крыму, принимает участие в междоусобной борьбе за престол между сыновьями умершего боспорского царя Перисада I. Скифы стоят на стороне одного из сыновей — Сатира; на стороне его брата Евмела, против скифов, выступает другое причерноморское варварское племя фатеев, предводитель которых носит, по-видимому, сарматское имя Арифари.

Картина политических взаимоотношений между греческими государствами Причерноморья, между ними и различными группировками соседей — варваров, а также между самими варварскими племенами в конце IV — начале III в. до н. э. чрезвычайно сложна и остается далеко не ясной для современных исследователей. Именно в это время на северопричерноморской арене появляется новая политическая сила, враждебная скифам, — сарматские кочевые племена, обитавшие до этого к востоку от скифов, за Доном⁵⁹.

В силу целого ряда, казалось бы, независимых одна от другой причин, из которых назовем продвижение на запад сарматов, стремление их к постоянным контактам с греческими государствами, а также распад царства Атея, основные политические и экономические центры Скифии из Приднепровья переносятся в Крым. Где-то на рубеже IV—III вв. до н. э. образуется позднескифское царство, или Малая Скифия, земли которой на-

ходились в Крыму и на нижнем Днепре. Новое скифское царство и было тем беспокойным соседом Херсонесского государства, о котором говорит Полиен в рассказе о сарматке Амаге.

Такое оригинальное образование, как позднескифское царство в Крыму, могло появиться только в контактной исторической зоне между греческим и варварским миром. По-видимому, это было варварское государство эллинистического типа, с крепкой центральной властью, с хорошо организованной армией, с сильно эллинизированной верхушкой и, возможно, с сословной организацией общества*. Столица скифского царства, которая называлась Неаполь (на месте современного Симферополя), в III—II вв. до н. э. предстает перед нами как типичный центр варварской эллинистической монархии: с портиками греческой архитектуры, статуями царей и богов, греческими посвященными надписями, общественными зданиями, домами, построенными по греческому образцу, и наряду с тем — скифскими землянками и юртами. Характерное для эллинизма сочетание варварской и греческой культур проявляется здесь особенно отчетливо.

Сложение скифского государства в Крыму совпадает с периодом максимального возвышения Херсонеса на международной арене**. Неизвестно, каковы бы-

* Наша оценка как позднескифского государства, так и развития его взаимоотношений с Херсонесом отличается от традиционного взгляда, изложенного в книгах Т. Н. Высотской, В. Н. Даниленко и Р. П. Токаревой и некоторых других авторов⁶⁰. Новые археологические материалы, добытые исследованиями в западном Крыму, использованы в указанных работах слабо и нередко трактуются, на наш взгляд, ошибочно, вразрез с историческими фактами. Особенно это касается характеристики Херсонеса и его хоры.

** Образование скифского царства произошло, по-видимому, позже расширения территории Херсонесского государства. Отдельные находки фрагментов чернолаковой посуды и особенно клейменной черепицы (которая, как известно, не может быть датирующим признаком) недостаточны для аргументации гипотезы Т. Н. Высотской об основании Неаполя в конце IV в. до н. э. Дата возникновения города — сооружение его крепостных стен, построенных, несомненно, в начале III в. до н. э., ибо портики и дома этого времени, остатки которых раскопаны перед городскими воротами, не могли стоять на открытом незащищенном месте.

ли отношения между скифами и херсонесцами в первоначальный период становления скифского царства. Похоже, что скифы тяготели больше к Боспору, на что указывает как топография ранних поселений крымских скифов⁶¹, так и упомянутое их участие во внутренних боспорских делах.

По Страбону Малая Скифия состояла из двух областей — крымской и нижнеднепровской. Археологические материалы позволяют думать, что это были локальные регионы со своими чертами позднескифской культуры в каждом из них⁶². Не исключено, что первоначально они обладали и определенной политической самостоятельностью. Такое допущение можно вывести из тенденции к объединению Скифии и упрочению централизованной власти, отчетливо выраженной в деятельности царя Скилура и его сына Палака. Но это относится уже ко II в. до н. э. В начале же III в. между двумя областями Скифии лежали земли северной части херсонесской хоры с расположенными на них укрепленными и неукрепленными поселениями, системами земельных наделов, хлебными полями и виноградниками. Они-то и привлекли, по-видимому, внимание приднепровских скифов, на которых к северу от Перекопа наседали сарматы, начавшие продвижение на запад⁶³.

Первые удары скифов, направленные против Херсонеса (а также Ольвии), могли быть нанесены из Приднепровья. В дальнейшем же в эту борьбу включились и крымские скифы. В какой-то из моментов скифо-херсонесских войн, явно неблагоприятный для Херсонеса, видимо, был заключен военный союз херсонесцев с сарматами Амаги, направленный против скифов. Возможно, в результате вмешательства сарматов политическая обстановка на время стабилизировалась, но вряд ли

надолго. Раскопки показывают, что на протяжении III и начала II вв. до н. э. бывшие владения Херсонеса в северо-западном Крыму перешли в руки скифов. Все херсонесские населенные пункты, в том числе Керкинитиды и Калос-Лимен, лежали в развалинах. В прибрежной зоне возникают крепости скифов. Обе части Скифии сливаются в единую Малую Скифию, что, несомненно, способствовало централизации и возвышению позднескифского царства.

Новое земледельческо-скотоводческое население пришло из Приднепровья в северо-западный Крым свою культуру, свой уклад жизни, свои обычаи. Наряду с лепной посудой характерных для Приднепровья форм здесь появляется и типичный для этого района погребальный обряд — захоронение умерших в катакомбах, наиболее достоверный признак происхождения новых пришельцев.

КРЕПОСТЬ ТАРПАНЧИ

Организация скифского войска, очевидно, была отменной. Не довольствуясь собственным богатым опытом, скифы переняли многое у причерноморских греков. В конце IV в. до н. э. войско скифов состояло из пехоты и конницы. В III в. до н. э. они уже умели осаждать крепости и строить стенобитные машины. Убедительным тому доказательством служит появление в III—II вв. до н. э. дополнительных противотаранных поясов на херсонесских башнях как в северо-западном Крыму, так и вблизи города. Наступательное и защитное вооружение скифских воинов хорошо известно по находкам мечей, наконечников железных копий, железных

Башня скифской крепости на городище Тарпанчи.

и медных стрел, пращевых камней, шлемов, остатков пластинчатых панцирей, боевых поясов и т. д.

В тактике строительства позднескифских крепостей на захваченных территориях северо-западного Крыма появилась неизвестная нам до сего времени особенность — тактический прием, позволявший скифам быстро и сравнительно легко создавать опорные укрепленные пункты для дальнейшего продвижения в глубь страны, превращая в свои крепости сооружения херсонесской хоры. Любая захваченная и разгромленная скифами усадьба превращалась в ядро будущей скифской крепости, стены домов укреплялись дополнитель-

152

ными панцирями бутовой кладки. Если хватало времени, вокруг усадьбы вырывали глубокий ров, грунт из которого присыпали к стенам бывшего дома, образуя вал. Обращенный в сторону противника скат рва и вала облицовывался каким попало камнем, а когда ров вырубали в скале, облицовки не требовалось. На гребне вала возводилась невысокая каменная стена с бащенными выступами или даже без таковых — и крепость готова.

Были и отступления от этого правила. Так, крепость «Чайка» не имела ни рва, ни вала; на городище Тарпанчи не было вала. Но все миниатюрные крепости скифов в северо-западном Крыму объединяет одна общая черта — все они «переделаны» из крупных греческих усадеб.

При раскопках усадьбы близ Калос-Лимена мы столкнулись именно с такой крепостью. Скифы, захватив этот сельский дом, стоявший на самой окраине земледельческой округи Прекрасной Гавани, стали переделывать его, вырубая ров и присыпая грунт к стенам дома. Сооружение рва, естественно, началось с наиболее угрожаемой стороны, обращенной фронтом к еще не взятому городку херсонесцев. Здесь ров вырублен в полный профиль. С остальных сторон его только начали копать, но не успели закончить, так как внезапное контрнападение, вероятно, со стороны Калос-Лимена, заставило скифов отступить.

Если у бухты Ветреной, по всей видимости, удалось выявить начало переделки скифами сельской усадьбы в свою крепость, то раскопки городищ «Чайка», Южно-Донузлавского, Тарпанчи открыли вполне законченные фортификационные сооружения скифов. Познакомимся с ними на примере крепости Тарпанчи в селе Окуневке, которую раскапывала Тарханкутская экспедиция с 1960 по 1966 г.

Небольшая крепость, стоящая сейчас на морском берегу (45 × 40 м), в плане повторяет очертания предшествовавшей ей укрепленной херсонесской усадьбы. Захватив и разгромив здание, скифы заново перестроили его, возведя по периметру усадьбы новую оборони-

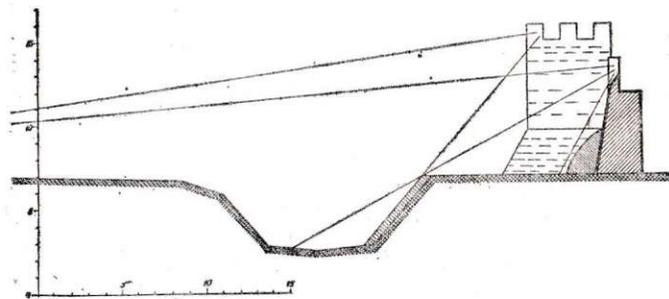
тельную стену с квадратными башнями. Окружавшая крепость стена и башни сложены из бутового камня на глине без фундамента. На раскопанном участке стена сохранилась на высоту до 2 м; в древности же она возвышалась примерно на 6 м. В основании толщина ее составляла 2,8 м, но кверху стена сужалась за счет некоторого наклона наружной облицовки. Пятиметровые в поперечнике башни выступали из крепостной стены на близком расстоянии друг от друга. Их строго вертикальные стены сохранились на высоту более 2 м; первоначально же они достигали 8—9 м. Рва вокруг крепости сначала не было, и новые хозяева поселения вскоре поняли свою ошибку.

Скифы, поселившиеся в крепости, судя по всему, были земледельцами. Они освоили окрестные земли, на которых выращивали пшеницу и ячмень. Допустимо предположить, что хозяйство их было общинным и весь урожай свозился с полей для обмолота в одно место — на специально подготовленную площадку перед крепостью. На этой же площадке у оборонительной стены находился легкий навес для хранения намолоченного зерна. Навес был перекрыт жердями, обмазанными сверху глиной. Под ним на хорошо утрамбованном глинобитном полу сохранились отпечатки босых ног. Видимо, кто-то прошел по только что промазанному глиной и еще не высохшему полу зернохранилища.

В один из июльских или августовских дней II в. до н. э., когда урожай уже был снят, обмолочен и зерно сложено под навес в буртах, крепость подверглась неожиданному нападению. Был ли это отряд херсонесского войска, пытавшегося вернуть потерянные владения, или, может быть, стремительный набег их союзников—сарматов? Последующие события позволяют высказать догадку, что укрепление осаждал скорее всего

отряд херсонесских воинов, умевших вести регулярную осаду. Остается, однако, неизвестным, удалось ли им захватить на какое-то время крепость или же попытка оказалась безуспешной. Немым свидетелем этой стычки остался погибший склад с запасами зерна, которое защитники крепости не успели убрать в безопасное место. Раскопки 1960 и 1966 гг. раскрыли только небольшую часть зернохранилища, на полу которого сплошным толстым слоем лежало более четырех с половиной тонн обуглившегося зерна — пшеницы и ячменя. Произошло это не в самом конце II в. до н. э.⁶⁴, а ранее — до походов Диофанта.

После набега защитники крепости поумнели и значительно укрепили ее, выкопав перед стенами широкий ров, а также усилив основания стен и башен. Ров

Оборонительные сооружения крепости Тарпанчи. Реконструкция автора.

глубиной 4,5 м имел корытообразный профиль, шириной по верху 11—12 м и около 5 м по дну. Внутренний скат рва был облицован камнем. Дополнительный про-

тивотаранный пояс (явное заимствование из херсонесской фортификации) значительно утолстил нижние части стен и башен. Местами он сохранился на полную высоту — до 2 м. Особенно мощным было пирамидальное утолщение западной фланговой башни крепости, достигавшее в основании 2,35 м толщины.

Вполне вероятно, что крепость Тарпанчи не раз осаждалась херсонессцами. Не случайно же вонзился в ее оборонительную стену гребенчатый бронзовый наконечник стрелы, обнаруженный при раскопках. В числе других прибрежных крепостей скифов она была взята греками в конце II в. до н. э., во время второго похода Диофанта.

Стены и башни ее простояли до второй половины — конца I или рубежа I—II вв. н. э., после чего были частично разобраны, и бывшая крепость превратилась в неукрепленное земледельческо-скотоводческое и рыболовецкое поселение.

НИ ЭЛЛИНУ, НИ ВАРВАРУ...

Военно-политическая обстановка на протяжении III—II вв. до н. э. прослеживается по многим разрозненным фактам. Попытаемся свести их воедино.

Первые набеги скифов на северную часть херсонесской хоры относятся, как мы полагаем, к началу III в. до н. э. Тогда был превращен в руины поселок у Ярылгачской бухты (Панское-1), сожжена усадьба близ Прекрасной Гавани. Жители Калос-Лимена в ожидании новых набегов со стороны Перекопа строят стену («баркан»), дабы оградить свою сельскую территорию с северо-востока. Из херсонесской присяги сле-

дует, что какая-то часть херсонесской хоры уже на первом этапе скифо-херсонесских войн перешла во владения скифов.

Вторжения скифов на хору Херсонесского государства не могли пройти бесследно для его внутренней жизни. Можно предполагать, что именно эти события вызвали вспышку серьезного внутривосточного кризиса в Херсонесе, подготовленного предшествующим социально-экономическим и политическим развитием полиса. Кризис, вероятно, сопровождался борьбой партий и группировок, а также усилением центробежных тенденций в подвластных городах. Политическая борьба завершилась победой демократов и созданием текста херсонесской присяги с воззванием к единению. «Ни эллину, ни варвару» клянутся херсонесцы ничего не отдавать и не предавать из того, чем они владеют или владели. Возможно, что в то же время была проведена военная реформа Агасикла.

В III в. до н. э. Херсонесское государство находится еще в полосе своего расцвета, особенно в первой половине столетия. Однако в то же время продолжает нарастать и мощь позднескифского царства. По мере того, как под давлением сарматов скифы все более концентрировались в Крыму, события продолжали развиваться все менее благоприятно для херсонеситов, что и вынудило их обратиться за помощью к сарматам.

Вероятно, в первой половине — середине III в. до н. э. происходит перестройка и утолщение западных участков крепостных стен Керкинитиды, постройка противотаранного пояса на башне Беляуса. Тогда же произошел первый крупный пожар на укреплении «Чайка», была разгромлена и сожжена усадьба с круглой башней около Керкинитиды. Набеги скифов совершаются не только на окраинные земли Херсонесского госу-

дарства, но и на его непосредственную округу. О реальной военной опасности, о нападениях на усадьбы и опустошениях хоры свидетельствуют пять кладов херсонесских монет, зарытых в первой половине III в. до н. э. на наделах близ Херсонеса и Керкинитиды. Владельцы этих денег не вернулись за ними.

В последующий период нажим скифов на Херсонес усиливается. Херсонесцы постепенно теряют свои северо-западные владения. Уничтоженное укрепление «Чайка» перестраивается херсонесцами в укрепленную усадьбу; сожженная и разгромленная усадьба на наделе № 26 близ Херсонеса вновь отстраивается и укрепляется могучей башней. Спешно возводятся монументальные противотаранные пояса на башнях херсонесских усадеб. Обстановка все накаляется. В руки скифов переходят один за другим населенные пункты хоры: Тарпанчи, Беляус, Южно-Донузлавское, «Чайка», перестраиваемые скифами в свои крепости. Другие поселения Херсонеса просто уничтожаются.

В конце III или первых десятилетиях II в. до н. э. новый страшный удар (или, скорее, серия ударов) обрушивается на Херсонесское государство. Об одном из набегов «соседних варваров» (это могли быть не только скифы, но и тавры) на ближайшую округу города рассказывается в надписи III в. до н. э., найденной в Херсонесе. Набег совершен был в тот момент, когда жители города вышли за его стены на торжественную процессию в честь бога Диониса⁶⁵. Произошло это скорее всего осенью, во время уборки винограда. Хотя нападение и было неожиданным, его, судя по тексту надписи, удалось отразить.

А. М. Гилевич нанесла на карту все известные находки херсонесских монет III—II вв. до н. э. и выяснила таким путем, что уже в первые десятилетия II в.

до н. э. Херсонес, очевидно, потерял все свои владения в северо-западном Крыму⁶⁶. На этой территории больше не обращаются херсонесские деньги. Зато в ближайших окрестностях Херсонеса найдено три очень крупных клада серебряных и медных монет, зарытых в начале II в. до н. э., что служит хорошим указанием на вероятность набегов на городскую округу. О том же говорят и другие археологические факты: разрушение в конце III или начале II в. до н. э. некоторых укрепленных усадеб на пригородных наделах, разгром поселка и мастерских гончаров под стенами города, гибель загородного поселка виноделов. Опасность для города была настолько велика, что херсонесцы поспешно возвели новые участки крепостных стен и башен, разобрав на строительный материал надгробные памятники на собственном кладбище.

На рубеже III—II вв. до н. э. скифы продвигаются все ближе к Херсонесу. В устье реки Альмы в это время, по данным Т. Н. Высотской, возникает скифский город. По ее предположению, это мог быть Палакий; нам же представляется, что это крепость Дандака⁶⁷.

В 179 г. до н. э. Фарнак, царь Понта*, создает антиримскую коалицию из греческих полисов Причерноморья. Об этом сообщает историк Полибий⁶⁸. В союз с Фарнаком входят Херсонес и сарматский царь Гагал (или Сатал). Снова, видимо, херсонесцы обращаются за помощью к врагам скифов сарматам. Но надеются они также и на силу понтийского царя. При раскопках Херсонеса найден текст договора херсонесцев с Фарнаком, в котором царь Понта обязуется: «Если соседние варвары пойдут походом на Херсонес или подвластную Херсонесу территорию, или будут обижать херсонесцев, я буду помогать им, поскольку мне позволяет

*Понт — государство на южном берегу Черного моря.

Клад монет начала II в. до н. э. из окрестностей Херсонеса.

время»⁶⁹. Нашлось ли у него это время? Но не исключено, что в отношениях Херсонеса со скифским царством наступил период стабилизации, сменившийся в конце столетия новой вспышкой ожесточенной войны.

УВЕНЧАНИЕ ДИОФАНТА

«Народ венчает Диофанта, сына Асклепидора, синопейца, за его доблесть и благосклонность к себе». Эта фраза была торжественно произнесена, вероятно, в 107 г. до н. э. при стечении ликующей толпы горожан во время парадной процессии на празднике Парфений —

ежегодном празднестве в честь главной богини Херсонеса Девы, незримой защитницы и покровительницы города. Чествуемый виновник торжества стоял перед херсонесцами в золотом венке, возложенном на его чело представителями Совета.

Имя Диофанта уже мелькало на страницах нашей книги. Связано оно с самыми последними событиями, завершающими длительный период скифо-херсонесских войн III—II вв. до н. э. победой над скифами. О ней мы знаем довольно подробно, так как до нас дошло несколько письменных документов, освещающих заключительный этап войны. Херсонесцы (такое часто бывает в истории) сохраняли сведения о своих победах, вырезая в надание потомкам хвалебные тексты на мраморных плитах, и умалчивали о поражениях. Все предшествующие военные успехи скифов, отхвативших у Херсонеса его земли, реконструируются в основном по археологическим данным.

Во второй век до н. э. Херсонесское государство вступило сильно ослабленным. Для скифского же царства II в. — время правления Скилура и сына его Палака — явился эпохой максимального возвышения. Завершилось объединение Скифии, и высоко возросла ее роль на причерноморской арене. Развиваются тесные связи с греческими полисами, прежде всего с Ольвией, в которой чеканятся монеты с портретом и именем Скилура. Можно предполагать, что и общеполитическая обстановка на какое-то время пришла в относительное равновесие.

В конце II в. отношения скифского царства с Боспором и Херсонесом резко обостряются. Херсонесское государство не в состоянии противостоять соседу, ставшему более сильным. Не могут херсонесцы, по-видимому, и опираться на сарматов, так как последние в этот период ослаблены в результате продвижения в степи между Днепром и Доном новой политической силы — воинственных роксоланов⁷⁰. Не было, разумеется, и осо-

бых надежд на Боспор: царь Перисад V вынужден был платить дань скифам. В то же время за развитием политической обстановки на северных берегах Черного моря внимательно следил талантливый, ловкий и беспринципный политик, заклятый враг Рима и могущественный царь Понта Митридат VI Евпатор. Мечтая создать мощную антиримскую коалицию на Понте, подчинить себе причерноморские эллинские и варварские государства и варварские племенные объединения, превратить Черное море во «внутреннее море Митридата», чтобы начать с этого плацдарма новую борьбу с Римом, он только и ждал момента, чтобы вмешаться во внутренние северопонтийские дела.

И такой момент наступил. Как сообщает хорошо осведомленный Страбон, Херсонес, «подвергаясь разорению варварами, был вынужден выбрать себе покровителя в лице Митридата Евпатора»⁷¹, который и выслал в помощь Херсонесу войско. Под предводительством полководца Диофанта оно прибыло в самый напряженный момент, когда скифы, разгромив городскую округу и, вероятно, захватив «старый» Херсонес, стояли уже непосредственно под стенами города.

Весь последующий ход войны подробно описан в обширном и, несомненно, приукрашенном хвалебном тексте, вырезанном на пьедестале бронзовой статуи Диофанта, поставленной благодарными херсонесцами. Статуя не сохранилась, а найденный в 1878 г. мраморный ее постамент с текстом почетного декрета стоит сейчас в херсонесском зале Государственного Эрмитажа⁷².

Диофант, прибыв с войском в осажденный Херсонес, «отважно совершил переправу на ту сторону». Где была «та сторона», хорошо знали современники. Для нас же эта фраза не совсем понятна. Страбон, описывая те же самые события, говорит, что в 15 стадиях (2,36—2,78 км) от стены херсонесцев был мыс и гавань Кге-

нунт*, расположенные на противоположной стороне залива. Может быть, здесь имеется в виду противоположная от Херсонеса сторона Севастопольской бухты с Северной косой?

Декрет утверждает, что после переправы на отряд Диофанта неожиданно напало большое скифское войско во главе с самим Палаком. Диофант «поневоле» принял битву и выиграл ее, обратив в бегство скифов. Однако по Страбону эта победа не так-то легко далась понтийским войскам: воинам Диофанта пришлось выдержать серьезную осаду.

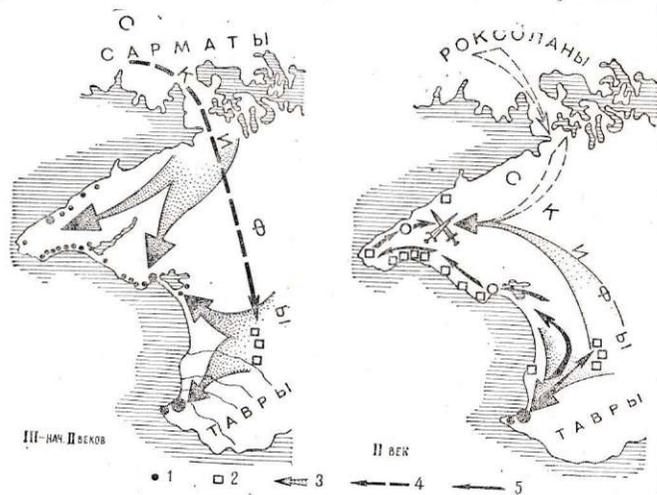
Следующим шагом Диофанта было подчинение «окрестных тавров» и основание крепости, названной (по Страбону) в честь Митридата Евпаторией. По очень убедительной гипотезе Д. Пиппиди, это была карательная операция против примкнувших к скифам зависимых от Херсонеса парэков.

Однако мощь скифов не была сломлена. Поэтому после некоторого перерыва армия Диофанта с отрядом херсонесцев «цветущего возраста» вторглась внутрь Скифии и взяла скифские крепости Хаби и Неаполь, после чего скифы признали себя подвластными царю Митридату. Миссия Диофанта как будто закончилась.

Но через некоторое время военные действия возобновились снова. Скифы, как написано в декрете, «отложились от царя (Митридата. — А. Ш.) и изменили положение дел». Видимо, Херсонесу опять пришлось туго, и Митридат во второй раз выслал в Крым Диофанта с войском. Вторая военная экспедиция против скифов началась осенью, «когда время склонялось к зиме». Войска Диофанта, имея в своем составе отряд херсонесцев, выступили против скифских крепостей в глу-

*Местоположение ее неизвестно.

бине Крыма. Но, «будучи задержан непогодами», понтийский полководец неожиданно для скифов повернул в приморские местности северо-западного Крыма. Внезапное изменение маршрута обеспечило успех нападения. Армия Диофанта взяла Керкинитиду, прибрежные укрепления и, вероятно, пройдя южным берегом Тар-

Скифо-херсонесские войны: III в. — нач. II в. до н. э. (схема слева), II в. до н. э. (справа).

1 — города и поселения херсонесцев; 2 — скифские крепости; 3 — основные направления нападений скифов; 4 — поход Амаги; 5 — походы Диофанта.

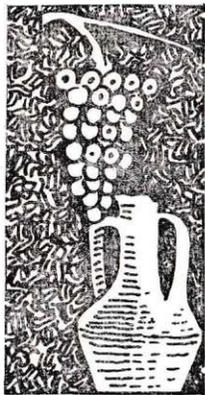
ханкутского полуострова, приступила к осаде Калос-Лимена. Но Палак заключил союз с роксоланами и, полагая, что «время ему благоприятствует», двинулся против Диофанта. Роксоланы выставили 50 000 человек

под предводительством Тасия: Диофант сделал «разумную диспозицию», оставив херсонесский отряд завершать осаду Прекрасной Гавани, а сам выступил против объединенного войска скифов и роксоланов с шестью тысячами воинов. Где-то в степях северо-западного Крыма произошла последняя битва, в результате которой войска понтийского полководца одержали над скифами и роксоланами победу «славную и достопамятную на все времена, ибо из пехоты почти никто не спасся, а из всадников ускользнули немногие».

Херсонесский отряд тем временем благополучно закончил осаду Прекрасной Гавани и взял ее. Отряд херсонесцев, вероятно, еще до походов Диофанта, вел также самостоятельные боевые действия против скифской крепости Напит, местоположение которой неизвестно. Об осаде херсонесцами Напита и Прекрасной Гавани стало известно из надписей, найденных в Херсонесе⁷³.

Херсонес мог праздновать победу. Но досталась она ему слишком дорогой ценой. Скифы не были окончательно сломлены; их царство вскоре окрепло и снова стало угрожать городу. Херсонес же потерял самостоятельность и попал в зависимость от Митридата, ставшего царем Боспора. В городе были размещены понтийские войска: на него легли тяжелые поборы — их требовал Митридат, готовясь к войне с Римом. Так закончился более чем трехвековой период самостоятельной истории Херсонеса Таврического, полиса гераклеотов, одного из древнейших государств на юге нашей страны.

Внимательный читатель, вероятно, заметил, что автор не старался обходить «острые углы» и не пытался показать, что все выводы и суждения археологов и историков (в том числе самого автора) безошибочны и представляют собой окончательно, раз и навсегда установленную истину. По совершенно справедливому замечанию известного современного эколога Барри Коммонера, «в науке истина достигается не столько стремлением избежать ошибок или субъективных суждений, сколько широким публичным обсуж-

дением, которое может исправить эти ошибки». И далее: когда ученый «делает всеобщим достоянием действительные факты, их интерпретацию и выводы — он служит истине»⁷⁴. Читатель сам разберется, где в этой книге приведены твердо установленные факты и положения, где гипотезы, основанные на косвенных доказательствах и требующие дальнейшей проверки, а где научные догадки, еще не превратившиеся в гипотезы. Над изучением Херсонесского государства работает большой коллектив ученых различных специальностей. В результате постоянно идущих раскопок, лабораторного и кабинетного изучения накопленных источников какие-то современные знания перейдут в разряд бесспорных и окончательно доказанных, какие-то изменятся или окажутся неверными. Так, в результате множества усилий, в движении от известного к неизвестному, постепенно выкристаллизуется наиболее близкая к подлинному прошлому историческая модель Херсонесского государства, его развития как в пространстве, так и во времени.

Но это задача будущего. Во всяком случае, традиционное изучение истории античных полисов Причерноморья только как городских поселений — в отрыве от их сельскохозяйственных территорий — является вчерашним днем науки. Насущным становится переход от исследования отдельных частей системы «полис—хора» к изучению ее в целом и во взаимодействии с варварским миром.

Многие археологи, такие, как К. К. Косцюшко-Валюжинич, С. Ф. Стржелецкий, В. П. Лисин, Н. М. Янышев, посвятили всю свою жизнь изучению истории Херсонеса. Целесообразно ли отдавать все свое время изучению одной научной проблемы? По этому поводу можно вспомнить рассказ видного советского ученого,

академика Б. А. Энгельгардта, напечатанный в одном из номеров «Нового мира». Ученому-биологу, специалисту по дождевым червям, был задан вопрос: «Как вы можете всю жизнь изучать одного червяка?» Тот ответил: «Что поделаешь, — червяк длинный, а жизнь коротка!»

Несколько поколений археологов и историков изучают Херсонес, а впереди еще масса неизвестного. Когда исследуемый «червяк» истории станет короче, можно будет написать другую книгу о Херсонесе и его хоре, основанную на новых фактах, добытых археологией, и более подробную, чем эта.

¹В. Latyshev. *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini (IPE)*, I², 401; В. В. Латышев. Присяга греческого города Херсонеса Таврического. Спб, 1900; С. А. Жебелев. Херсонесская присяга. В сб.: «Северное Причерноморье», М.—Л., 1953; Е. И. Леви. К вопросу о датировке Херсонесской присяги. Советская археология, IX, 1947; А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, IV. Херсонес и местное население (скифы). Вестник древней истории (ВДИ), 1950, 2, стр. 48 и сл.

²К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. ВДИ, 1940, 1, стр. 15.

³Ps-Sumpt., *Perieg.*, 822—829. Псевдо-Скимн. Землеописание. В. кн.: «Scythica et Caucasica. Известия древних писателей, греческих и латинских, о Скифии и Кавказе» (SC). Перевод В. В. Латышева, т. I, СПб, 1893—1900, стр. 88.

⁴Н. Schneiderwirth. *Das pontische Heraklea. Heiligenstadt*, 1882, стр. 15; А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, I. К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса. ВДИ, 1938, 2(3), стр. 257.

⁵Е. Minns. *Scythians and Greeks*. Cambridge, 1913, p. 515, M. Rostovtzeff. *Iranians and Greeks in South Russia*, Oxford, 1922, p. 63; А. И. Тюменев. К вопросу о времени и обстоятель-

ствах..., стр. 256—258; С. А. Жебелев. Возникновение Херсонеса Таврического. В сб.: «Северное Причерноморье», М.—Л., 1953, стр. 76—80; Г. Д. Белоз. Херсонес Таврический. Л., 1948, стр. 32—34; Я. В. Доманский. К предистории Херсонеса Таврического. В сб.: «Античный мир и археология», вып. 2, Саратов, 1974, стр. 37—46.

⁶ Г. Д. Белов. Некрополь Херсонеса классической эпохи. «Советская археология» (СА), XIII, 1950, стр. 283; Н. В. Пяташева. Тавры и Херсонес Таврический. Краткие сообщения Института истории материальной культуры, XXIX, 1949, стр. 123; С. Ф. Стржеleckий. Раскопки таврского некрополя в 1945 г. Херсонесский сборник, IV. Симферополь, 1948, стр. 95; В. Д. Блаватский. Античная археология Северного Причерноморья, М., 1961, стр. 186; А. Н. Щеглов. Основные этапы истории западного Крыма в античную эпоху. В сб.: «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья», Л., 1968, стр. 335; В. В. Лапин. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966, стр. 212—217; В. И. Кадеев. Об этнической принадлежности скорченных погребений херсонесского некрополя. ВДИ, 1973, 4, стр. 116.

⁷ А. Л. Бертъе-Делагард. Монетные новости древних городов Тавриды. Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД), XXX, 1912, стр. 42; А. М. Гилевич. Кучук-Мойнакский клад херсонесских монет IV—III вв. до н. э. Нумизматика и эпиграфика, VIII, 1970, стр. 6.

⁸ Э. И. Соломоник. Новые эпиграфические памятники Херсонеса, Киев, 1973, стр. 123 и сл., № 135—176; А. Н. Щеглов. Рецензия на «Сообщения Херсонесского музея», вып. IV. ВДИ, 1970, 2, стр. 177.

⁹ Diód., XX, 25. Диодор Сицилийский. Библиотека. SC, т. I, стр. 477 и сл.

¹⁰ D. M. Pippidi. Sur un passage obscur du décret en l'honneur de Diophante, fils d'Asclépiodore. Archeologia, IX, Warszawa — Wrocław, 1959, стр. 91, 93 и сл.

¹¹ Надписи Ольвии (1917—1965). Л., 1968, стр. 34—37, № 28—29.

¹² С. А. Жебелев. Херсонесская присяга, стр. 223—227; Е. И. Леви, ук. соч., стр. 89 и сл.; А. И. Тюменев. Херсонесские этюды, VI. Херсонес и Керкинитида. ВДИ, 1955, 3, стр. 44—47.

¹³ А. Н. Щеглов. О структуре населения хоры Херсонеса и Боспора в IV—II вв. до н. э. В сб.: «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир». Л., 1973, стр. 37.

¹⁴ Г. Д. Белов. Итоги раскопок в Херсонесе за 1949—1953 гг. СА. XXIV, 1955, стр. 257 и сл.

¹⁵ Strabo, VII, 4, 2. Страбон. География. Перевод и комментарии Г. А. Стратановского. М., 1964, стр. 282.

¹⁶ К. Э. Гриневич. Исследование подводного города в 1930—31 годах. М., 1931.

¹⁷ В. П. Зенкович. Берега Черного и Азовского морей. М., 1958, стр. 157—161; Его же. Морфология и динамика советских берегов Черного моря, т. II, М., 1960, стр. 189.

¹⁸ В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953, стр. 25—44, 116—126; С. Ф. Стржеleckий. Клеры Херсонеса Таврического. Херсонесский сборник, VI, Симферополь, 1961, L. Pecírka... Antiské zemedelské usedlosti v okolí města Chersonésu na Krymu. Listy filologicke. 91, 1968, № 3, pp. 279—288; Его же Country estates of the Polis of Chersonesos in the Crimea. Ricerche storiche ed economiche in memoria di C. Barbagallo, I, Napoli, 1970, pp. 459—477; M. Dufkova — L. Pecírka Excavations of farms in the Chora of Chersonesos in the Crimea. "Eirene", VIII, 1970 Praha, pp. 123—174.

¹⁹ C. Schmi edt, R. Chevallier Caulonia e Metaponto. L'Universo. XXXIX, 1959, pp. 27—36; G. Uggeri. Κληροι arcaici e bonifica classica nella χώρα di Metaponto. La parola del passato, 124, Roma, 1969, p. 51.

²⁰ Pallas. Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des Russischen Reichs in den Jahren 1793 und 1794. t. II. Leipzig, 1801.

²¹ F. Dubois de Montpéreux. Voyage autour du Caucase chez Tcherkesses et les Abkhases, en Colchide, en Géorgie, en Arménie et en Crimée. Paris, 1841, t. VI. Atlas, 1-e serie.

²² Н. М. Печенкин. Археологические разведки местности страбовновского старого Херсонеса. Известия археологической комиссии, 42, Спб, 1911, стр. 198 и сл.

²³ В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 163; С. Ф. Стржеleckий. Клеры..., стр. 109, 113, 162.

²⁴ L. E. Lord. The "Pyramids" of Argolida. Hesperia, VII, 4, 1938, pp. 496—526.

²⁵ W. F. Jashemski. Large vineyard discovered in ancient Pompeii. Science, 1973, vol. 180, № 4088, pp. 821—830.

²⁶ В. Д. Блаватский. Земледелие..., стр. 161—163; С. Ф. Стржеleckий. Клеры..., стр. 153, 161—162.

²⁷ О. Я. Савеля. Раскопки и разведки в окрестностях Седастополя. Археологические открытия 1973 г. М., 1974, стр. 338.

²⁸ Агг., РРЕшх., 30. Арриан. Перипл Понта Эвксинского. СС, т. I, стр. 225.

²⁹ П. О. Бурачков. Опыт соглашения открытой в Херсонесе надписи с природою местности и сохранившимися у древних писателей сведениями, относящимися ко времени войн Диофанга, полководца Митридата, со скифами. ЗООИД, т. XII, Одесса, 1881, стр. 233.

³⁰ П. Н. Шульц. Евпаторийский район. В сб.: «Археологические исследования в РСФСР. 1934—1936», М., 1941, стр. 270.

³¹ М. А. Наливкина. Раскопки Керкинитиды и Калос-Лимена (1948—1952). В сб.: «История и археология древнего Крыма», Киев, 1957, стр. 265—269; Ее же. Торговые связи античных городов северо-западного Крыма. В сб.: «Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху», М., 1959, стр. 184 и сл.

³² М. А. Наливкина. Раскопки в Евпатории в 1961 г. Краткие сообщения Института истории материальной культуры, 51, 1953, стр. 128 и сл.

³³ М. А. Наливкина. Раскопки Керкинитиды и Калос-Лимена, стр. 272 и сл.

³⁴ А. Н. Щеглов. Исследование сельской округи Калос-Лимена. СА, 1967, 3; A. Wasowicz. La campagne et les villes du littoral septentrional du Pont-Euxin (nouveaux témoignages archéologiques). Dacia, XIII, 1969, pp. 87—89; Ее же информация в сб.: «Atti del settimo convegno di studi sulla Magna Grecia». Naples, 1970, pp. 195—196; Ее же. Traces de lotissements anciens en Crimée. Mélanges de l'École Française de Rome, t. 84, 1972, 1, pp. 209—211.

³⁵ Strabo, VII, 4, 6. Страбон. География, стр. 284.

³⁶ А. Н. Карасев. Раскопки на городище «Чайка» близ Евпатории. Краткие сообщения Института археологии АН СССР (КСИА). 95, 1963; Его же. Раскопки городища у санатория «Чайка» близ Евпатории. КСИА, 103, 1965.

³⁷ M. Rostovtzeff. The social and economic history of the hellenistic world. I, Oxford, 1941, p. 508.

³⁸ А. Н. Щеглов. Разведки 1959 года на западном побережье Крыма. Сообщения Херсонесского музея, II, Симферополь, 1961, стр. 71.

³⁹ А. Н. Карасев. Раскопки городища у санатория «Чайка» близ Евпатории, стр. 139.

⁴⁰ И. В. Яценко. Исследование городища у санатория «Чайка» в Евпатории. Археологические открытия 1969 г., М., 1970, стр. 254.

⁴¹ А. Н. Щеглов. Поселения северо-западного Крыма в античную эпоху. КСИА, 124, 1970, стр. 21—22, рис. 6.

⁴² О. Д. Дашевская. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963—1965 гг., КСИА, 109, 1967.

⁴³ В. Д. Блаватский, Б. Г. Петерс. Кораблекрушение конца IV — начала III в. до н. э. около Донузлава. СА, 1969, 3.

⁴⁴ А. Н. Щеглов. Поселения северо-западного Крыма..., стр. 19—20.

⁴⁵ А. Н. Щеглов. Разведки 1959 года..., стр. 71 и сл.

⁴⁶ О. Д. Дашевская, А. Н. Щеглов. Херсонесское укрепление на городище Беляус. СА, 1965, 2; О. Д. Дашевская. Античная башня на городище Беляус. КСИА, 116, 1969.

⁴⁷ Plin., NH, XVII, 66. Плиний. Естественная история, XVIII, 66.

⁴⁸ A. Jarde. Les céréales dans l'antiquité grecque. Paris, 1925, p. 32.

⁴⁹ Н. Н. Клепинин. Почвы Крыма. Крымгосиздат. 1935, стр. 85.

⁵⁰ IPE, I², 418.

⁵¹ А. Н. Щеглов, В. Д. Бурдак. О промысле рыбы у берегов Тарханкута в античную эпоху. Рыбное хозяйство, 1965, № 3.

⁵² О. Д. Дашевская. О таврской керамике с гребенчатым орнаментом. СА, 1963, 4, стр. 208 и сл.; Ее же. Скифы на северо-западном побережье Крыма в свете новых открытий. В сб.: «Проблемы скифской археологии», М., 1971, стр. 152 и сл.; А. Н. Щеглов. О населении северо-западного Крыма в античную эпоху. ВДИ. 1966, 4, стр. 148 и сл., 154.

⁵³ А. Н. Щеглов. Поселения северо-западного Крыма..., стр. 20 и сл.

⁵⁴ Herod., IV, 17. Геродот. История в девяти книгах. Перевод и примечания Г. А. Стратановского. Л., 1972, стр. 191.

⁵⁵ IPE, I², 32.

⁵⁶ А. Н. Щеглов. Раскопки городища Тарпанчи в 1960 г. Сообщения Херсонесского музея, III, Симферополь, 1963, стр. 75.

⁵⁷ P. Lién, VIII, 56. Полиен Амага В сб.: «Древний мир на юге России. Изборник источников» под ред. Б. А. Тураева, И. Н. Бороздина и Б. В. Фармаковского. М., 1918, стр. 63 и сл.

⁵⁸ М. И. Ростовцев. Амага и Тиргатао ЗООИД, XXXII, 915, стр. 58 и сл.; Его же. Скифия и Боспор. Л., 1925, стр. 137 и сл.; Б. Н. Граков. Скифы. М., 1971, стр. 31;

J. Harmatta. Studies on the history of the Sarmatians Budapest, 1959, pp 8—11.

⁵⁹ Д. А. Мачинский. О времени первого активного выступления сарматов в Поднепровье по свидетельствам античных письменных источников. Археологический сборник. 13, Л., 1971, стр. 42 и сл.

⁶⁰ Т. Высотская. Скифские городища. Симферополь, 1975; В. Даниленко, Р. Токарева. Башня Зенона. Симферополь, 1974; Дорогой тысячелетий. Очерки о древнем Крыме. Симферополь 1969

⁶¹ Т. Высотская. Ук. соч., стр. 7.

⁶² П. Н. Шульц. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму. В сб.: «Проблемы скифской археологии». М., 1971, стр. 127 и сл.

⁶³ А. Н. Щеглов. Северо-западный Крым в античную эпоху. Автореферат диссертации. Л., 1971, стр. 21.

⁶⁴ А. Н. Щеглов. Раскопки городища Тарпанчи в 1960 г., стр. 72; Его же. Раскопки в северо-западном Крыму. Археологические открытия 1966 г. М., 1967, стр. 211 и сл.

⁶⁵ ИРЕ, 1², 343.

⁶⁶ А. М. Гилевич. Хронология и топография кладов херсонесских монет IV—II вв. до н. э. и некоторые вопросы скифо-херсонесских взаимоотношений. В сб.: «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир». Л., 1973, стр. 11.

⁶⁷ Т. Высотская. Ук. соч., стр. 35; А. Н. Щеглов. Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды, 2. О местоположении Дандаки. ВДИ, 1965, 2, стр. 110 и сл.

⁶⁸ Polyb., XXVI, 6. Полибий. История. SC, т. I, стр. 444.

⁶⁹ ИРЕ, 1², 402.

⁷⁰ Д. А. Мачинский. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н. э.—I в. н. э. Археологический сборник, 16, Л., 1974, стр. 126 и сл.

⁷¹ Strabo, VII, 4, 3. Страбон. География, стр. 282.

⁷² ИРЕ, 1², 352.

⁷³ ИРЕ, 1², 353; Э. И. Соломоник. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1964, стр. 7 и сл., № 1.

⁷⁴ Б. Коммонер. Замыкающийся круг. Л., 1974, стр. 62.

СОДЕРЖАНИЕ

Херсонес: полис	9
В четвертом-третьем веках	14
По улицам города	26
Два Херсонеса	35
Ошибался ли Страбон?	40
На земле гераклеотов	45
Первойсследователи	50
Загадочные башни	54
Виноградники и сады	66
Керкинитиды — Калос-Лимен	77
Подвластные города	81
Южной Донузлава	100
На берегах Тарханкута	109
Погибшая в пожаре	132
Херсонес и скифы	145
Легенда об Амаге	146
Крепость Тарпанчи	151
Ни эллину, ни варвару...	156
Увенчание Диофанта	160
От известного к неизвестному	166
Литература и источники	169

Александр Николаевич Щеглов

ПОЛИС И ХОРА

Серия „Археологические памятники
Крыма“

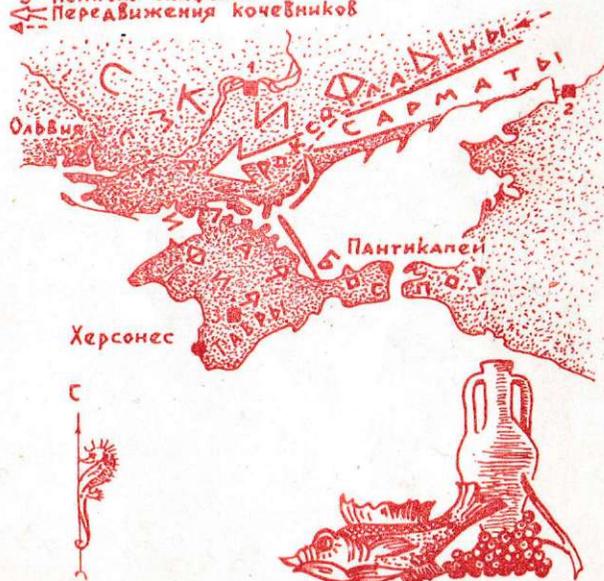
Общественный редактор
О. И. Домбровский
Редактор издательства
С. К. Сосновский
Художник Н. Г. Чайка
Фото автора
Художественный редактор
В. В. Купчинский
Технический редактор Н. Д. Крупская
Корректор С. А. Павловская

Сдано в набор 4.VII 1975 г. Подписано
к печати 19.V 1976 г. БЯ 01102. Бумага
типографская № 1. Формат 76 × 108¹/₃₂.
Объем: 5,5 физ. л., 7,70 усл. л., 7,82
уч.-изд. л. Тираж 50000 (2-й завод 25000
—50000) экз. Заказ № 133 Цена 27 коп.

Изготовлено Нестеровской городской ти-
пографией Львовского облполиграфизда-
та (г. Нестеров, ул. Горького, 8) с мат-
риал издательства «Таврида» Крымского
обкома Компартии Украины (г. Симфе-
рополь, проспект Кирова, 32/1, зак. 7674

Северное причерноморье с середины IV до конца II в. до н.э.

- Центры греческих государств
- Важнейшие центры Скифии
- 1 Каменское городище
- 2 Елизаветовское городище
- 3 Неаполь скифский
- 4-4- Передвижения кочевников

Цена 27 коп.

4

